

Рахим Эсенов

**Духовная оппозиция
в Туркменистане
1917-1935**

Москва, 2002

ВВЕДЕНИЕ

Внеочередное заседание Туркменского научно-литературного общества (ТНЛО) намечалось как нелегальное. Собирались на него не как обычно в доме Берды Кербобаева на улице Докторской, а на квартире Бекки Бердыева. Круг приглашенных был узким, строго отобранным. Хотя создание ТНЛО по инициативе братьев Бекки и Какаджана Бердыевых было одобрено агитпропом ЦК КП/б/ Туркменистана, на его мартовское заседание 1932 г. собирались украдкой и пригласили участвовать в нем интеллигентов, которых не особенно жаловали в «верхах».

Бекки Бердыев - инициатор внеочередного заседания - еще не знал, как собравшиеся (поэты, ученые, литераторы, журналисты, общественные деятели) отнесутся к его «крамольной» идее - сделать достоянием общественности, прежде всего зарубежной эмиграции, создание ТНЛО, которое намерено пока исподволь формировать общественное мнение, показать, что народы Средней Азии не дремлют, что среди них есть нация туркмен, готовая бороться за национальную независимость, а свою родину, которая, как и при царизме, остается сырьевым придатком Центра, превратить в экономически и политически независимое государство¹.

Опасная инициатива братьев Бердыевых и их единомышленника Сеидмурада Овезбаева была не случайной. Пробный шар был запущен еще на прошлом заседании Общества, на котором Какажан Бердыев высказал мысль о выходе Туркменистана из состава СССР², а С.Овезбаев открыто проявил «антисоветские настроения», рассказав о переходе осенью 1931 года на сторону повстанцев не только бедняцко-средняцких масс, но также советских и партийных работников аулов, районов и даже республиканского звена, в частности, членов ЦИК ТССР. Бегство за границу С.Вафаева, трагическую попытку уйти за рубеж А.Кульмухамедова, а также помышлявшего о том же М.Гелдыева Овезбаев расценил как выражение интеллигенцией общего недовольства политикой советской власти³.

Внеочередное заседание общества пришлось отложить из-за появления Шевки Бекторе, которому братья Бердыевы не доверяли, и не без основания⁴.

¹ Архив КНБТ, д.П48577, т.1, л.379.

² Там же, д.46686, т.5, л.118.

³ Там же, д.П48577, т.8, л.186-188.

⁴ Там же, т.5, л.531. Из 35 арестованных по делу организации «Туркмен Азатлыгы» турецко-подданный Ш.Бекторе, работавший преподавателем Ашхабадского педтехникума, оказался самым словоохотливым арестантом, подписавшим без разбора все предъявленные ему и его «подельникам» обвинения. Не будем строго судить человека, который, оклеветав других, возводил напраслину и на себя, «признавая», что является английским шпионом. Тем не менее, в основу

Днями ранее ГПУ Туркмении арестовало ценителей народной музыки, собравшихся послушать *бахши*, обвинив их в организации собрания «контрреволюционной организации». Через несколько дней братьев Бердыевых и остальных членов ТНЛО тоже арестовали по обвинению в принадлежности к так называемой антисоветской организации «Туркмен Азатлыгы» (Свобода туркмен).

Существовала ли в действительности подобная подпольная организация? Этот вопрос мы рассмотрим ниже⁵. Но инакомыслие в туркменском, как и в любом другом обществе безусловно существовало. Его выразители - люди неординарные, критически относившиеся к большевистской тоталитарной системе.

Латинское слово «*oppositio*» означает «противопоставление», то есть противодействие, сопротивление, противопоставление своих взглядов, своей политики какой-либо другой политике, другим взглядам или же, когда группа лиц внутри какого-либо общества, организации, партии, коллектива ведет политику противодействия, сопротивления большинству⁶. Так же слово «*оппозиция*» толкуется и в туркменском языке⁷.

Во все времена пришельцы, устанавливая власть над каким-либо народом, стремились прежде всего уничтожить ученых, поэтов, мыслителей, обратить в прах их книги, рукописи, ибо полагали, что после этого не составит особого труда склонить оставшихся в живых к покорности. Недалекие правители нередко видели в умных, неординарно мыслящих личностях - выразителях народных дум - угрозу своей власти. Так было во все времена.

Автор этих строк не случайно акцентирует внимание на вторжениях чужеземцев, останавливаясь на вопросах, которые, казалось бы не входят в задачу исследования. Между тем именно различные противоречия, экономические, политические, религиозные, этнические и другие, возникавшие между соседними государствами и народами, приводили к междоусобицам, войнам, в результате которых одни становились победителями, другие - побежденными. Так рождалось противостояние, разделявшее порою единый народ на враждебные лагеря и группировки.

обвинительного заключения легли именно показания Бекторе, подписавшего их, надо полагать, не без физического и морального воздействия следователей. Но Бекторе горькая чаша «подельников», многие из которых были расстреляны, все же миновала - он остался в живых, и в начале 50-х годов ему позволили вернуться в Турцию. Вероятно, в ГПУ-НКВД учли его «заслуги», ибо все эти годы он являлся их секретным сотрудником (Там же).

⁵ Об этом см. также Р.Эсенов. Тайны и разгадки одного мифа. - Журнал «Ашхабад», 1994, №9, с.25-70; №10, с 23-51; Р.Эсенов. Сырлы тосламарын пидалары. Ашхабад, 1995.

⁶ Словарь иностранных слов. Москва, 1986, с.348.

⁷ Туркмен дилинин сезлиги. Ашхабад, 1962, с.488.

В советское время многие события прошлого представлялись искаженно, извращалась историография и реалии жизни, поиск истины подменялся мифотворчеством и все наши исследования, к сожалению, заклинивало на «единственно верной» классовой концепции. Однако, обращаясь к истории, я против того, чтобы будить в народе память о прошлых обидах. К прошлому, даже если оно трагическое, обидное для туркменского народа, следует отнестись философски. Оценивая те или иные явления, события описываемых лет, нельзя людей другой эпохи, их действия, поступки рассматривать вне связи с их временем.

Один из трагических ударов по туркменскому народу был нанесен в описываемый в данной работе относительно короткий исторический период времени, насыщенный богатыми, противоречивыми событиями, заслуживающими глубокого изучения. Советская историческая наука на всякое инакомыслие навешивала ярлык «буржуазного национализма», а «басмачество» (т.е. вооруженную оппозицию в большинстве случаев являвшуюся частью национально-освободительного движения) объявляла «разновидностью политического бандитизма». «Идеологические истоки» туркменского инакомыслия 20-30-х годов апологеты классовой теории видели не в антинародной политике большевизма, а в пантюркизме, исламе, «пережитках» родоплеменных отношений, «политической и культурной отсталости туркменского народа». Вдохновителей повстанческого движения - феодально-родовую знать, мусульманских религиозных деятелей, часть дайханства, едва зародившуюся интеллигенцию и буржуазию - советская власть, объявив «врагами народа», подвергла жесточайшим репрессиям.

В этих социальных группах большевики, по сути сами развязавшие многочисленные локальные гражданские войны, и узрели основные силы, противодействующие режиму, поэтому с первых дней существования большевистского государства вся мощь карательных органов была обращена против этих оппозиционно настроенных слоев общества.

Наиболее передовые представители туркмен не могли мириться с диктатурой большевиков, которые, стремясь подавить противоречия, раздиравшие советское общество, начали массовые политические репрессии, обернувшиеся трагедией для миллионов. Постепенно Центр, пренебрегая спецификой национальной самобытности, традициями национального самоуправления, все нагляднее демонстрировал свое господство. Государственная власть все более централизовалась через аппарат компартии, ликвидируя даже призрачную видимость местных автономий. Это, естественно, вызывало сопротивление в национальных компартиях против

сталинской политики – «национальной по форме», но «полицейской по содержанию»⁸.

Внутрипартийную оппозицию Туркменистана, состоящую из советских и партийных работников, приверженных коммунистической идеологии, пожалуй, больше заботила борьба за власть, нежели коренное изменение существующей системы. Оппозиция, в определенной степени отражая настроение народных масс, со временем поняла, что почву для антисоветизма, национализма создает само государство. Однако интеллектуальные, партийные и советские кадры, находясь в оппозиции, представляли большую опасность для режима, поэтому угодили под жернова репрессий.

Несомненно, духовная оппозиция в Туркменистане существовала, но она не успевала вырасти в серьезную организованную силу, так как ее тут же уничтожали. Так случилось с ТНЛО, так произошло и с оппозиционной группой Тумаилова. Зато в докладах чекистов активно «действовали» мифические организации типа «Туркмен Азатлыгы». Хотя О.Шихмурадов, работавший в те годы в органах НКВД, незадолго до смерти заявил в беседе с автором, что и по сей день верит в реальность существования антисоветского подполья, выразившегося в деятельности «Туркмен Азатлыгы».

Изучение опыта оппозиционной борьбы в условиях тоталитарного режима имеет важное практическое, научно-познавательное значение, и, вероятно, при коллективных усилиях исследователей позволит закрыть «белое пятно» в трагической истории туркменского народа. К сожалению, тема духовной оппозиции пока не стала предметом изучения туркменской исторической науки. До недавнего времени она находилась под строгим запретом, соответствующие материалы были засекречены и не доступны исследователям.

Что касается западных исследователей, в большинстве их работ очень скупо, лишь мимоходом говорится о Средней Азии и Казахстане. При разработке темы массовых репрессий советологами, российскими и туркестанскими диссидентами последние по причинам субъективного порядка, а также из-за отсутствия доступа к историческими источниками

⁸ А.Г.Авторханов. Технология власти. – Журнал «Вопросы истории», 1991, №12, с.84. «Централизация государственной власти становится беспрецедентной, - замечает Авторханов. - Главы национальных республик и национальных компартий назначаются и смещаются даже не Сталиным, а его личной канцелярией. В этих условиях - в условиях безнадежности и отчаяния - в ВКП/б/ возникла национальная оппозиция» (Там же, с.82). Ноябрьский пленум ЦК ВКП/б/ 1934 г. обязал «обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий представить на утверждение ЦК ВКП/б/ всех секретарей районных комитетов партии» (ЦК КПСС в резолюциях..., ч.II. Москва, 1953, с.777,779,787).

нередко искажали факты, допускали много неточностей и фактических ошибок.

В работе советского историка К.Н.Новоселова, написанной в духе своего времени, отмечается, что за предвоенный период на Западе было издано не более 5-6 небольших книг, посвященных советской Средней Азии, где ее история «фактически извращается на все лады». Новоселов упоминает также печатный орган «буржуазно-националистических подонков» «Милли Туркестан» (Национальный Туркестан), издававшийся эмигрантами Вели Каюм-ханом и Баймирзой Хаитом⁹, изучение деятельности которых выходит за рамки настоящей работы.

Ждет своего исследователя и ежемесячный журнал тюркской эмиграции «Ени Туркестан» (Новый Туркестан), издававшийся с 1927 года на турецком языке в Константинополе. В том же году перевод первого номера этого журнала под грифом «строго секретно» был направлен секретариатом Средазбюро ЦК ВКП/б/ на имя первого секретаря ЦК КП/б/ Туркмении Ш.Ибрагимова¹⁰. Статьи, заметки, опубликованные в журнале, были посвящены экономическому и политическому положению в республиках Средней Азии, национальной политике Советов в Туркестане. Так, Мустафа Чокаев, знакомя с большевистской политикой в Туркестане, писал об «игнорировании русскими прав узбеков и киргизов», а также описывал оппозиционную деятельность группы узбеков во главе с Р.Иногамовым, редактором республиканской газеты «Кизыл Узбекистан». Обращаясь ко всем тюркским народам России и Средней Азии, в том числе и к туркменам, он призывал общими усилиями основать «единое тюркское государство» под эгидой Турции¹¹. В целом, наряду с объективной картиной в публикациях первого номера «Ени Туркистан» было немало тенденциозного, ошибочного, вольно или невольно искажающего жизненные реалии советских республик.

Остальные номера этого журнала мне не удалось разыскать в советских архивах, хотя он, присылаемый из Парижа, распространялся в иранских городах Мешхеде, Астрабаде и Гюргене среди проживавших там узбекских, казахских и туркменских эмигрантов. Если верить зарубежной агентуре ГПУ,

⁹ К.Новоселов. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962, с.8-9.

¹⁰ Центральный государственный архив политической документации Туркменистана (далее – ЦГАПДТ), ф.1, оп.4, д.347, л.387. Средазбюро, направляя один экземпляр этого журнала, переведенного с турецкого, предоставило возможность Ш.Н.Ибрагимову по его усмотрению определить круг лиц, подлежащих ознакомлению с этим «строго секретным» переводом. И тут же оговаривало необходимость максимально ограничить их число. Секретарь ЦК, явно перестраховавшись, не решился ознакомить с материалами журнала даже своих ближайших соратников.

¹¹ ЦГАПДТ, ф.1, оп.4, д.347, л.397

это оппозиционное издание переправлялось и в республики Средней Азии, например, в Туркменистане его получал Сеитмурад Овезбаев¹².

По данным ГПУ-НКВД ТССР, в 20-30-х годах за рубежом действовали многочисленные эмигрантские организации: «союзы», «объединения», «центры» и т.п. Так, в Париже действовал «Туркестанский национальный центр» во главе с М.Чокаевым, в Берлине - «Туркестанский национальный центр» (А.В.Исхаков), в Герате - «Туркестанское национальное объединение» (А.Курбансеидов), в Мешхеде – объединение «Шарк Юлдуз» (Садретдин-хан), в иранском ауле Хасарча - «Туркменский национальный союз» (Кульджан Ишан). В Стамбуле действовало «Туркестанское национальное объединение» под руководством Заки Валидова и Кули Куртгельдыева (Кули Арчин). В Иране, Афганистане и в других странах на родоплеменной основе были созданы и другие объединения эмигрантов из числа казахов и туркмен¹³.

Такое множество названий действовавших за рубежом организаций невольно создавало впечатление силы антисоветской эмиграции, но авторы сборника «На страже мирного труда», посвященного истории КГБ Туркменистана, отмечают, что эмигрантские организации были «в отдельности малочисленными и слабосильными»¹⁴. Впрочем, не во всем можно доверять летописцам советской госбезопасности. Основания для сомнений дают многочисленные примеры, когда факты, приведенные ими в открытых публикациях, не подтверждаются архивными документами бывшего КГБ СССР. Чекисты, стремясь придать значимость и весомость своей деятельности, нередко прибегали к фальсификации, выдавая за действительность плоды собственной фантазии. Например, авторы упомянутой нами книги «На страже мирного труда» характеризовали Оразмамеда Вафеева, чье имя вошло в учебники и исторические труды советского периода, как «врага народа», бежавшего за рубеж, чтобы оттуда «шире развернуть, обострить антисоветскую работу». По их версии Вафаев, перейдя границу, якобы установил связь с М.Чокаевым, выполняя его инструкции и рекомендации, активно способствовал расширению басмаческой деятельности в Туркмении, организовал заброску банд на ее территорию, их снабжение оружием и боеприпасами. Разгром в 1931 году басмачества в Туркмении не охладил пыл Вафаева, он по-прежнему вел

¹² Архив КНБТ, д.П48577, т.3, л.75-77

¹³ Там же, т.12, л.226; На страже мирного труда. Из истории органов госбезопасности Туркменистана. Ашхабад, 1977, с.126. Это юбилейное издание подготовлено авторским коллективом, в основном руководящими работниками КГБ ТССР, под общей редакцией председателя республиканского КГБ Я.Л.Киселева.

¹⁴ На страже мирного труда, с.126.

подрывную работу, по его вине продолжала литься кровь трудящихся дайхан¹⁵.

Все здесь - сплошная выдумка, за исключением того, что кровь дайхан «продолжала литься». Однако лилась она не по воле Вафаева, а по вине советской власти, организовавшей кровавое побоище в Каракумах. Вафаев, получивший высшее образование в Турции и имевший звание офицера, вынужден был покинуть родину из-за реальной угрозы ареста по обвинению в национализме и пантюркизме, к эмиграции его вынудила кампания преследований, организованная по указанию ЦК КП/б/ Туркменистана¹⁶.

Полтора года, проведенные Вафаевым в Иране, в основном прошли в хлопотах по обустройству личных дел, так как в эмиграции он испытывал серьезные материальные трудности, живя за счет сородичей. Связей с Чокаевым он не имел, получил лишь три письма из Мешхеда от муфтия Садретдина, предлагавшего вступить в организацию «Шарк Юлдуз»¹⁷. Судя по показаниям многих пленных басмачей и их связников, в Иране никакой организации, координирующей повстанческое движение в Туркменистане, не существовало. Восстание в Каракумах возникло стихийно (об этом подробнее см. §§1-2 гл.V). А оружием Вафаев действительно обладал - одним револьвером, отобранным у него при обыске иранской жандармерией, и пером и талантом поэта, изобличавшего чудовищные злодеяния войсковых и чекистских соединений, потопивших в крови восстание скотоводов Западного Туркменистана осенью 1931 года.

Перо Вафаева было опасно для коммунистических властей, поэтому оперативники ГПУ задались целью любой ценой выманить поэта из Ирана. Они направили к нему трех агентов-provokаторов, которые хитроумными комбинациями и всяческими посулами заманили Вафаева на территорию Туркменистана, где он был арестован и, несмотря на обещание офицера ГПУ сохранить жизнь, расстрелян¹⁸.

В 1927 г. перед органами ГПУ Туркмении была поставлена задача: «парализовать активность английских разведчиков, опирающихся на английское консульство в Мешхеде». Согласно официальной публикации, в начале 1929 года в поле зрения госбезопасности попал один из английских агентов, переброшенных в республику из Ирана. Взяв его под «контроль», органам ГПУ удалось арестовать «более двух десятков эмиссаров и агентов и еще несколько групп английских агентов, заброшенных в разное время и с разными целями». Таким образом, советская контрразведка в конце 1932 года

¹⁵ Там же, с.128.

¹⁶ Архив КНБТ, д.П48577. т.Ш, л.49-52.

¹⁷ Там же, л.164.

¹⁸ Там же, т.12, л.229-230.

ликвидировала антисоветские организации, «лишив разведки империалистических государств наиболее ценной агентуры»¹⁹.

В действительности в то время были арестованы и «ликвидированы» не английские агенты, а честные граждане, патриоты, обвиненные в принадлежности к несуществующей организации «Туркмен Азатлыгы». Позднее выяснилось, что никакой подпольной организации в Ашхабаде не существовало, в ту пору «иностранные эмиссары и агенты» в Среднюю Азию не засылались, а на официальный запрос военного прокурора Туркестанского военного округа в июле 1958 года органы госбезопасности и соответствующие архивы СССР ответили, что данными о связях 33-х осужденных по делу о «Туркмен Азатлыгы» с иностранными разведками не располагают, доказательств их виновности у них нет, а обвинения в преступной деятельности сфальсифицированы²⁰.

Насколько непросто сделать правильный вывод из архивных документов видно на примерах, приведенных выше. До недавнего времени к этим документам, хранившимся под различными грифами, подступиться было архисложно. Но даже если это удавалось, выписанные документы проходили сквозь сито негласной цензуры. До рабочего стола доходили не те, что требовались для объективного анализа, а те, с которыми считал возможным ознакомить исследователя тот или иной чиновник КГБ или бдительный архивист из бывшего Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, старательно вырезавший многие ценные выписки, сделанные автором из архивных папок.

Мои архивные поиски значительно облегчились после объявления горбачевской «перестройки» и особенно после провозглашения независимости Туркменистана, когда на некоторое время оказались доступными архивы Комитета национальной безопасности Туркменистана (бывшего КГБ ТССР), хранившиеся ранее в Ташкенте, а также архивы Федеральной службы безопасности Российской Федерации. Здесь мне предоставилась возможность изучить материалы дооктябрьского и послеоктябрьского периодов, когда на туркменской земле бесчинствовали карательные органы царизма, деникинский ОСВАГ (осведомительное агентство), многочисленные контрразведки белогвардейского правительства (1918-1920 гг.), особые отделы и военные трибуналы частей Красной Армии и всемогущий ОГПУ-НКВД, при котором функционировали Судебная коллегия и Особое совещание (ОСО).

¹⁹ На страже мирного труда, с.139.

²⁰ Архив КНБТ, д.П48577, т.14, л.П.

В архиве КНБ Туркменистана - залежь интереснейших документов, которых еще не коснулась рука исследователя. Правда, при работе с ними выявились трудности иного плана, ибо на многих из них лежит печать своего времени. Много наносного и в материалах партийных и государственных архивов, так что иногда трудно отличить правду от лжи. В годы сталинских репрессий было выявлено множество «врагов народа», «шпионов», воображение следователей создало большое число «подпольных организаций», «контрреволюционных групп» и т.п., так что иногда невольно теряешься. Некоторые документы, особенно разработки по поводу мифических «подпольных организаций», составлены так изощренно хитро, что им позавидует любой автор детективов.

Объектом моего изучения стали протоколы следствия, собственноручные показания обвиняемых, которые, будь они истинными оппозиционерами или людьми, далекими от политики, как правило подвергались моральному и физическому воздействию, в результате чего они «признавались» в несовершенных преступлениях. Подобной участи не избежали и многие свидетели, которых затем репрессировали вместе с «обвиняемыми». Повсеместно усердствовали платные и «идейные» доброты-осведомители, облыжно оговаривая безвинных. Нередко основанием для ареста служили клеветнические письма недоброжелательных соседей, сослуживцев и даже родственников, подброшенные из зависти или чувства мести. Ордера на арест выписывались даже на основе анонимного навета или телефонной договоренности между следователями ГПУ-НКВД и прокуратурой, редкий следователь не имел в кармане незаполненные бланки ордеров на арест с печатью и подписью, куда следовало лишь вписать фамилию очередной жертвы.

Трудно отыскать «уголовное дело» с показаниями арестованного, отрицавшего свою «вину» - все они в большинстве случаев подтверждали ее и ставили свои подписи под листами протоколов, составленных сотрудниками госбезопасности. Сложность исследовательской работы заключалась в том, чтобы отделить зерна от плевел, не оказаться во власти фантазий следователей.

Автор этих строк собирал материалы для книги в государственных и бывших партийных архивах в Москве, Ашхабаде, Баку и Ташкенте²¹. Множество еще неизученных материалов по данной теме таят в себе хранилища Центрального Государственного архива Туркменистана (ЦГАТ) и

²¹ Материалы Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, бывший ЦГАОР СССР) приводятся здесь по фотокопиям, хранящимся в фондах Центрального государственного архива Туркменистана.

его филиала – Центрального государственного архива политической документации Туркменистана (ЦГАПДТ - бывший партийный архив ИМЛ при ЦК КПТ). Эти фонды содержат стенографические отчеты партийных съездов и конференций, протоколы заседаний бюро, Пленумов ЦКК и ЦК КП/б/ Туркменистана, различных совещаний идеологических и сельскохозяйственных работников. Среди них немало источников, которые до сего времени особого внимания к себе не привлекали, так как о них запрещалось писать. Это, в частности сведения о существовании внутрипартийной оппозиции, об интригах, борьбе за власть в руководстве ЦК и Совнаркома (СНК) ТССР, о двурушничестве отдельных республиканских руководителей, о столкновениях между группировками Х.Сахатмурадова и К.Атабаева, о фактах проявления шовинизма и национализма, о «перегибах», пресловутых «уклонах» и т.п.

Большой научный интерес представляет документ внутрипартийной оппозиции «Что даст платформа оппозиции для Туркмении?», принадлежащий в основном перу М.С.Тумаилова. Эта оппозиционная программа старательно замалчивалась туркменской советской историографией или же, если о ней изредка и говорили, то однобоко, тенденциозно. Документы бывшего партийного архива Туркменистана перекликаются с не менее интересными материалами, хранящимися в архиве Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Среди деятелей смутной поры 20-30-х годов привлекает внимание колоритная фигура Махмуда Тумаилова, тогдашнего наркома финансов ТССР, туркмена по рождению, европейца по воспитанию, человека ярких дарований, эрудита, отличавшегося независимостью суждений, острого на язык, знавшего себе цену и потому вызывавшего личную неприязнь высокой партийной и советской номенклатуры. Тумаилов, переписывавшийся с Троцким и Зиновьевым, осуждал сталинскую национальную политику, выступал против экономического и политического диктата Центра, за экономическую и политическую независимость Туркменистана, требуя ликвидации всех надстроечных организаций и учреждений (в частности, роспуска Средазбюро ЦК ВКП/б/), выступал за коренизацию госаппарата и выдвижение «национал-коммунистов».

Глядя на трагическую биографию этого политического деятеля с позиций сегодняшнего дня, можно сказать, что М.Тумаилов - настоящий туркменский патриот, сумевший в мрачную эпоху тоталитаризма заглянуть в будущее Туркменистана. Таким же неуступчивым он предстал перед московскими следователями - достойно вел себя на допросах, никого не оговорил, вынужденно признав лишь свою «вину».

Его появление в Москве, куда он приехал на Комиссию партийного контроля ЦК ВКП/б/ с апелляцией по поводу исключения из партии, совпало с очередной кампанией массовых арестов троцкистов, «вредителей» и других «врагов народа». Он не подозревал, что за ним следили с самой Туркмении - и в поезде Ашхабад-Москва, и в самой советской столице, где он встречался со своим единомышленником Н.Н.Сапожниковым, выступавшим с идеей создания «Рабоче-колхозной демократической партии», призванной бороться за изменение существующего в СССР государственного строя²². Вечером 19 декабря 1935 года от гостиницы «Балчуг», где остановился М.Тумаилов, отъехал «черный воронок», доставивший его в мрачные подвалы Лубянки.

По воспоминаниям его жены И.С.Тумаиловой, отсидевшей в лагерях ГУЛАГа как «член семьи изменника Родины» почти десять лет, М.Тумаилов тяжело переживал «двурушничество» Х.Сахатмурадова и К.Атабаева, обещавших поддержку его оппозиционной борьбе, но в решающий момент отмежевавшихся от него и даже нанеших предательский удар в спину. Это подтверждается и архивными документами²³.

Так, А.А.Росляков на основе документов партийного архива пишет: «Из всех видных партийных работников Средней Азии к троцкистским авантюрам в кой-то мере оказался причастным лишь Х.Сахатмурадов да и то очень отдаленно (его усиленно «обрабатывал» Тумаилов)»²⁴. Далее Александр Анатольевич, ссылаясь на ташкентскую газету «Правда Востока» от 27 сентября 1927 г., замечает: «Вскоре Х.Сахатмурадов решительно выступил против Тумаилова». Видимо, ортодоксальный Сахатмурадов (в прошлом редактор белогвардейской газеты), соперничавший с более либеральным Г.Атабаевым за пост первого секретаря ЦК, убедившись, что «карта» Тумаилова бита, решил выступить против своего вчерашнего сообщника.

Это косвенно подтверждается и в воспоминаниях Н.С.Тумаиловой. «С памятного пленума 1927 года, осудившего оппозиционеров, - вспоминает она, - Тумаилов пришел расстроенным, лег на кровать, молча заплакал. Потом сказал: «Как Сахатмурадов меня подвел»²⁵.

Тема исследования ограничена 1917-1935 годами, хотя во многих случаях мне приходилось выходить за эти временные рамки. Некоторые оппозиционные течения остались за пределами моего исследования, к примеру, группы А.Рахманова, А.Кульмухаммедова, Р.Исмаилова (бывшие

²² Архив ФСБ РФ, д.8057, т.1, л.Ш

²³ Там же, т.1, л.152,357; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (далее – РЦХИДНИ), ф.62, оп.1, д.1163, л.43-44.

²⁴ А.Росляков. Средазбюро ЦП ВКП/б/. Вопросы стратегии и тактики. Ашхабад. 1975, с.168.

²⁵ Газета «Туркменская Искра», 1990, 20 июля.

члены узбекской подпольной организации «Иттихад-ислама»), объявленные «буржуазными националистами» и боровшиеся против большевистской линии в национальном вопросе. Я почти ничего не писал о туркменских студентах, обучавшихся в Москве, Ленинграде и Ташкенте и поддерживавших связи с российскими оппозиционерами, выступавшими с троцкистских позиций. Почти не касался и деятельности эмигрантских организаций, действовавших в 20-30-х годах.

Говоря об истоках оппозиционности туркменского народа, не следует забывать, что Октябрь пришел в туркменское село помимо воли дайхан, и решающую роль в установлении Советов в Туркменистане сыграла Красная Армия. Только этим можно объяснить то, что волна противодействия большевистским властям в Туркменистане не затухала вплоть до окончания Великой Отечественной войны²⁶.

Исследуя тему борьбы советской власти с «басмачеством», нельзя пожаловаться на нехватку исторической литературы²⁷. Эта тема широко представлена во многих трудах среднеазиатских историков, в том числе и туркменских: А.А.Рослякова, Ш.Ташлиева, Г.Непесова, О.Кулиева, А.Каррыева, К.Мухамедбердыева, К.Кулиева, Е.Куприковой, А.Джумамурадова, М.Мошева и других. Ни одна книга по истории советских среднеазиатских республик, будь то академическое или научно-популярное издание, не обошла «басмаческой» темы. Хотя эти работы написаны с позиции официальной «классовой» историографии, они ценны обилием

²⁶ Центральный архив пограничных войск Российской Федерации, ф.44, оп.1, д.565, л.14-15. В годы Великой Отечественной войны многие группы дезертиров, скрывавшиеся в Каракумах, вступали в вооруженную борьбу с пограничными частями и чекистскими отрядами, брошенными на их поимку и уничтожение. В 1943-1944 годах в районе Каахка-Теджен-Бабадайхан (быв. Кировск) - Сакар-Чага-Мары действовали вооруженные группы Мурди Меле, Нунна Меле, Пешик Покура и других, чьи родители были раскулачены в 30-х годах и сосланы за пределы республики. Отец братьев Меле был расстрелян без суда и следствия на пороге своей кибитки. Многие лица, недовольные политикой Советов, отказывались служить в рядах РККА и идти на фронт; они же в основном оказывали вооруженное сопротивление правительственным войскам. Вот когда властям пригодился опыт борьбы с «басмачеством» 20-30-х годов. Против вооруженных дезертиров были брошены обученные кавалерийские части и эскадрилья самолетов (Там же).

²⁷ А.Бабаходжаев. Провал английской агрессивной политики в Средней Азии. Ташкент, 1955; М.Иркаев. История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе, 1971; Ю.Поляков, А.Чугунов. Конец басмачества. Москва, 1976; А.Зевелев, Ю.Поляков, А.Чугунов. Басмачество: возникновение, сущность, крах. Москва, 1981; Х.Иноятов. Народы Средней Азии в борьбе против интервенции и внутренней контрреволюции. Москва, 1984; Д.Голиков. Крушение антисоветского подполья в СССР, кн.1-2. Москва, 1980; Пограничные войска СССР (1918-1928). Москва, 1973; Г.Непесов. Великий Октябрь и народные революции 1920 г. в Северном и Восточном Туркменистане. Ашхабад, 1958; Г.Непесов. Из истории Хорезмской революции (1920-1924 гг.). Ташкент, 1962; Басмачество: социально-политическая сущность. Ташкент, 1984 и др.

фактического материала, который при критическом осмыслении может служить темой для размышлений, установления исторической правды.

Например, кандидат исторических наук М.Мошев, автор II и III глав «Истории сельского хозяйства и дайханства Советского Туркменистана», описывая особенности проведения хлебной монополии, продразверстки, а также земельно-водной реформы, приводит немало интересных примеров и фактов, вольно или невольно подводя читателя к мысли, что именно эти мероприятия советской власти и явились одной из причин возникновения «басмачества» в Закаспийской области²⁸. Чувствуется определенная раскованность и в подборе документов сборника «Коллективизация сельского хозяйства Туркменской ССР»²⁹, особенно во II книге (составитель Е.Куприкова), материалы которого также проливают свет на некоторые умалчиваемые до недавних пор страницы истории повстанческого движения.

В то же время даже в опубликованной в 1992 г. статье И.Г.Иванченко «Туркменская интеллигенция и национализм», автор, касаясь вопроса о «басмачестве», придерживается прежних ошибочных оценок советской историографии³⁰.

В советской исторической литературе более или менее объективную оценку повстанческому движению дают некоторые работы 20-х годов. Эти публикации³¹, написанные по горячим следам самими участниками событий, во многих случаях объективно оценивают причины возникновения повстанчества, констатируя, что «басмачество - общенациональное движение народов Туркестана против Советской власти».

П.Алексеенков в своих трудах³² совершенно верно утверждал, что дайханство активно поддерживало басмачей, снабжало продовольствием, добровольно пополняло их ряды, а в случае опасности укрывало от красноармейских или чекистских отрядов. Азиз Ниалло, также как П.Алексеенков и С.Муравский, считал, что трудящиеся массы дайханства Средней Азии, недовольные политикой Советов, разоренные хлопковым

²⁸ История сельского хозяйства и дайханства Советского Туркменистана, кн.1. 1917-1937. Ашхабад, 1979, с.85-103.

²⁹ Коллективизация сельского хозяйства Туркменской ССР (1927-1937 гг.), т.1-II. Ашхабад, 1968.

³⁰ Журнал «Известия Академии наук Туркменистана», серия «Гуманитарные науки», 1992, №1

³¹ Г.Сафаров. Колониальная революция (опыт Туркестана). Москва, 1921; Д.Зуев. Ферганское басмачество. Гражданская война, т.III. Москва, 1924; А.Сыркин. Восток в огне. Л., 1925; С.Гинзбург. Басмачество в Фергане. Очерки революционного движения в Средней Азии. Москва, 1926; С.Муравейский (В. Лопухов) Очерки по истории революционного движения в Средней Азии. Ташкент, 1926; Г.Скалов. Социальная природа басмачества в Туркестане. – Журнал «Жизнь национальностей», 1923, кн.3-4; С.Соловейчик. Басмачество в Бухаре. Гражданская война, т.III. Москва, 1924 и др.

³² П.Алексеенков. Что такое басмачество. Москва, 1931; П.Алексеенков. Кокандская автономия. Ташкент, 1931.

кризисом, нищетой, стали резервом басмачества. Голод, разорение народного хозяйства Средней Азии сыграли решающую роль в расширении этого движения, явились его социальной основой³³.

Разумеется, названные выше авторы не во всем были правы, их сочинения не свободны от тенденциозности, свойственной историографии тех лет. Но даже такой компромисс не спас эти работы от запрета, в советское время они были изъяты из библиотек и лишь единичные экземпляры хранились в спецхранах.

Позже советские историки писали исследования, в которых басмачей представляли изуверами, находящимися во власти националистических страстей, беспощадно расправляющимися с детьми и женщинами, особенно с «кафырами». Конечно, басмачи не были ангелами, среди них находились и садисты, и люди с неуравновешенной психикой. Однако не отличалась гуманизмом и противостоящая им сторона.

Осенью 1931 года на мирные урочища и кочевья скотоводов Западного Туркменистана повели наступление свыше десяти кавалерийских полков и дивизионов с танкетками и пушками, пулеметными тачанками, бронепоездами, аэропланами, не считая вооруженных до зубов чекистских отрядов, поливавших огнем с земли и воздуха все живое. Приказ советского командования гласил: не щадить никого - ни старых, ни малых (подробнее об этом см. §§ 1-2 гл.V).

Если проехать северо-западнее Балханских гор, то встретишь звонкие как песнь кочевника названия урочищ: Чагыл, Туар, Дахли, Коймат... Но эти «песни» отдаются в сердце скорбью, когда встречаешь места, именуемые «Гибель дахлинцев», «Там, где уничтожили иомудов»... Действительно, здешнее края - немые свидетели трагедии, некогда разыгравшейся в Каракумах. И как бы в подтверждение этого знойные ветры, гуляющие среди барханов, на глазах обнажают человеческие кости, женские украшения и волосы, полуистлевшие останки детской колыбели...

Обо всем этом до недавнего времени нельзя было писать. Лишь в последние годы стали появляться публикации, объективно оценивающие социальную природу так называемого басмачества, осмысливающие социально-экономические причины его возникновения. К ним я прежде всего отношу статьи Ю.Папорова и В.Медведева³⁴. Привлекают внимание работы академика М.Аннанепесова³⁵, профессора О.Сапарова³⁶, а также публикации

³³ Азиз Ниалло. Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии. Фрунзе, 1941.

³⁴ Ю.Папоров. Белое солнце пустыни? – Журнал «Юность», 1990, №1, с.80-85; №9, с.84; В.Медведев. Басмачи - обреченное воинство. – Журнал «Дружба народов», 1992, №8.

³⁵ М.Аннанепесов. Восстание 1916 г. в Туркменистане. – Журнал «Известия Академии наук

конца 80-х – начала 90-х годов в газетах «Нейтральный Туркменистан», «Туркменистан», «Яш Коммунист», «Несил» профессора К.Мухамедбердыева, доктора исторических наук Я.Оразклычева, публициста и историка Т.Дурдыева. В их работах наметился новый подход в определении сущности народного «басмаческого» движения.

Среди уже названных мною работ хотелось бы остановиться на публикации писателя Юрия Папорова, разыскавшего стенографический отчет IV пленума ТуркЦИК, состоявшегося в Ташкенте 18 июля 1922 года. С докладом на этом пленум (подробнее о нем см. §§2-3 гл.III) выступил председатель СНК Туркестана К.С.Атабаев³⁷, обстоятельно проинформировавший о борьбе с басмачеством, широко охватившим Фергану, Хиву, Бухару, Самарканд, Сурхан-Дарьинскую и Туркменскую области. «Басмачество, - говорил он, - является крупнейшим упреком всей нашей работе в Туркестане и, может быть, даже на Востоке. На самом деле чем объясняется то, что басмачество в течение четырех лет... разрослось, перебросилось в другие области... Это объясняется тем, что вся наша работа, которая проводилась в течение четырех лет, являлась полным противоречием тому укладу жизни, быту, традициям, которые складывались здесь, среди туземного населения, веками»³⁸. Высказывая обеспокоенность нарастающей волной народного движения, докладчик определял его как повстанчество, то есть восстание народных масс, доведенных до отчаяния изуверством карательных органов, политикой экономического удушения дайхан.

В начале 20-х годов К.С.Атабаев гневно клеймил командиров войсковых частей Красной Армии, без суда и следствия расстреливавших не только повстанцев, но и мирных жителей, которые, доведенные до отчаяния бесчинством большевистских изуверов, были вынуждены взять в руки оружие³⁹. Но какая разительная эволюция произошла с тем же Атабаевым к 30-м годам, когда он, будучи председателем СНК Туркменской ССР, от имени ЦК и правительства республики просил Кирова и Куйбышева содействовать выделению 150 тысяч рублей на завершение борьбы с басмачеством⁴⁰, то есть для того, чтобы окончательно добить, подавить

Туркменистана», серия «Гуманитарные науки», 1992, №1.

³⁶ О.Сапаров. Национальные отношения в Средней Азии и Казахстане в 20-30-х годах. Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ашхабад, 1993, с.25-26.

³⁷ В то время Атабаев помимо того, что возглавлял Чрезвычайную комиссию по борьбе с басмачеством, являлся членом Президиума ТуркЦИКа, членом секретариата ЦК КП/б/ Туркестана, членом Средазбюро ЦК РКП/б/.

³⁸ Журнал «Юность», 1990, №1, с.82.

³⁹ Там же, №9, с.84.

⁴⁰ Ю.Папоров. Жизнь-пламень. Документальная повесть о К.Атабаеве. Москва, 1988, с.196.

движение, которому он когда-то сочувствовал и делал многое, чтобы в Москве поняли: дайхане поднялись против Советов не от хорошей жизни.

Тоталитарная система растлевала даже сильные личности, вынуждая их идти против своего народа. Судя по рассказам современников Атабаева - О.О.Шихмурадова, М.Д.Аннакурдова, М.Сахатмурадова, Б.Кербабаева, с которыми мне довелось беседовать, Кайгысыз Сердарович 30-х годов вовсе не походил на прежнего Атабаева - смелого, принципиального, бескомпромиссно отстаивавшего свои позиции. То ли в шутку, то ли в всерьез поговаривали, что в те годы Атабаев пребывал не только «под каблуком», но и под «колпаком» своей жены-европейки, служившей сексотом и исправно доносившей о каждом его шаге в ГПУ-НКВД.

Атабаева невозможно во всем оправдать, но понять можно: в его действиях много моментов, обстоятельств, складывавшихся против него и помимо его воли. Как говорится, плетью обуха не перешибешь. В конце концов Атабаев сложил голову в неравной борьбе, стал жертвой системы, и будет вопиющей несправедливостью, если мы принизим его выдающуюся роль в туркменской истории.

Важным источником для исследователя является периодическая печать. Даже в официальной туркменской советской прессе были исключения из общего правила. Они связаны с именем «буржуазного националиста» А.Кульмухамедова, ставшего в 1925-1926 гг. заместителем редактора республиканской газеты «Туркменистан» и одним из редакторов популярного в ту пору сатирического журнала «Токмак»⁴¹, собравшего вокруг себя литературные и общественные силы - костяк упоминавшегося выше ТНЛО. Кульмухамедов, отличавшийся среди своих собратьев по перу смелостью и нестандартностью суждений, часто выступал на страницах этих изданий с сериями статей, посвященных современной и древней литературе, поэтам, молодым литераторам. В этих статьях он проводил необычные мысли, идеи, расходившиеся с программными установками партии в национальном строительстве. Партийных чиновников шокировало, что автор ратовал за творческое использование классического наследия, осуждал поборников «классовости»⁴². В это же время на страницах журнала «Токмак» под псевдонимом «Балыкчы» (Рыбак) стали появляться статьи и стихи одного из представителей «буржуазного националистического течения в литературе» О.Вафаева, позже обвиненного также в пантюркизме и панисламизме. Его произведения, саркастически изобличающие порядки, установленные в

⁴¹ М.Д.Аннагурдов. Совет Туркменистанынын метбугат тарыхындан очерклер. Ашхабад, 1962, с.309.

⁴² См. Газета «Туркменистан», 1926, 6-7 апреля, 29 сентября, 7 ноября, 1 ноября; 1928, 25,27,29 января, 20 апреля и др.

тоталитарной стране, никак не вязались с партийными установками в области литературы⁴³.

Вся «вина» Кульмухамедова и Вафаева, на которых яростно обрушилась республиканская печать, заключалась в том, что они, некогда окончившие вуз в Стамбуле, являлись «чуждыми элементами», принадлежали к дореволюционной интеллигенции. В результате Кульмухамедов был убит при спровоцированной «попытке перехода границы», а Вафаева, ошельмованного и исключенного из партии, изгнали с работы. Объясниться с ним партийные чиновники не удосужились, а его ответы на «выступления печати» публиковать отказались. Вафаева вынудили бежать в Иран (подробнее о трагической судьбе этих и других туркменских интеллигентов см. §§3-4 гл.III и §4 гл.V).

Вскоре в республиканской печати были запрещены любые выступления, мало-мальски противоречащие официальной линии партии и правительства. Сколько ни пытался М.Тумаилов опубликовать на страницах «Туркменской Искры» программный документ оппозиции «Что даст платформа оппозиции для Туркмении?», ему это так и не удалось⁴⁴. Зато критиков оппозиционеров не ограничивали. «Платформу» Тумаилова шельмовали на страницах республиканских изданий, которым с трибун съездов, пленумов и совещаний вторил дружный хор ортодоксальных большевистских оппонентов (подробнее см. §1-2 гл.IV).

Удивительно, как партийный официоз - газета «Туркменистан» могла опубликовать «крамольную» статью председателя Центральной комиссии по чистке госаппарата К.Голодовича, «извращающую линию партии в вопросе использования национальных кадров, работников и интеллигенции». Решительно осуждая политику гонения национальных кадров, особенно представителей интеллигенции, национальной буржуазии, автор призывал терпимо относиться к ним, использовать с пользой дела во всех сферах экономического и культурного строительства⁴⁵ (подробнее см. §3 гл.IV).

К сожалению, не удалось разыскать эмигрантские издания, которые нелегально переправлялись из-за рубежа. Их распространение или чтение, расцениваемые как «антисоветская контрреволюционная пропаганда», карались по закону. Поэтому они в единичных экземплярах, возможно, хранились в официальных организациях (ГПУ, ЦК), но столь строго, что разыскать их и по сию пору невозможно. Допускаю, что некоторые из них затерялись или были уничтожены, другие по чьей-то необоснованной

⁴³ См.: Журнал «Токмак», 1925, №21; 1926, №1; Газета «Туркменистан», 1925, 28 июля; 1926, 19 января и др.

⁴⁴ ЦГАПДТ, ф.40, оп.1, л.18.

⁴⁵ Там же, ф.1, оп.III, д.106, л.23.

прихоти до сих пор скрыты за семью печатями. Как ни странно, подобная порочная практика бытует в наши дни и в Главном архивном управлении Туркменистана. Шеф этого ведомства М.М.Моллаева, несмотря на мою личную просьбу, а также официальную просьбу руководства Института истории Академии наук Туркменистана, не позволила автору этих строк ознакомиться с оригиналом программного документа туркменской оппозиции и другими материалами, представляющими научный интерес. Не пойму, какие «секреты» могут таить источники более чем 60-летней давности, к примеру, архивно-следственное дело М.С.Тумаилова за № 1/3350, бдительно хранимое в фондах ЦГАПДТ.

С пониманием и доброжелательностью отнеслись к изысканиям автора в архивном управлении ФСБ РФ по г. Москве и Московской области, где мне обеспечили беспрепятственный доступ к тем же самым документам, которые так рьяно утаивала главный архивариус Туркменистана, вероятно, все еще пребывающая в летаргическом сне прошлого.

При работе мною использовались воспоминания участников революционных событий, гражданской войны, боев с басмачеством, первопроходцев колхозного строительства опубликованы во многих сборниках, вышедших в Москве, Ашхабаде, Ташкенте, Душанбе, Нукусе и др., в ряде номеров журнала «Туркменоведение», издававшемся в Ашхабаде в 20-30-х годах, а также во многих изданиях Академий наук бывших советских республик Средней Азии, в том числе ТССР, в периодической печати. Немало мемуарных материалов хранится в Центральном государственном архиве Туркменистана и в его филиале - ЦГАПДТ.

В данной работе использованы воспоминания А.Бекжанова, И.В.Бухаренко, О.Тачмамедова, К.Хуммедова, А.Сарыева, А.Артыкова, сына Эзиз-хана – Х.Эзизова, Непеса Оре, Онбаши Эзиз-хана, писателя С.Аннасахатова, чей отец был ближайшим сподвижником Ходжакули-хана, академика К.Машрыкова, Героя Социалистического Труда Д.Махрамова, С.Досмухамедова, А.Халлыева, Г.Какабаева, Ч.Аннаэсенова, И.Узакбаева, Х.Мергенова, Х.Тувакова и других, в основном, очевидцев повстанческого движения в Каракумах, ветеранов революции, войны и труда, бывших узников ГУЛАГа, обвиненных в «измене Родине», «шпионаже», «национализме», в принадлежности к так называемой контрреволюционной организации «Туркмен Азатлыгы»⁴⁶.

Многу записаны воспоминания современников, односельчан и родственников Эзиз-хана, в том числе его сына Хоммата Эзизова, которые наряду с архивными материалами ранее были использованы в большом

⁴⁶ Отдельные воспоминания, в частности Непеса Оре, К.Марыкова, И.Узакбаева, Х.Тувакова и др., записаны в плане исследуемой мною темы.

очерке и в монографии автора⁴⁷. Еще ранее около 15 записей воспоминаний переданы мною в архивный фонд ЦГАПДТ. Среди них рассказы Кизыл-хана Сарыева, Аннамурата Сарыева (Потра), И.В.Бухаренко, знавших близко или служивших под началом дайханского вождя и бунтаря Эзиза Чапыкова.

Воспоминания, опубликованные в советское время, как правило, написаны в духе своего времени, по ним видимо прошла тщательная и пристрастная редакция. Однако между строк прочитывается внутренний протест, несогласие авторов с политикой тоталитаризма. Учитывая, что эти материалы несут на себе печать субъективизма, автор старался подходить к ним критически, тщательно проверяя, сверяя и сопоставляя с архивными документами и, конечно, отдавая предпочтение последним.

Мемуарная литература особенно ценна, когда приводимые ею факты подтверждаются архивными источниками. К примеру, о мужественном поведении Эзиз-хана на белогвардейском суде в Красноводске и его огромном самообладании перед казнью свидетельствовал очевидец Амандурды Бекжанов, впоследствии - делегат I съезда Советов, кандидат в члены ЦИК ТССР. О том же говорят и архивные документы⁴⁸. Воспоминания академика К.Машрыкова и его студенческих однокашников - «участников троцкистского заговора» - также подтверждаются архивными документами. Таких примеров немало.

При работе над книгой большую помощь автору своими советами и пожеланиями оказали М.М.Мошев, Я.О.Оразклычев, Т.Д.Дурдыев, К.М.Мухамедбердыев, М.А.Аннанепесов, Н.В.Атамамедов, Ф.А.Маслакова, работники Комитета национальной безопасности Туркменистана С.С.Сеидов, Ф.Х.Атамурадов, А.М.Ниязов, Е.И.Велисова, Ю.А.Юмашев, сотрудник архива ФСБ Российской Федерации С.И.Парфенов и др. Всем им автор выражает свою глубокую благодарность. Особую признательность хочется выразить кандидату исторических наук Л.А.Лебедевой, помогавшей в розыске многих ценных документов.

При всей бедности источников, особенно документов оппозиции (к примеру, в архивах отсутствуют протоколы заседаний ТНЛО или оппозиционной организации, возглавляемой М.Тумаиловым), все же удалось воссоздать общую картину противостояния передовых представителей туркменского народа тоталитарной системе.

Оценивая события кровавых 20-30-х годов, следует быть верным исторической правде, не отторгать людей этой эпохи от своего времени. Не стоит допускать искажения истории в угоду сиюминутной конъюнктуре, иначе легко впасть в ошибку, которыми, к сожалению, так богата историография минувших 70 лет.

⁴⁷ См.: Р.Эсенов. Эзиз хан хакда хакыкат. Сенин тарыхын... Ашхабад, 1992; Р.Эсенов. Сырлы тосламаларын пидалары. - Девлет Ховупсузлыгы Комитети сырыны ачяр. Ашхабад, 1995.

⁴⁸ ЦГАТ, ф.П51, оп.16, д.131, л.49-50; Архив КНБТ, д.113768, т.1, л.14-15.

ГЛАВА I. ПОЗИЦИЯ ТУРКМЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТУРМЕНИСТАНЕ (1917 – 1920 ГГ.)

§ I ТУРКМЕНСКОЕ ОБЩЕСТВО И КОЛОНИЗАТОРСКАЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА.

История повторяется. Едва смолк смертоносный грохот русских пушек⁴⁹, Махтумкули-хан, недавно возглавлявший отряды защитников Ахала, в рядах которых погиб его брат, многие сородичи, вдруг заблистал эполетами майора царской милиции и в 1884 году воссел в кресло начальника Тедженского округа с годовым окладом в 2500 рублей⁵⁰. На поклон к победителям пошли многие родовые вожди, религиозные деятели, например, Дыкма-сердар, Курбанмурад-ишан и др. Кешинец Овезгельды принял христианство и стал Николаем Комковым, а Николай Николаевич хан Иомудский был православным⁵¹, по всей вероятности, как его дети и братья. «Иноверчество» Н.Н.Иомудского порою вызывало к нему антипатии туркмен.

Советская историческая наука пыталась навязать концепцию о добровольном вхождении Туркменистана в состав России. При этом историки закрывали глаза на геокдепинское побоище, где царские войска во главе с генералом-карателем Скобелевым истребили десятки тысяч ни в чем неповинных туркмен (в том числе тысячи женщин, стариков и детей), что свидетельствует о насильственном характере присоединения Туркменистана к России⁵².

⁴⁹ О завоевании Туркменистана царскими войсками см.: Осада и штурм крепости Денгиль-тепе, Приложение к т.IV «Военного сборника». СПб, 1881; Н.И.Гродеков. Война в Туркмении, тт.1-4. СПб, 1884; А.Щербак. Ахал-текинская экспедиция генерала Скобелева. СПб, 1884; А.Н.Маслов. Завоевание Ахал-теке. СПб, 1887; О.Ф.Гейфельдер. В Закаспийской области. – Журнал «Русская старина», 1892, №7; А.Н.Куропаткин. Завоевание Туркмении. СПб, 1899; М.А.Терентьев. История завоевания Средней Азии, тт.1-3. СПб, 1906; М.Н.Тихомиров. Присоединение Мерва к России. Москва, 1960; Дж.Давлетов, А.Ильясов. Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1972; М.Аннанепесов. Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII-XIX вв. Ашхабад, 1981; История Туркменской ССР, т.1. Ашхабад, 1957; Журнал «Туркменоведение», 1927-1932 гг. и др.

⁵⁰ Журнал «Туркменоведение», 1928, №1(5), с.9.

⁵¹ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.55, л.15.

⁵² М.Аннанепесов. Тарых догручыл еврилиленде. – Журнал «Совет эдебияты», 1989, №10, с.5-42; М.Аннанепесов Неудобные факты из жизни генерала Скобелева. - Журнал «Известия Академии наук Туркменистана», серия «Гуманитарные науки», 1992, №1, с.11-15. См. также его статью в журнале «Вопросы истории», 1989, №11.

Подполковник русской службы хан Иомудский, современник завоевания Туркменистана царскими войсками писал, что хотя 40 лет военного управления царизмом Закаспийской областью наложили заметный отпечаток на все стороны жизни туркмен, «внешне покорное и лояльное население всегда носило внутри себя недовольство, не могло забыть свою прежнюю вольную жизнь, было подавлено новыми порядками и молча несло гнет подневольной жизни, покоряясь силе «Белого царя»⁵³.

Нельзя сказать, что туркменское общество, особенно феодально-клерикальная знать и нарождающаяся национальная буржуазия стояли в стороне от событий 1905 и 1917 годов. Волнения среди мусульманских народов восточных окраин России стали заметны еще до Февральской революции⁵⁴. Однако судя по многочисленным источникам (как зарубежным, так и советским) основная масса туркменского населения оставалась равнодушной к противостоянию большевиков и меньшевиков, белогвардейцев и красногвардейцев. Туркменский аул стоял в стороне от революционных событий, охвативших в основном города Закаспия, не спешил вступить ни за «красных», ни за «белых», предоставив арену классовой борьбы большевикам и противоборствующему им лагерю. Правы раскритикованные в свое время Зелькина и Вельтнер, утверждавшие в своих работах, что Октябрьская революция в Средней Азии, особенно в Туркмении, была исключительно революцией русского пролетариата, революцией городов⁵⁵.

Главноначальствующий в Закаспийской области генерал Савицкий в начале 1919 года так характеризовал отношение туркмен к русским властям: «Рассчитывать на туркмен... не приходится. Большевизм нисколько не коснулся масс туземного населения и является для края движением беспочвенным». Генерал, рассуждая в своей докладной на имя Деникина о возможностях наступления белогвардейских войск на Ташкент, занятый большевиками, сокрушался, что ни русские железнодорожники, составляющие большинство пехотных батальонов, ни тем более туркмены за белогвардейскими офицерами не пойдут⁵⁶.

Е.Штейнберг в книге, изданной в коммунистической России в 1934 году, отрицая как «антиленинский» и «троцкистский» тезис Зелькиной-Вельтнера о том, что «основная масса туркменского аула стояла в стороне от революционной борьбы, не участвуя в ней непосредственно», в то же время

⁵³ Караш хан оглы Иомудский. Туркмены и революция. – Журнал «Туркменоведение», 1927, №1, с.15.

⁵⁴ Э.Карр. История Советской России, кн.1. Москва, 1990, с.254.

⁵⁵ Журнал «Туркменоведение», 1930, №10, с.4.

⁵⁶ ГАРФ, д.446, оп.2, д.56, л.4

сам вольно или невольно подтверждает позицию своих оппонентов. «Колониальная политика царской России, - пишет он, – стремилась изолировать почти сплошь «европейский» город от туркменского аула Закаспия. Русский железнодорожный пролетариат городов был, в сущности, оторван от трудящихся масс коренного крестьянства. Что же касается туркменского национального пролетариата, то, как мы знаем, он исчислялся в эту эпоху буквально единицами и о нем как о более или менее значительной социальной группе говорить нельзя»⁵⁷.

Действительно, большевистская революция в Туркменистане была привнесена извне, она была непонятна основной массе туркменского дайханства, стоявшего в стороне от революционной борьбы⁵⁸.

Чем объяснить, что туркменское население оказалось в роли пассивного наблюдателя происходящего?

Во-первых, туркмены в своем подавляющем большинстве не верили ни большевикам, ни их противникам, одинаково видя в них пришельцев, захватчиков, которые кроме беды ничего им не принесут. Для аульной бедноты и дайханства единственным источником зла и притеснения являлось русское владычество. Об этом свидетельствует вся история колонизаторской политики царизма в Туркменистане.

Во-вторых, нельзя исключать влияния на туркменский аул феодально-клерикальной знати в лице родовых вождей и религиозных деятелей, а также национальной буржуазии, которые сами к началу Октября еще не определились за кем идти, ибо им одинаково ненавистны были и большевики, и те, кто боролся с ними.

О революционном движении, социал-демократических организациях в дооктябрьском Туркменистане и распространении оппозиционных течений и идей до 1917 года написано достаточно много серьезных исследований, которых, правда, не миновали веяния времени⁵⁹. В этих работах немало

⁵⁷ Там же, с.64.

⁵⁸ Автор признает ошибочность своей прежней позиции по этому вопросу, изложенной в монографии «Большевистское подполье Закаспия». Москва, 1974.

⁵⁹ Революционное движение в Туркмении в 1908-1917 гг. Сборник документов, кн.IV. Ашхабад-Москва, 1946; Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Туркменистане. Ашхабад, 1954; Революционное движение в Туркменистане в 1907-1917 годах. Ашхабад, 1970; Материалы революционного движения в Туркмении (1904-1919 гг.). Ташкент, 1924; Т.С.Козлов, Зачатки большевизма в революционном движении Туркмении (1904-1916 гг.). Ашхабад, 1928; см. также статьи указанного автора в журнале «Туркменоведение» 1930, №12, 1931, №№3-4,7-9; А.А.Росляков. Революционное движение и социал-демократические организации в Туркменистане в дооктябрьский период (1900-март 1917). Ашхабад, 1957; Т.Хадыров. Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Туркменистане (1900-1917 гг.). Ашхабад, 1971; М.Аннанепесов. Участие солдатских масс в революции 1905-1907 гг. в Туркменистане. Ашхабад, 1966; П.Реджепов. История Кизыл-Арватского вагоноремонтного завода

страниц, посвященных национально-освободительной борьбе, ее видным лидерам, но обо всем этом, как правило, было принято писать только в связи с революционно-демократическим движением. В советской исторической науке восстание лишь в том случае признавалось народным, национально-освободительным, если оно связывалось с большевистскими организациями или же с революционной борьбой российского пролетариата. Иначе любое выступление, даже такое крупное как восстание Джунаид-хана в феврале 1916 г., выдвинувшего «ряд требований, волновавших сердца трудового народа, отвечавших его надеждам и чаяниям»⁶⁰, могли объявить «феодалным мятежом, возглавленным туркменской племенной аристократией и частью узбекских чиновников»⁶¹.

В советское время над каждым ученым, осмелившимся высказать свое мнение, приподнять завесу умалчивания о национально-освободительном движении, висел дамоклов меч обвинения в национализме, как это случилось с профессором Г.Непесовым, автором известных монографий о народных революциях в Северном и Восточном Туркменистане и в Хорезме.

Туркменский дайханин питал глубокое недоверие к грубой, насильнической политике царских колонизаторов. Из истории русского владычества в Туркестане невозможно стереть зверские расправы, учиненные «просвещенными» колонизаторами над «дикими туземцами». Чувство протеста против русского господства образно выразил Бекки Бердыев⁶², сын богатого и известного в Мерве бая Эмира-хаджи⁶³, арестованного в 1932 году

(1880-1937 гг.). Ашхабад, 1968; История Туркменской ССР, тт.1-II. Ашхабад, 1957; Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана. Ашхабад, 1965; История Коммунистических организаций Средней Азии. Ташкент, 1967. Темы революционного движения, деятельности его видных лидеров и социал-демократических организаций поднимаются в трудах Ш.Батырова, Ш.Тышлиева, О.Кулиева, А.Каррыева, Н.Кулиева, К.Кулиева, Т.Дурдыева, М.Языковой, М.М.Абаевой и др.

⁶⁰ История Бухарской и Хорезмской Народных Советских Республик. Москва, 1971, с.43.

⁶¹ Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана, с.59.

⁶² Бекки Бердыев (1897-1970) до Октября и в первые годы после революции занимался коммерцией. Окончил ашхабадскую гимназию. Отличался необычной эрудицией и разносторонностью знаний. В белогвардейском правительстве Закаспия занимал пост министра продовольствия. После образования Туркменской ССР работал в системе Наркомпроса, сторонник и проводник латинизации туркменского алфавита. Обвинялся, как и его отец Эмир-хаджи, в сотрудничестве с царской охранкой. После отбытия 10-летнего тюремного заключения в 1942 г. был сослан в Ухту (Коми АССР), а затем переведен в Узбекистан. В июле 1958 г. реабилитирован «за недоказанность в участии контрреволюционной организации «Туркмен Азатлыгы» (Архив КНБТ, д.П48577, т.1, л.217; т.5, л.58-59,65; т.12, л.101-102).

Отец Б.Бердыева - Эмир-хаджи Бердыев (родился в 1861 г.) - крупный бай и промышленник, постоянно проживал в ауле Геокча-1 Мервского района. В 1910 г. вступил в националистическую партию «Иттихад-ва-Тараки», участвовал в деятельности ее мервского филиала. Принимал участие в белогвардейском мятеже 1918 г. в Закаспии, сотрудничал с английскими оккупационными войсками. В 1919 г. ездил в Константинополь для переговоров с тамошними национальными

по надуманному делу о «контрреволюционной антисоветской организации «Туркмен Азатлыгы». В застенках ГПУ, где его приговорили к десяти годам лишения свободы за принадлежность к несуществующей организации, он вспомнил своих родителей, испытавших ужасы осады царскими войсками геокдепинской крепости: «Русские в то время, - заявил Б. Бердыев на допросе, - олицетворяли самое бесцеремонное насилие, что наши матери, пытаясь уговорить расшалившихся детей, пугали их словами: «Кес сесини, орус гелйэр!» - «Замолчи, русский идет!»⁶⁴

Никто сейчас не может сказать, когда родилась эта горькая поговорка. Может в пору генерала Головачева, покорявшего хорезмских туркмен в 1873 году, то ли в экспедицию Скобелева, прозванного «гози ганлы» – «с кровожадными глазами», не щадившего в геокдепинскую кампанию ни малого, ни старого, или позже в 1916 году, который в народе нарекли «Галкин йылы» – «Годом Галкина» по имени карателя, преподавшего уроки безжалостности и зверства во время второй карательной экспедиции против хивинских туркмен⁶⁵.

деятели об оказании помощи турецким правительством мусульманским организациям Туркестана. Был принят турецким султаном. Близко общался с известными лидерами туркестанской эмиграции Заки Валидовым, Мустафой Чокаевым и др. В начале марта 1928 г. был выслан органами ГПУ в Оренбург, где отбыл трехлетнюю ссылку. В апреле 1932 г. был арестован, лишен гражданских прав и вскоре умер в Ташкентской внутренней тюрьме ГПУ Узбекистана (Архив КНБТ, д.П48577, т.1, л.340, т.5, л.614, т.12, л.119). Эмиру Бердыеву поэт Ата Салих в 1920 г. посвятил свои строки:

Эмир Хажы инлисе элин булады, //Эмир хаджи позвал англичан,
 Дашары юртдан кемек диледи, //Пришла помощь из-за рубежа,
 Овезбай алжырап, лебин ялады, //Овезбай, опешив, облизал губы,
 Большевиги басан болмаз, яранлар. //Никто не задавит большевиков, друзья.
 (Ата Салых. Сайланан эсерлер. Ашхабад, 1951, с.28).

⁶⁴ Архив КНБТ, д.П48577, т.1, л.225.

⁶⁵ Об этих событиях, помимо указанной ранее литературы, см: Россия и Туркмения в XIX в. К вхождению Туркмении в состав России. Ашхабад, 1946; Присоединение Туркмении к России. Ашхабад, 1960; Восстание 1916 г. в Туркмении (документы и материалы). Ашхабад, 1938; Восстание 1916 г. в Средней Азии и Казахстане. Москва, 1960; История Туркменской ССР, т.1, кн.2. Ашхабад, 1957; М.Аннанепесов. Восстание 1916 г. в Туркменистане. – Журнал «Известия Академии наук Туркменистана», серия «Гуманитарные науки», 1992, №1, с.3-11. В последней работе академик М.Аннанепесов объективно воссоздал панораму движения народных масс Средней Азии и Казахстана, направленного против национального гнета со стороны царской администрации, показал, что восстание 1916 г. по своему характеру было антиколониальным национально-освободительным движением народов региона. Аннанепесов прослеживает, как на территории современного Туркменистана возникли три серьезных очага движения 1916 г.: Теджен, юго-западные районы и Северный Туркменистан.

§ 2 ТУРКМЕНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ И ЕЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРСКОЙ РОССИИ

Туркменская национальная оппозиция в Закаспии возникла как протест против завоевания Туркменистана царизмом. Формы народного сопротивления были различны: от бунтов и восстаний до создания оппозиционных групп, течений и организаций.

После присоединения Закаспия к России молодые люди из туркмен с благословения царской администрации стали обучаться в местных конфессиональных и смешанных русско-туземных школах, гимназиях, учительских семинариях, в светских и военных учебных заведениях России. По возвращении на родину они становились учителями, военными служащими, переводчиками, писарями, мелкими чиновниками, составляя первую когорту туркменской интеллигенции. Именно в этой среде появились первые оппозиционеры, выступавшие против колонизаторской политики царской России.

Одновременно увеличилось число туркмен, обучавшихся в духовных учебных заведениях Бухары, Хивы, Казани, Уфы и Турции. По свидетельству С. Овезбаева, если до русского завоевания число духовных лиц туркменского происхождения исчислялось единицами (Ак Ишан, Торе Ахун, Молла Овез Карры и др.), то за последующие 36 лет их число возросло до сотни. Возвращаясь на родину после завершения учебы, они открывали свои медресе и воспитывали большое число учеников, которые становились муллами, ахунами и кази⁶⁶.

Одной из ярких представительниц первой когорты туркменских диссидентов была известная просветительница Татьяна (Артыкгуль) Текинская. В возрасте трех лет она была подобрана русскими солдатами после боя под Геокдепе (12 января 1881 г.), где погибли ее родители, и взята на воспитание командующим русскими войсками генералом Скобелевым. Полковой священник нарек девочку Таней, так как подобрали ее в Татьянин день, отчество Михайловна она получила по имени Скобелева, а фамилию Текинская - по названию своего племени. Татьяну увезли в Москву, где она окончила женскую гимназию, Елизаветинский институт благородных девиц,

⁶⁶ С. Овезбаев. Сквозь тьму веков – к новой культуре. – Журнал «Туркменоведение», 1927, №2-3, с.32. Сеидмурат Овезбаев (1889-1937) родился в небогатой семье Овезбая Геоклена, жителя аула Изгант Ахальского оазиса. Был отдан учиться в Оренбургский кадетский корпус туркестанским генерал-губернатором Куропаткиным. Затем окончил Елизаветградское военное училище. В царской армии имел звание штабс-ротмистра. В 1932 г. был осужден на 10 лет за принадлежность к так называемой организации «Туркмен Азатлыгы». В 1937 г. расстрелян в Соловках за распространение клеветнических измышлений о вожде народов тов. Сталине» (Архив КНБТ, д.П48577, т.4, л.352; т.7, л.1; ГАРФ, ср.446, оп.2, д.55, л.14-15).

сблизилась с революционно настроенной молодежью. Примерно в 1907 году Т.Текинская вернулась в Закаспий и стала работать классной надзирательницей в Асхабадской женской гимназии⁶⁷.

Городские власти Асхабада были уведомлены о крамольном образе мыслей Текинской. Местная охранка установила за ней негласный надзор. Несмотря на это молодая учительница связалась с оппозиционно настроенными туркменскими интеллигентами, открыто высказывала "крамольные" мысли о будущем туркменского народа, который может вырваться из нищеты и невежества лишь сбросив самодержавие, приобщившись к передовой культуре и знаниям, освоив идеи прогрессивных мыслителей как России и Европы, так и Востока. Когда "крамольные" речи Текинской показались опасными, ее сослали в приграничное селение Сарахс, а позже - на станцию Артык, где дали должность учительницы одноклассной школы⁶⁸.

Сохранились письма Текинской к М.Атабаеву, обнаруженные в 1959 году Н.К.Кулиевым в бывшем Центральном государственном историческом архиве СССР.

На Мухаммедкули Атабаева (1885-1916) в Департаменте полиции Российской империи было заведено досье. Атабаев - один из первых туркмен, которому благодаря редкой одаренности удалось закончить учительскую семинарию в Ташкенте. 28 июля 1913 года при обыске его квартиры в г.Мерве полиция обнаружила тексты статей, дневники, где были переписаны слова революционных песен – «Варшавянки», «Дубинушки», «Марсельезы», и много писем на туркменском и русском языках. Среди них были и письма Текинской.

«Дорогой мой милый друг Мухаммедкули! – писала она 12 января 1908 г. - Сегодня как раз мой 30-летний юбилей и 27 лет со дня взятия нашего края. Грустный день и тяжелые воспоминания. Но я крепко надеюсь на нашу молодежь, что она вырастет и даст нравственный подъем и свободу всему нашему народу. Конечно, быть может, даже ты не увидишь этого, но твои дети и внуки, наверно, доживут. Пожалуйста, не называй меня «Татьяна Михайловна» - она осталась в России... Артык Гюль»⁶⁹.

Судя по письму Текинской, ей было тягостно носить в качестве отчества имя колонизатора, генерала, по вине которого погибли под Геокдепе ее родители, поэтому в письмах она использовала имя Артыкгуль (Цветок Артыка).

⁶⁷ Т.Хыдыров. Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Туркменистане, с.63.

⁶⁸ Р.Эсенов. Дорогами доброты. Книга моего поколения. Москва, 1984, с.38-39.

⁶⁹ Газета «Суббота», 1994, №32, с.6.

В силу ряда причин Татьяна Текинская не всегда осознавала, какую положительную роль сыграли воспитание и образование, полученные ею в России, какое участие приняли в ее судьбе передовые представители русского народа. Она не могла перебороть себя, и чем старше становилась, тем больше обострялись ее переживания.

В письме от 2 марта 1908 года Текинская писала Атабаеву: «Ты непременно хочешь вести умные разговоры о народе, его нуждах. Мне кажется, что вся эта болтовня излишняя. Как ты, так и я знаем отлично главную нужду нашего народа, а потому пережевывать то же самое ни к чему, а делать мы начнем, когда будем иметь возможность, т.е. ты - когда кончишь курс, а я кончу изучать в совершенстве язык»⁷⁰ (Текинская выучила туркменский язык лишь после возвращения на родину).

Позже она «агитировала среди туркмен против местной администрации во время ревизии в Закаспии сенатора графа Палена», о чем секретной депешей сообщал из Ташкента начальник Туркестанского районного охранного отделения⁷¹.

В архивных фондах Департамента полиции России имеются и письма Н.Н.Иомудского, изъятые охранкой при аресте М.Атабаева. Эти письма раскрывают образ мышления их автора - блестящего офицера русской армии, дослужившего до высокого чина, однако оппозиционно настроенного по отношению к царским властям⁷².

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Газета «Суббота», 1994, №33, с.6.

⁷² Николай Николаевич Карашхан оглы Иомудский уроженец Подольской губернии, родился 19 августа 1868 г. в семье потомственного дворянина-туркмена, полковника царской армии. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус, Павловское военное училище по I разряду и Санкт-Петербургский университет (юридический факультет) с дипломом 2-ой степени. Прохождение службы: зачислен в Павловское военное училище юнкером рядового звания, по окончании училища произведен в подпоручики и назначен в 1-ый запасный стрелковый батальон, в апреле 1893 г. произведен в поручики; 1 ноября 1895 г. назначен управляющим поселения Тохтамыш Мервского уезда, в мае 1896 г. произведен в штабс-капитаны, через четыре года - капитан, 25 сентября 1902 г. переведен в 1-ый Закаспийский стрелковый батальон, затем окончил курсы восточных языков при Министерстве иностранных дел России и в январе 1907 г. командирован в Туркестанский военно-окружной суд для усиления чинов прокурорского надзора, где проработал до июня 1910 г., вплоть до увольнения в отставку в чине подполковника (Из справки Российского государственного военно-исторического архива). До антибольшевистского мятежа в июле 1918 г. возглавляемый Иомудским Совет мусульманских депутатов Красноводского уезда сотрудничал с советской властью. По характеристике Е.Джунковского, возглавлявшего белогвардейскую контрразведку, «человек чрезвычайно коварный, утративший престиж среди большевиков, туркменских племен и опиравшийся на свою многочисленную родню. При большевиках был комиссаром. Красноводский стачком выслал его на остров Челекен как вредного человека. В 1913 году он был также выслан генерал-губернатором из пределов края на один год» (А.А.Росляков. Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов (1917-1918). Ашхабад, 1961, с.433; Архив КНБТ, д.ПФ60, л.364; ГАРФ, ф.446, оп.2, д.55, л.14).

«Я помню то письмо, - писал Йомудский своему другу и единомышленнику, - где ты описывал немножко беспорядки в Ташкенте. У меня осталось впечатление, что ты иронически относишься к тому, о чем волнуется и болеет весь русский народ. От другого мне было бы неудивительно это. Но тебе, сыну свободного народа, не сочувствовать общему движению непростительно»⁷³.

В другом письме, датированном 2 февраля 1907 года, Йомудский пишет: «Зачем жалеть о себе, если ты получил возможность видеть горе своего народа? Все передовые люди каждой нации всегда страдали, но в том их счастье, что они зрячие и ведут слепых. Если и погибнуть, то за братьев.... Тебе тяжело, но ты другим можешь сделать добро».

В 1913 г. Н.Йомудский был арестован и обвинен в наличии «тайных замыслов» отторгнуть Туркестан от России, присоединив его к Турции⁷⁴. По мнению доктора философских наук Н.Кулиева, Н.Йомудский, М.Атабаев и их сподвижники были арестованы за создание подпольной организации по оказанию помощи Турции. Младотурецкая революция 1908 года остро нуждалась в поддержке, и такую поддержку могла бы оказать туркменская интеллигенция. Т.Текинскую выслали на Украину, М.Атабаева упрятали в тюрьму, а Н.Йомудского обвинили в «политической неблагонадежности», «обработке туркменского населения в духе национализма» и «критике чинов местной администрации». В документе царской охраны Йомудский называется «туркменским народовольцем», причина его антимонархических настроений усматривается в том, что он - сын и прямой наследник независимого хана йомудов, утратившего свою самостоятельность при покорении края русскими.⁷⁵

К сожалению, в советское время вокруг первых туркменских просветителей долгое время хранилось молчание из страха быть обвиненным в национализме. Лишь после хрущевской «оттепели» туркменские ученые решились осторожно затронуть эту тему⁷⁶.

⁷³ Газета «Суббота», 1994, №33, с.6.

⁷⁴ Архив КНБТ, д.ПФ60, л.258.

⁷⁵ Там же, л.203.

⁷⁶ См.: Проникновение революционных идей и развитие революционного движения в Туркменистане в 1881-1907 годы. Документы и материалы. Ашхабад, 1962; Н.Кулиев. Из истории философской и социологической мысли в Туркмении (1900 - 1917 гг.) – Журнал “Известия Академии наук ТССР», серия «Общественные науки», 1960, №5; Очерки истории философской и общественно-политической мысли в Туркменистане. Ашхабад, 1970; Т.Хыдыров. Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Туркменистане (1900-1917 гг.). Ашхабад, 1971; М.М.Абаева. Из истории распространения идей марксизма-ленинизма в дореволюционном Туркменистане. – Журнал «Известия Академии наук ТССР», серия «Общественные науки», 1965, №1; Т.Бердыев. Очерки по истории школ Туркменской ССР. Ашхабад, 1960 и др. В работе академика Т.Бердыева впервые упомянуто имя М.Атабаева как мыслителя-просветителя. В 1964 г.

В дореволюционном Туркменистане были все предпосылки для зарождения и других оппозиционных течений. В частности оппозиционные настроения наблюдались в среде туркменской молодежи, получившей образование и воспитание в Турции, Бухаре и Хиве.

В 1883 году в Бахчисарае начала выходить на татарском и русском языках первая в России пантюркистская газета «Тарджиман» («Переводчик») под редакцией крымско-татарского дворянина Исмаила Гаспринского. Это издание, пропагандировавшее идеи пантюркизма, призывавшего к объединению всех тюркских народностей в одно государство, распространялось и в Средней Азии. Частые поездки в этот регион совершал и сам И.Гаспринский. Вскоре центрами распространения пантюркизма в России стали Казань и Уфа. Печатные органы пантюркистов «Вахыт», «Хаят», «Ходжа Насреддин» и др. распространялись и в Закаспийской области⁷⁷.

В пору зарождения пантюркизма и проникновения его идей в Туркменистан в этом движении участвовали и представители туркменской интеллигенции. Они видели в нем силу, противостоящую колониаторской политике царизма, однако не одобряли выдвинутый Гаспринским лозунг: «Единство в языке, помыслах и делах», вероятно, усматривая в нем ущемление своего национального достоинства, пренебрежение языком туркменского народа. Для таких опасений были основания. Например, представитель пантюркистов в Туркменистане Ферид Эфенди, выступая против туркменского «саксаульного» языка, призывал бороться за «общетюркский язык, за единство культуры всех тюркских национальностей, против русского языка». Пантюркисты отказывали туркменскому языку в развитии: «Язык литературы и печати немощен и гнил; для постройки дома строительного материала из саксаула не получишь. Дальнейшее развитие литературного туркменского языка невозможно»⁷⁸.

В 1908 году в Турции произошел переворот, установивший конституционную монархию. Партия «Единение и прогресс», возглавившая турецкое правительство, развернула панисламистскую и пантюркистскую пропаганду среди российских мусульман с целью восстановления их против России и привлечения на сторону Турции⁷⁹. В те годы авторитет султанской Турции среди народов Средней Азии был очень высок. Она была идеалом исламской монархии. Среди жителей Туркестана, Хивы и Бухары было

он же в соавторстве С.Каррыевым опубликовал в газете «Эдебият ве Сунгат» (от 7 марта) статью о Т.Текинской.

⁷⁷ Г.И.Карпов. Рукописный фонд Академии наук Туркменистана, д.75, л.16-17.

⁷⁸ Журнал «Туркменоведение», 1928, №12, с.19; 1929, №8-9, с.80.

⁷⁹ Революционное движение в Туркмении в 1908-1917 гг., с.235.

распространено фантастическое представление о могуществе далеких турецких султанов, которых считали «халифами всех правоверных».

В Средней Азии центром панисламистской и пантюркистской пропаганды был город Бухара. Туркмения, находившаяся между Бухарой, Ираном и Афганистаном, привлекала пристальное внимание турецкой пантюркистской националистической партии и ее руководителя Энвер-паши, диктатора Турции.

В Туркменистане в г.Мары был организован панисламистский комитет с отделениями в Ашхабаде и Красноводске. По данным охранного отделения, в 1911-1913 гг. панисламисты имели своих представителей в городах Мары - 37 человек, Ашхабаде - 12, Чарджоу - 3, Теджене - 8, Байрам-Али – 1 и в Иолотани - 1⁸⁰.

Сейчас трудно сказать, какое влияние имела панисламистская пропаганда на туркмен, но известно, что члены панисламистского комитета в Мары, Ашхабаде и Красноводске были арестованы и преданы суду за антирусскую пропаганду и распространение антирусской литературы, среди которой были и немецкие листовки, возбуждавшие среди мусульман враждебное отношение к России⁸¹.

Первая мировая война заставила исламский мир смотреть на Турцию с особым вниманием: вступая в войну, Турция возвестила о начале джихада против колониальных империй, угнетающих мусульманские народы. «Мировая война, как сказал Джемаль-паша, - вопрос жизни и смерти мусульман»⁸².

Младотурки, свершившие революцию в 1908 году, не случайно обратили свой взор на Туркестан. В том же году сюда нелегально приезжал адъютант султана полковник Исмаил Хаким-бей (Исмаил Хакикк)⁸³, который в течение трех месяцев разъезжал по городам и селам Средней Азии, встречался с тамошней знатью, пропагандируя идеи пантюркизма. Вернувшись в Стамбул, он написал одному из своих туркестанских единомышленников: «Я сообщил Его Величеству, нашему Отцу Султану о том отменном приеме, какой оказывал мне Ваш город. Халиф остался очень доволен, видя, что Его верные тверды в своей вере против злобы со стороны неверных. Мужайтесь, товарищи! Время свободы для мусульман настало. Уже в Индостане, Афганистане, на Кавказе и во всем мире истинные панисламисты пробудились и каждый готов восстать против своего правительства гяуров.... Продолжайте под большим секретом ваши сношения

⁸⁰ Там же; Г.И.Карпов. Рукописный фонд АНГ, д.75, л.16.

⁸¹ Революционное движение в Туркмении в 1908-1917 гг., с.235.

⁸² Журнал «Дружба народов», 1992, №8, с.132.

⁸³ Журнал «Новый Восток», 1923, №4, с.89.

с мусульманскими странами, как я указывал вам и комитету каждого города. Продолжайте в мечетях, медресе, в подворьях у ходжей и именитых лиц ваши совещания так, чтобы гяуры ничего не понимали»⁸⁴.

В том же 1908 году в Туркестане побывал Исмаилбек Гаспринский, чтобы встретиться со своими единомышленниками, ознакомиться с постановкой преподавания в новометодных школах, в частности такие школы он посетил в Самарканде⁸⁵. В 1910 году в Стамбуле при активном содействии младотурок было создано «Общество распространения полезных знаний в Бухаре», поставившее целью привлечь в учебные заведения Турции молодых людей - выходцев из Средней Азии, чтобы затем использовать их в качестве пропагандистов пантюркистской, панисламистской идеологии⁸⁶.

Как утверждает академик А.А.Росляков, у истоков панисламистского движения в Туркменистане стояли татарские националисты, начавшие свою деятельность в 1907-1908 годах. В 1909-1910 годах возникли панисламистские кружки среди персидских и азербайджанских купцов, установившие связи с туркменскими баями. В 1913 году создан панисламистский кружок в Мерве, «состоявший из туркменских ханов и баев»⁸⁷.

Различные источники расходятся в вопросе о времени образования мервского кружка. Называются даты и 1913 год, и 1910 год⁸⁸. Согласно материалам архива КНБТ, кружок образовался в 1914 году, его организатором был учитель русско-туземной школы Абдуразак Оразмамед (Оразмухаммед) оглы, сын известного ахуна и крупного торговца⁸⁹. В кружке активно участвовали такие представители национальной интеллигенции как С.Овезбаев, Г.Атабаев, братья Бекки и Какаджан Бердыевы, М.Атабаев, А.Ниязов, А.Байназаров, А.Караханов, Аннаклыч Ахун, Непеслиев, Хошеваров и др.⁹⁰

Членом кружка был и Эмир Хаджи Бердыев, при содействии которого, а также благодаря финансовой помощи крупных баев и торговцев, несколько молодых туркмен поехали учиться за границу. Среди тех, кто закончил

⁸⁴ Архив КНБТ, д.112978, т.5, л.115.

⁸⁵ А.В.Пясковский. Революция 1905-1907 гг. в Туркестане. Москва, 1958, с.544-545.

⁸⁶ Журнал «Новый Восток», 1923, №4, с.90.

⁸⁷ Очерки истории Компартии Туркменистана. Ашхабад, 1985, с.50.

⁸⁸ Журнал «Известия Академии наук Туркменистана», серия «Гуманитарные науки», 1992, №1, с.17.

⁸⁹ Архив КНБТ, д.П48740, л.6. В 1933 г. Абдуразак Оразмухаммедов был осужден «за контрреволюционную деятельность». До революции он преподавал в русско-туземной школе туркменский язык, а также «организовал пантюркистскую группу среди учащихся» (Там же, д.П48485, л.59,79-80).

⁹⁰ Там же, д.П48485, л.102

учебные заведения Стамбула и Бейрута, были Оразмамед Вафаев, Оразмурад Шамурадов, Абдылхежим Кульмухаммедов, Садык Ходжамбердыев, Б. Рахманов и другие.

В плане приобщения к оппозиционной деятельности интересна биография туркменских юношей, учившихся в Ташкентской учительской семинарии, в частности, биография Кумышали Бориева, который после образования Туркменской ССР работал председателем Государственного ученого совета, наркомом просвещения, директором Туркменгосиздата, был одним из редакторов журнала «Туркменоведение», избирался членом ЦК КП/б/ Туркменистана, пока в 1932 году его не обвинили в причастности к мифической организации «Туркмен Азатлыгы» и не расстреляли в Соловках в 1937 году⁹¹.

В 1912 году Бориев, окончив русско-туземную школу в форте Александровском Мангышлакского уезда, входившем тогда в состав Закаспийской области, поехал учиться на земскую стипендию в Ташкентскую учительскую семинарию. Там вместе со своими товарищами-одноклассниками Х.Сахатмурадовым, И.Теджибаевым, А.Рахимбаевым и другими активно участвовал в деятельности нелегального кружка «Кенгеш», руководимого С.Ходжановым.

Относительно мотивов своего участия в этом кружке К.Бориев писал так: «В учительской семинарии начало пробуждаться мое национальное самосознание, и оно стремилось в сторону национализма и национальной идеологии. Я был сторонником победы Турции... Я остро переживал бесчинства карательной экспедиции генерала Галкина, и кровавый поход в Джизак полковника Иванова, и резню с грабежом генерала Мадритова прикаспийских туркмен.... Тогда я не понимал, что дело не в русских вообще, а в русских колонизаторах. В сентябре 1916 года русские богачи, православное духовенство с молебном встречали вновь назначенного военного губернатора Ферганской области полковника Иванова, а я пошел тогда в церковь, где шла служба, с тайной мечтой убить карателя...»⁹².

Начавшаяся Первая мировая война ускорила выпуск семинаристов. Многих русских сокурсников Бориева призвали на военную службу, а ему предложили поступить в школу прапорщиков, но он наотрез отказался. По доносу директора учительской семинарии Н.П.Остроумова туркестанский генерал-губернатор издал приказ, лишаящий Бориева права учительствовать в Туркестанском крае. Оставшись безработным, он приехал в Ура-Тюбе к своему земляку и учителю Толкинбеку Айманову. Лишь после февральской

⁹¹ Там же, д.П48577, т.8, л.17.

⁹² Там же, л.8-9.

революции Бориев получил возможность учительствовать в селе Кенесай Ташкентского уезда, короткое время работал на родном Мангышлаке, затем снова вернулся в Ташкент, по заданию краевого Совета рабочих, солдатских и мусульманских депутатов ездил в Пржевальский уезд для улаживания русско-киргизских отношений.

«Вскоре после Февральской революции, - вспоминает К.Бориев, - я ездил в Джетысуйскую область, чтобы ознакомиться с тяжелым положением казахов и киргизов, эмигрировавших из Китая после их известного восстания, и выступил в печати с критикой деятельности эмиссара Временного правительства в Семиречье. В июле 1917 года казахской национальной интеллигенцией Ташкента был делегирован на Первый казахский национальный съезд, где были заложены идейные основы будущей «Алаш-Орды»⁹³.

Когда в начале января 1918 года в Ташкент хлынула из соседних уездов масса голодных и бездомных казахов, Бориев вместе со своими товарищами С.Ходжановым и врачом Г.Асфандиаровым собрали среди населения Ташкента средства и в районе Ташкентского вокзала открыли пункт питания, где кормили всех голодных, спасли сотни людей, умирающих от голода⁹⁴.

В марте того же года после закрытия пункта Бориев снова подался на Мангышлак в форт Александровск, где его избрали членом Совета, служил в продовольственном комитете, позже его назначили учителем в местную школу, в которой он проработал до начала 1919 года. Эсеро-меньшевистский переворот, восстановление власти белогвардейцев внесли изменения не только в судьбу самого К.Бориева, но и нескольких туркменских племен, проживавших на Мангышлаке⁹⁵...

Но вернемся к событиям 1914-1916 годов. В первую мировую войну Турция при активном содействии разведывательных служб Германии забрасывала в Туркестан своих эмиссаров. В 1916 году через Азербайджан были посланы иранские подданные, перед которыми была поставлена задача ведения пропаганды в пользу Турции, оказания ей помощи, распространения идеи объединения всех мусульман России под эгидой Турции. Не дремала и царская охранка. В те годы в тюрьмы Мерва и Асхабада было заключено немало «панисламистов», «агентов германо-турок» и агитаторов, сеятелей

⁹³ Там же. Поездку в Джетысу Бориев совершил по заданию казахской газеты, в которой работал.

⁹⁴ Там же, д.П48577, т.2, л.138. Самед Ишанов, один из руководящих работников республики, арестованный по делу «Туркмен Азатлыгы», показал на допросе, насколько высок и непререкаем был авторитет К.Бориева в Узбекистане, особенно среди казахского и киргизского населения, проживавшего в Ташкенте и соседних уездах. «Авторитет Бориева был настолько велик, - говорил Ишанов, - что он мог пользоваться им даже для образования предвыборных групп по выборам в ЦИК, базируясь на киргизских делегатах» (Там же, л.78).

⁹⁵ Там же, л.138

«внутренней смуты»⁹⁶. Протурецкую агитацию среди туркменского населения вели и сами турецкие эмиссары. В 1917 году в Закаспийской области поселились турки Ф.Ахмедов, Ф.Джамалов и другие бывшие военнопленные. Пользуясь почти полным отсутствием среди туркмен педагогических кадров, они устраивались учителями в русско-туземные школы Асхабада, Мерва и других городов, где открыто вели пантюркистскую агитацию и распространяли турецкую литературу среди туркмен, азербайджанцев, татар, особенно среди молодежи. Приверженцев пантюркизма в Закаспийской области возглавляли Эмир Хаджи Бердыев (в Мерве), штабс-ротмистр Сеидмурад Овезбаев (в Асхабаде)⁹⁷.

Разноречивые слухи ходили тогда об Эмире Хаджи Бердыеве. За близость к властям и сотрудничество с ней его прозвали в народе «езид» (неверный), а в 1916 году этого шестидесятилетнего человека вместе с единомышленниками арестовали по «подозрению в подстрекательстве к неповиновению властям».

Во время вторжения англичан в Закаспий было «обезврежено 12 человек немецко-турецких шпионов», ловко подставленных белогвардейской контрразведкой своим союзникам. «Все это были энергичные, образованные, на вид весьма почтенные люди, - докладывал 4 ноября 1918 года Деникину генерал Е.Джунковский⁹⁸. - Они были арестованы и вместе с пленными германцами и мадьярами, закованные в цепи, отправлены англичанам, которым их сдали в Мешхеде». Такая же участь ждала и Эмир Хаджи Бердыева, но ему удалось скрываться в песках Каракумы, пока англичане не ушли из области.

В годы первой мировой войны местные и приезжие пантюркисты распространяли слухи об «освободительной миссии» германского императора Вильгельма и немецкой армии, которые якобы полны решимости освободить всех мусульман от ига русского царя⁹⁹. Царская администрация, встревоженная враждебными настроениями и слухами, распространявшимися среди населения, начала с 14 декабря 1914 года издание газеты «Рузнаме Мавераи Бахры Хазар» - «Закаспийская туземная газета» на туркменском и русском языках. Газета была необходима властям, чтобы «выпустить пар». Первым редактором газеты был известный востоковед И.А.Беляев, а ответственным за выпуск - полковник Цветков. Сотрудником редакции

⁹⁶ Журнал «Туркменоведение», 1928, №1(5), с.11.

⁹⁷ И.Г.Иванченко. Разгром басмачества в Туркменистане (1918-1933 гг.). Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Ашхабад, 1970, с.94. (хранится в архиве Комитета национальной безопасности Туркменистана).

⁹⁸ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.55, л.16.

⁹⁹ Там же.

работал Ата Мурадов, видный туркменский просветитель начала XX в. Газета в меру дозволенного цензурой публиковала статьи, проводившие оппозиционные взгляды, став трибуной для туркменских просветителей¹⁰⁰.

После революции 1905-1911 годов в Иране и младотурецкой революции 1908 года на политической сцене Туркестана появилась джадидская партия. Ее последователи ратовали за создание светских школ с новыми методами обучения («усул-и джадид»). Извлеченное из этого термина слово «джадид» стало нарицательным для всего течения¹⁰¹.

Известный туркменский историк Г.И.Карпов в секретной справке для представителя ЦК ВКП/б/ о «националистических организациях, действовавших в различное время на территории Туркменистана», написанной в 1937 г., определяет джадидов как «младотатар, младобухарцев, младохивинцев, появившихся в Средней Азии в 1904-1905 гг., главным образом на территории Бухарского эмирата». «На территории Туркменистана джадиды имели свою агентуру в туркменских районах, расположенных по долине Амударьи, главным образом в Чарджоу и Керки. Джадидское движение проникло в Среднюю Азию через казанских и азербайджанских татар»¹⁰², - пишет он. Здесь же Г.И.Карпов приводит многочисленные выдержки из опубликованных в 20-30-х годах сборников, характеризующих джадидизм как национально-реформистское движение либеральной буржуазии, чьи требования не выходили за рамки конституционных методов борьбы¹⁰³.

Однако под воздействием революционных событий 1917 года джадиды несомненно радикализировались. В Хиве победа Февральской революции всколыхнула дайхан и городскую бедноту, оказала революционизирующее влияние на народные массы, на русских солдат, находившихся на территории ханства. Опиравшиеся на джадидскую идеологию младохивинцы - единственная организованная политическая сила в ханстве - сумели захватить инициативу и возглавить народное движение с целью осуществить переход от феодальной деспотии к конституционной монархии, уничтожить

¹⁰⁰ См.: Журнал «Туркменоведение», 1928, №1(5), с.11; Журнал «Ашгабат», 1996, №4, с.114,116; А.Ильясов. «Закаспийская туземная газета» как источник изучения истории духовной культуры туркменского народа». – Журнал «Известия Академии наук ТССР», серия «Общественные науки», 1964, №4,5; его же публикации в журнале «Туркменистан коммунисти», 1965, №5; 1966, №6, а также монографию Т.Хыдырова Распространение идей марксизма-ленинизма в дооктябрьском Туркменистане.

¹⁰¹ История Бухарской и Хорезмской народных советских республик, с.36-37. Джадидизм – производное от арабского слова «джадид» (новый).

¹⁰² Г.И.Карпов. Рукописный фонд АН Туркменистана, д.75, л.16-17. В своей справке автор сообщает о семи партиях и течениях, действовавших в различное время в Узбекистане, Азербайджане, Татарии, Турции, к примеру, о муссаватистах, пантуранистах и т.д.

¹⁰³ Там же, л.17.

средневековую систему откупов, ввести местное самоуправление и реформировать школу. Они вручили Хивинскому хану манифест, содержащий проект реформы. 5 апреля 1917 года хан, опасаясь взрыва народного гнева, подписал его. Был создан Меджлис (парламент), в состав которого вошли не только младохивинцы, но и представители феодальных кругов¹⁰⁴.

Возникновение младохивинского движения в Хиве (как и близкого ему по идеологии младобухарского движения в Бухаре) было, несомненно, прогрессивным явлением. Младохивинцы требовали реформ, выступали против старого феодального уклада¹⁰⁵. Но в отличие от младобухарцев они были более решительными в своих требованиях к хивинскому правительству и смогли ограничить власть хана выборным органом – Меджлисом. Вероятно, на хивинского хана Асфендияра оказал воздействие не только революционный настрой хивинской бедноты, дайханства и русских солдат, активно поддерживавших младохивинцев, но и страх перед вооруженными отрядами Джунаид-хана, выступившего в защиту туркмен, живших на территории Хивинского ханства.

Обо всех событиях, происходивших в Хиве, Асфендияр-хан сообщал в Ташкент генералу Куропаткину. В июне 1917 года Асфендияр при поддержке феодально-клерикальной знати и генералов Зайцева и Мирбадалова - представителей Временного правительства - изгнал из Меджлиса младохивинцев и арестовал их лидеров¹⁰⁶. Это говорит о том, что младохивинцы представляли угрозу не только хивинскому хану и феодально-клерикальной знати, но и русским властям в лице Временного правительства.

Как же отнеслись к движению младохивинцев различные социальные слои туркменского общества? Как мнению Е.Штейнберга, их программу и дайхане, и феодально-родовая верхушка встретили враждебно. Туркмены в большинстве отстаивали традиционный уклад жизни, родовую общину,

¹⁰⁴ К.Б.Мухамедбердыев. История Хорезмской революции. Ташкент, 1986, с.40.

¹⁰⁵ История коммунистических организаций Средней Азии, с.458

¹⁰⁶ История Бухарской и Хорезмской народных республик, с.52; К.Б.Мухамедбердыев. История хорезмской революции, с.41. В ноябре 1917 г. представители пехотных частей гарнизона, выступившие в поддержку революционного движения народов Хивы, потребовали освобождения 17 младохивинцев, арестованных еще летом, и спасли их от расправы. В начале января 1918 г. генерал Зайцев с белоказачьими войсками был удален из Хивы. В том же месяце Джунаид-хан со своими отрядами, которые легко смяли плохо вооруженных и слабо обученных ханских нукеров, занял Хиву. Он предложил хивинскому хану подчиниться и де-факто передать власть ему. Но, опасаясь сопротивления узбекских феодалов, Джунаид-хан оставил Асфендияр-хана на престоле. Однако 30 сентября 1918 г. происходит новый переворот, и вместо Асфендияр-хана Джунаид-хан ставит на хивинский престол слабовольного Сеид Абдуллу, старшего брата свергнутого хана (К.Мухамедбердыев. История Хорезмской революции, с.47; История Бухарской и Хорезмской народных республик, с.57-58).

«туркменчилик» (неписанные законы предков), святость исламского законодательства. Реформаторов, носивших одежду европейского фасона, в туркменской среде окрестили презрительным словом *дарбалак* (узкоштанники)¹⁰⁷. Все же я думаю, что дайхане - основная масса туркменского аула - отнеслись и к Февральской, и к Октябрьской революциям не враждебно, а скорее равнодушно.

На мой взгляд, неверен и другой тезис Е.Штейнберга, полагавшего, что дайхане в силу традиций родового строя шли за родовыми вождями и аксакалами и не подпадали под влияние «буржуазных националистов»¹⁰⁸. В действительности особого сословного разграничения между родовыми вождями и националистическими лидерами не существовало. Например, такие деятели как полковник Ораз-сердар, подполковник Ходжамурадов (Хаджи Мурат), Какаджан и Бекки Бердыевы и многие другие, занимавшие в белогвардейском правительстве высокие посты, были выходцами из семей родовых вождей и крупных феодалов.

Советская историография была часто необъективна и тенденциозна при оценке многих событий и исторических личностей, чья жизнь и деятельность приходится на описываемый период. Немало ошибок, например, было сделано при оценке Джунаид-хана - этой весьма колоритной и противоречивой личности. Джунаид-хан был ярким врагом большевистской власти, однако явно абсурдно утверждение, что он был английским шпионом и в «угоду турецкому султану и английским правителям хотел отделить население Хивы и Каракалпакии от России, для чего поддерживал связи с главнокомандующим английского войска, находившимся в Мешхеде»¹⁰⁹. Несомненно, Джунаид-хан мечтал о самостоятельном туркменском ханстве, во главе которого видел себя, но едва ли можно утверждать, что он - английский шпион. До настоящего времени ни один исследователь не привел ни одного серьезного доказательства этого утверждения. К тому же в первую мировую войну турецкий султан выступал на стороне Германии против Антанты, в которую вместе с Россией входила и Великобритания.

Приведу еще один факт предвзятого, ненаучного толкования событий того времени. В восстании 1916 года, как известно, активно участвовали бек города Ходжейли Овезджан Ходжа и Джунаид-хан, поддержанные населением Хивинского ханства. Походы на Хиву Овезджана Ходжи и Джунаид-хана - это два звена одной цепи, но советские исследователи

¹⁰⁷ Е.Л.Штейнберг. Очерки истории Туркмении. Москва, 1934, с.69-70. Это же утверждение повторяется и некоторыми советскими историками (см., например, Ш.Ташлиев. Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане, том I. Ашхабад, 1974).

¹⁰⁸ Е.Л.Штейнберг. Очерки истории Туркмении, с.70.

¹⁰⁹ История Каракалпакской АССР (с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 1986, с.165.

почему-то искусственно разделяли их. Выступление бека Овезджана Ходжи во главе повстанцев, руководители которых были затем казнены, характеризовалось как «прогрессивный этап хивинского восстания», а захват Джунаид-ханом Хивы расценивается как «угодничанье турецкому султану и английским правителям»¹¹⁰.

Известно, что население Хивинского ханства выступило против деспотии Асфендияра. Жители туркменских районов Хивинского ханства, воспользовавшись сложившейся обстановкой, особенно с возвращением Джунаид-хана из Афганистана осенью 1917 года, свели давние счеты с эксплуатирующими их узбекскими феодалами, разгромив их села¹¹¹.

К сожалению, история национально-освободительного движения в Туркменистане – по-прежнему белое пятно в туркменской историографии. История формирования буржуазных партий Средней Азии, деятельность кружков и групп панисламистов и пантюркистов, зародившихся в городах Туркменистана, ждут серьезного исследования. Необходимо пересмотреть отношение к таким неординарным личностям, вставшим во главе туркменского национально-освободительного движения, как Джунаид-хан, Эзиз-хан, Ходжакули-хан и др.

§3. СОПРОТИВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КРУГОВ БОЛЬШЕВИСТКОМУ ВТОРЖЕНИЮ В ТУРКМЕНИСТАН

Очевидец Февральской революции Караш-хан оглы Иомудский писал: «Почему туркмены отшатнулись от городов, от некоренного населения, быстро потеряли веру в блага переворота в феврале? Несмотря на падение царизма психика и воззрения пришлого населения не изменились и все, веками воспитанные... в духе эксплуататорско-колониационном, оставались теми же колонизаторами и продолжали относиться к коренному населению с презрением, как к низшей расе, как к темным инородцам и враждебно» В послереволюционной сумятице у проживавших в Закаспии русских появился страх перед туркменами, русские в панике представляли картины восстания и мести коренного населения. На этой почве происходили столкновения между

¹¹⁰ История Каракалпакской АССР, с.164-165. Джунаид-хану удалось захватить ханский дворец и убить двух министров хана. Он провозгласил себя ханом, но под давлением царских войск был вынужден оставить город, предварительно получив от Асфандияр-хана выкуп. Царские каратели повесили Овезджана Ходжу, его брата Мамуджан и других сторонников Джунаида (С.Мурадов. На разгром Джунаида. За Советский Туркменистан (1917-1920). - Воспоминания участников революции и гражданской войны. Ашхабад, 1963, с.405).

¹¹¹ К.Б.Мухамедбердыев. История Хорезмской революции, с.42

русскими поселенцами и коренным населением, борьба за обладание землей и водой, некогда отобранных у туркмен царскими колонизаторами¹¹².

О самоуправстве русских поселенцев и произволе администрации Временного правительства писала газета «Асхабад». Газета выражала возмущение тем, что русские, живя по верховьям оросительных каналов и источников, захватывают общественную воду и землю в ущерб местному населению. Туркмены жаловались и на злоупотребления, совершенные генералом Калмаковым и полковником Бялоновичем, отобравшими у населения Теджена большое количество пшеницы якобы для голодающего населения Асхабадского уезда. На самом деле пшеница была продана ими по спекулятивной цене. Тедженцы просили вернуть им пшеницу. «Туркмены выражают недовольство русским поведением, - заключала газета, - требуют принять экстренные меры, отняв у русских поселенцев захваченные земли и воды»¹¹³.

По свидетельству Караш-хана оглы Иомудского, с осени 1917 года «огромная масса туркмен начинает изолироваться по своим аулам, возможно дальше отходя от городов и линии железной дороги.... Туркменские массы замыкались в своих аулах». Иомудский отмечает, что с января 1917 г. по июнь-июль 1918 г., то есть до начала гражданской войны, большевистские постановления и лозунги осуществлялись лишь в городах Закаспия и то частично¹¹⁴.

В середине ноября 1917 г. III краевой съезд Советов, собравшийся в Ташкенте, решил вопрос о власти - создал Совет Народных Комиссаров, состоявший из 15 человек¹¹⁵, среди которых не было ни одного представителя коренных национальностей. Разве можно считать верной тактическую линию туркестанских большевиков, если Советы мусульманских рабочих депутатов, представлявшие коренное население, параллельно созвали в Ташкенте III мусульманский съезд?

Один из пунктов Декларации III съезда Советов Туркестана отмечает, что «вовлечение в настоящее время мусульман в орган высшей краевой власти является неприемлемым как ввиду полной неопределенности отношения туземного населения к власти Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, так и ввиду того, что среди туземного населения нет пролетарских классовых организаций, представительство которых в органе

¹¹² К.Иомудский. Туркмены и революция. – Журнал «Туркменоведение», 1927, №2-3, с.18.

¹¹³ Революционное движение в Туркмении в 1908-1917 гг., кн.IV, с.143; Газета «Асхабад», 1917, 19 мая.

¹¹⁴ К.Иомудский. Туркмены и революция. – Журнал «Туркменоведение», 1927, №2-3, с.15. Статья К.Иомудского была известна многим туркменским историкам, но ссылаться на нее зачастую не решались, так как она считалась «антимарксистской».

¹¹⁵ История коммунистических организаций Средней Азии, с.202.

высшей власти фракция приветствовала бы»¹¹⁶. Эти слова являются проявлением неприкрытого великодержавного шовинизма, явным выражением недоверия к «туземцам».

Неприятие краевым Советом мусульманского съезда, представлявшего основную часть коренного населения края, вызвало недовольство национальных кругов. На III мусульманском съезде национальную интеллигенцию Закаспия представляли братья Бердыевы - Какаджан и Бекки, приглашенные Мустафой Чокаевым, товарищем студенческих лет Какаджана по Петербургскому университету. К.Бердыев еще до Февральской революции, обучаясь на юридическом факультете с М.Чокаевым - секретарем студенческой, мусульманской группы при мусульманской фракции Государственной думы, был его помощником, организовывал сборы пожертвований в пользу Турции. В то время туркменские студенты, входившие в казахско-киргизскую группу, как и многие другие мусульманские интеллигенты, обучающиеся в Петербурге и Москве, помимо помощи германо-тюнкам ставили своей целью свержение царизма и установление буржуазно-демократической республики¹¹⁷.

В конце ноября 1917 г. представители национальной буржуазии в союзе с Советами мусульманских рабочих депутатов созвали в Коканде IV чрезвычайный мусульманский съезд, на котором провозгласили автономию Туркестана. На вновь образованном Временном народном совете избрали правительство во главе с М.Тынышпаевым. Но это правительство оказалось пассивным, и под давлением радикальных кругов Тынышпаева сменил М.Чокаев. Военным министром заочно назначили С.Овезбаева, о чем ему послали телеграмму. Его кандидатуру выдвинули два джигита, представлявшие Текинский эскадрон, дислоцировавшийся в Кеши. Одним из них, вероятно, был Субхан Ишан¹¹⁸.

Кокандские автономисты, создав свое правительство, отказались признать Совнарком Туркестана. К новой автономии весьма сочувственно отнеслись английские и другие зарубежные круги. Автономисты стали собирать силы для борьбы с советской властью. С.Овезбаев снарядил в Коканд туркменский отряд под началом унтер-офицера Кешинского запасного эскадрона Чорбы. Туркменские националисты обратились в Ставку с просьбой немедленно вернуть в Асхабад Текинский конный полк¹¹⁹, личный состав которого находился на положении наемников в услужении сначала у русского царя, а затем у генерала Корнилова.

¹¹⁶ Журнал «Общественные науки в Узбекистане», 1989, №12, с.49.

¹¹⁷ Архив КНБТ, д.П48577, т.1, л.225.

¹¹⁸ Там же, т.8, л.10.

¹¹⁹ История коммунистических организаций Средней Азии, с.198,209.

В ноябре 1917 года белоказаки атамана Дутова, захватив Оренбург, начали наступление на самарском, челябинском, ташкентском направлениях, установили связь с Кокандом. Против Советов выступили казачьи части, возвращавшиеся через Туркестан с Кавказского фронта и из Хивы. Белоказаки подняли мятеж в Чарджуе и двинулись на Ташкент, захватывая по пути железнодорожные станции. В Закаспий из Каракумов вышли отряды Эзиз-хана. Активизировались отряды автономистов, возглавляемые Иргашом. В ночь на 30 января 1918 года они атаковали Кокандскую крепость, заняли телефонную станцию, захватили здание Совета, подожгли мосты, разобрали железнодорожные пути. Бои за крепость продолжались два с половиной дня. Нападающие намеревались захватить в крепости оружие, вооружить им военнопленных и двинуться в сторону Асхабада, поднять восстание среди «интернационалистов», но вначале - захватив крепость, собрать митинг, в котором будет участвовать не менее шести тысяч человек¹²⁰.

В защиту Кокандской автономии выступили широкие национальные круги Туркестана. Как отмечали советские историки, «13 декабря /1917 г./ буржуазно-националистические элементы при поддержке контрреволюционного чиновничества попытались устроить антисоветский путч в Ташкенте, Асхабаде и Мерве. Волнения происходили и в других городах. Революционные солдаты и рабочие подавили эти выступления»¹²¹.

Насколько широко охватила Туркестан волна антисоветских выступлений свидетельствует Кумышали Бориев, очевидец событий, находившийся в ту пору в Ташкенте: «Я сочувствовал Кокандской автономии, - сообщал он в своем покаянном письме в ЦК ВКП/б/, - и 13 декабря 1917 г. под руководством М.Тынышпаева проводил в Ташкенте демонстрацию местного населения в защиту автономистов. В демонстрации участвовали также братья Какаджан и Бекки Бердыевы. В то время Абдурахман Оразмухамедов вместе с Б.Бердыевым закупали в Ташкенте оружие и в сундуках с двойным дном отправляли в Мерв. Думаю, что это оружие впоследствии было обращено против Советской власти»¹²².

Кумышали Бориев, разделяя идеи кокандской автономии, был одним из сподвижников Мустафы Чокаева, принимал деятельное участие в подготовке и проведении краевого мусульманского съезда, на котором он представлял партию «Алаш». После окончания в 1915 году ташкентской семинарии, он проживал в Коканде, где вместе со своим студенческим товарищем С.Ходжановым издавал газету «Бирлик тувы» - «Знамя единения», пропагандируя идеи национального освобождения. К.Бориев и С. Ходжанов

¹²⁰ РЦХИДНИ, ф.122, оп.1, д.29, л.17; д.8. л.72.

¹²¹ История коммунистических организаций Средней Азии, с.208.

¹²² Архив КНБТ, д.П48577, т.8, л.8.

получили от Кокандского правительства задание совершить террористический акт в отношении лидера улемистов Шир Али Лапина, который якобы заигрывал с большевиками и вел двойную игру с автономистами. Для этих целей им было выдано по револьверу системы «браунинг» и по 5 тысяч рублей, но убить Лапина им не удалось. К.Бориев, переживший подавление Кокандской автономии, вероятно, участвуя в боях на стороне автономистов, победу большевиков «рассматривал как резню русскими местного населения». На эту тему в издававшейся им газете был напечатан фельетон «Кровью пахнет» за подписью Х.Балганбаева, который в переводе Бориева на русский язык был опубликован в эсеровской газете «Свободный Туркестан». После поражения автономистов М.Чокаев со своими сподвижниками бежал в Ташкент, где скрывался у одного казахского бая. В Ташкенте Бориев достал Чокаеву паспорт, с которым тот вместе со своими единомышленниками А.Уразаевым и С.Акаевым выехал в Казахстан¹²³.

Большевикам удалось разгромить белоказаков, выбить из Теджена отряды Эзиз-хана. Отряды ташкентских, самаркандских, перовских, черняевских и закаспийских красногвардейцев двинулись на Коканд и 19-22 февраля 1918 г. в ходе боев одержали победу над вооруженными силами автономистов или, как пишут официальные советские источники, «над бандами Иргаша». Однако «враждебные силы не были добиты до конца, Ферганская область оставалась основной базой националистической контрреволюции в Туркестане»¹²⁴.

Тем временем в Закаспийской области в мае 1917 года по инициативе национальных кругов был созван областной съезд, избравший Туркменский комитет, в который вошли 23 человека, в том числе Ходжагельды Ходжа Мурат, С.Овезбаев, Рахманберды Бадалов, К.Бердыев и другие. Председателем областного Туркменского комитета стал Н.Н.Иомудский. Съезд принял решение о создании аульных, районных и уездных комитетов, образовал Туркменский областной продовольственный комитет, аульную милицию, народный суд, поставил вопросы о народном образовании, водопользовании, постановил все угодья (земли, родники, колодцы, пастбища и т.д.), отобранные у туркмен прежней администрацией, вернуть прежним владельцам или обратить в казенные¹²⁵. Областной Туркменский комитет признали в Красноводске, а также представители туркмен Тедженского уезда.

¹²³ Там же, л.9-10.

¹²⁴ История коммунистических организаций Средней Азии, с.223.

¹²⁵ Революционное движение в Туркмении в 1908-1917 гг., кн.IV, с.137,140-141.

В Чарджуе организовался мусульманский Совет - Милли Шуро, провозгласивший свою программу¹²⁶.

Вскоре газета «Асхабад», ранее информировавшая о смещении Иомудского и избрании сына Нурберды-хана, полковника милиции Махтумкули-хана новым председателем областного Туркменского комитета, сообщила, что «виновник текинского переполоха подполковник хан Иомудский выехал к месту своего служения на Кавказский фронт».

Формальным поводом для конфликта между Махтумкули-ханом и ханом Иомудским послужили нарушения, допущенные при выборах Мервского уездного комитета. Истинная причина была в другом: шла борьба за власть между феодально-родовой и клерикальной знатью, с одной стороны, и буржуазной интеллигенцией с другой. Победу одержали первые, то есть сторонники Махтумкули-хана - родового вождя и крупного феодала.

Авторы изданного в советское время сборника документов, упоминая этот интересный факт, утверждали, что в противостоянии двух видных туркменских ханов «ярко отражалась борьба за власть между представителями отдельных племен»¹²⁷. С этим нельзя согласиться. Если бы причина разногласий заключалась лишь в защите племенных интересов, то текинцы Хаджи Мурат, Бердыев, Овезбаев и другие не пошли бы за иомудским ханом против текинца Махтум-кули.

Ранее мы уже говорили, как была установлена советская власть в Туркменистане. 30 ноября 1917 года в Асхабаде открылся IV съезд Советов области, в руки которого перешла вся власть в Закаспии. Был создан областной Совнарком, в котором пять мест из семи получили большевики¹²⁸. Любопытно, что в составе Закаспийского Совнаркома, как и в краевом Совнаркоме, не оказалось ни одного представителя коренного населения.

IV Областной съезд Советов предложил ввести в состав Совнаркома трех представителей туркменского областного съезда. Но туркмены потребовали четыре места,¹²⁹ видимо, стремясь добиться национального большинства в Совнаркоме. Съезд с этим не согласился и поручил Яшину и Тузину вступить в переговоры с «партией Махтумкули-хана», пытаясь настоять на участии туркмен в деятельности СНК на прежних условиях. Туркменский областной комитет предложения большевиков не принял, по-прежнему настаивая на своем. Тогда в ход событий вмешалась верховная власть в лице Совнаркома Туркестанского края, который ввел в состав областного Совнаркома «временно исполняющих обязанности комиссаров

¹²⁶ Там же, с.190-191.

¹²⁷ Там же, с.147,149.

¹²⁸ Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана, с.87

¹²⁹ Революционное движение в Туркмении в 1908-1917 гг., кн.IV, с.180-181.

вместо туркмен Нестора Яшина, Моисея Каца и Петра Иванова»¹³⁰. Большевики, верховодившие в Совете, считали возможным ввести в СНК меньшевика Каца, больше выступавшего в роли «адвоката» своих единомышленников, «избрать» беспартийного крестьянина П.Рыбакова, вскоре вышедшего из Совнаркома, или областного комиссара В.И.Никоновича, исчезнувшего на несколько дней, когда власти Советов угрожала опасность¹³¹, но не допускать к власти «туземцев».

Областной СНК пошел на видимую уступку, предложив к прежним трем местам еще одно, но с правом совещательного голоса¹³². Соглашение, однако, не было достигнуто. Основная причина этого, как мне кажется, заключалась в том, что такие влиятельные деятели как Махтумкули-хан, Н.Н.Иомудский и другие занимали выжидательную позицию, не решаясь сотрудничать с советской властью, которая в области пока ничем особенным проявить себя не успела и судьба которой к тому же висела буквально на волоске.

Не соответствуют действительности утверждения советских историков, будто в то время вышеназванные деятели «стали сотрудничать с Советской властью»¹³³. Ведь именно Махтумкули-хан и его «партия» не поддались на уговоры представителей областного Совнаркома, а Н.Н.Иомудский, как уже отмечалось, выехал за пределы Туркменистана. В несговорчивости туркменского областного комитета профессор И.Г.Иванченко усматривает «национальное высокомерие», проявленное туркменскими интеллигентами, которые пытались представить власть Советов только как власть русских, противостоящую туркменскому населению¹³⁴. Последнее, впрочем, не далеко от истины.

Очевидец событий Н.Яшин, избранный членом Совнаркома, вспоминает, что Овезбаев требовал отдельной системы управления для коренного населения, но с ним не согласился текинец Махтумкули-хан, который отказался сотрудничать с буржуазной частью Туркменского комитета. Приехавших 21 декабря 1917 года к Махтумкули-хану членов СНК Б.Тузина и Н.Яшина он заверил, что не собирается предпринимать враждебных действий против Советов, не желает никакого двоевластия и поклялся, что не упадет ни один волос с головы русских в пределах

¹³⁰ Революционное движение в Туркмении в 1908-1917 гг., кн.IV, с.183; газета «Асхабад», 1917, 12 декабря.

¹³¹ ЦГАПДТ, ф.40, оп.I, д.5, л.186-187; Газета «Асхабад», 1917, 12 декабря. С фамилией П.Рыбакова существует путаница: у Н.Яшина он – Рыбаков, в другом источнике - Рыбакин.

¹³² Революционное движение в Туркмении в 1908-1917 гг., кн.IV, с.189.

¹³³ Очерки истории Коммунистической партии Туркменистана, с.88.

¹³⁴ И.Г.Иванченко. Туркменская интеллигенция и национализм. – Журнал «Известия Академии наук Туркменистана», серия «Гуманитарные науки», 1992, №1, с.21.

Закаспийской области. Что касается Овезбаева, то Махтумкули-хан предложил его арестовать, так как от него исходили слухи с угрозами русскому населению и ему якобы принадлежит мысль о создании в области параллельной власти¹³⁵.

Советские историки считали, что Махтумкули-хан в течение всей гражданской войны и после нее, вплоть до своей смерти в 1923 году, был лоялен к советской власти, не выступал против нее. В 1920 году он даже был включен в состав Закаспийского областного Ревкома¹³⁶. Но это не помешало ему в 1918-1919 годах, в период правления белогвардейского правительства, занять пост помощника управляющего внутренних дел¹³⁷. Кроме того, если Махтумкули-хан сочувствовал большевикам, почему он и его «партия» оказались за бортом советской жизни? Почему никто из его сторонников не был избран в состав Совнаркома?

На самом деле соглашатели типа Махтумкули-хана тормозили развитие национального движения. Советы могли позволить себе не замечать участия местного населения в революционном движении, так как больше полагались на силу войск, нежели на сознательное участие туркменских масс в происходящих событиях. Это наглядно покажет дальнейший ход вооруженных действий советских властей против оппозиционных сил.

Вместе с тем большевики искусно сеяли раздоры между национальными лидерами. Противоречия между Махтумкули-ханом, Овезбаевым и Ораз Сердаром, по-моему, во многом были вызваны политикой недопущения к власти представителей туркменского населения, к которому как новая, так и старая русская администрация питала недоверие.

Туркменская интеллигенция продолжала борьбу, вспоминал участник революционных событий и гражданской войны в Закаспии Т.Козлов. Был созван чрезвычайный национальный областной съезд и вместо распавшегося был избран новый комитет из представителей буржуазной верхушки во главе с Ораз Сердаром. Махтумкули-хан участвовать в работе съезда отказался и, пробыв в Асхабаде несколько часов, уехал. Съезд вынес резолюцию о системе власти в Закаспии и вручил ее Совнаркому. Этот документ намечал пропорциональное представительство в областном Совнарком, а именно: для туркменского населения - 4 места, для нацмен-мусульман - 1, для

¹³⁵ ЦГАПДТ, ф.40, оп.1, д.5, л.187-188; д.6, л.298. Махтумкули-хан организовал собственный вооруженный отряд, состоявший из 400 всадников. Находился в оппозиции к полковнику Ораз Сердару, позднее возглавившему Туркменский областной комитет. Престарелый хан доживал свой век с двумя сыновьями в ауле Хан-Кяриз Дурунского (Бахарденского) приставства, владел стадами овец, верблюдов, имел табун прекрасных чистокровных ахалтекинцев. Его окружала свита советников, ишанов и мулл. Умер в 1923 году.

¹³⁶ А.А.Росляков. Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов, с.277.

¹³⁷ ЦГАТ, ф.515, оп.1, д.1, л.15.

европейцев - 2. Совнарком, состоявший из большевиков и левых эсеров, дал уклончивый ответ, предложив объяснить мотивы создания национального комитета в таком составе¹³⁸.

Члены комитета заявили, что их организация преследует цели оказания помощи голодающим туркменам и содействия Совету в снабжении населения продовольствием. Туркменский комитет, связанный с Кокандской автономией, почувствовав поддержку местного офицерства и чиновников, открыто заявил, что он объединяет и выражает мнение большинства населения области и поэтому не считает нужным подчиняться Совету. Естественно, областной Совнарком, обеспокоенный подобным заявлением, сообщил об этом в Ташкент краевому Совнаркому. Председатель последнего Колесов телеграфировал о необходимости срочно организовать при Совете туркменские секции.

Совет не замедлил созвать VI областной съезд депутатов, на который съехались делегаты из близлежащих к Асхабаду аулов. На съезде избрали областную туркменскую секцию, осудили деятельность национального комитета и решили повсеместно приступить к организации аулсоветов, а в городах при Советах - туркменских секций¹³⁹. Но представлял ли этот съезд туркменский аул - вопрос спорный.

На этом съезде, открывшемся 20 февраля 1918 года в Асхабаде, присутствовал председатель краевого Совнаркома Ф.Колесов, ставший свидетелем обструкции, устроенной большевикам. Е.Л.Штейнберг, ссылаясь на архивные документы, приводит протоколы VI областного съезда Советов, на котором в повестке дня стоял вопрос о перевыборах областного комиссара. Цитирую: «По заявлению Т.Алесковского заносятся /в протокол/ сказанные т.Шастал слова: «Я - идейный противник большевизма». Постановили: Голосуются на должность областного комиссара. Печатников (эсер – прим. автора) получает 7 голосов. Шастал - 10 голосов, Тузин (большевик – прим. автора) - 4 голоса». Избранным оказался «идейный противник большевизма» Шастал¹⁴⁰. Большевики подобного допустить не могли, поэтому результаты голосования были аннулированы и назначены новые выборы.

Провал с выборами областного комиссара, недостаток авторитета в массах было решено восполнить силой. К тому же Совет встревожило намерение националистов приступить к организации туркменской национальной армии, основным костяком которой должен был стать запасной кавалерийский эскадрон, расквартированный в ауле Кэши, где заседал Туркменский комитет. Как свидетельствовал старый большевик Т.Козлов,

¹³⁸ ЦГАПДТ, ф.40, оп.1, д.7, л.47-48.

¹³⁹ Там же.

¹⁴⁰ Е.Штейнберг. Очерки истории Туркмении, с.94. В книге дата съезда указана ошибочно.

прибывший из Ташкента с отрядом Ф. Колесов с целью разгона Туркменского комитета бомбардировал из пушки расположение эскадрона. Ораз Сердар, Чары Гельдыев, Сеидмурад Овезбаев, Агаев были вынуждены скрыться. 21 февраля эскадрон разоружили, туркменские комитеты - области и города - разогнали¹⁴¹.

Спустя десять лет о действиях председателя краевого Совнаркома с осуждением вспоминал Н.Д. Иомудский. Приезд Колесова в Асхабад, писал он, отрицательно повлиял на настроение туркмен, его деятельность оттолкнула их от Советов и большевистского движения. Он обрушился на ячейки, в которых микроскопически проявлялась идея туркменской самостоятельности, а затем предпринял бесцельный орудийный обстрел аула Кеши, вследствие чего эти туркменские ячейки вынуждены были скрыться в полном составе, жители Кеши - уйти в пески и горы, а туркмены Ахала в массе своей разочаровались в «большевистском комиссаре» и вообще в большевиках.

В Асхабаде, по словам Иомудского, оставались единицы туркмен, в большинстве своем сомнительной нравственности, по всей вероятности, опиоманы, отвергнутые туркменским обществом. Были также туркмены иной категории - военные наемники, люди без определенных принципов, становящиеся то «красноармейцами», то «белогвардейцами». Основная же масса туркмен скрывалась в степи, в песках, заметно изолируясь от городов, где жили русские¹⁴².

Один из участников этих событий А. Забралов, признавая в происшедшем вину Ф. Колесова, писал: «Разоружение этого дивизиона надо считать началом гражданской войны в Ашхабаде. В бою... мы обезоружили его... Гром этого боя оказался предвестием грядущих битв, которыми вскоре была охвачена вся Средняя Азия»¹⁴³. Опьяненный легкой победой над туркменами, Колесов ринулся на Бухару, надеясь разгромить армию эмира, но попал в окружение бухарских войск и был вынужден подписать унизительное перемирие¹⁴⁴.

¹⁴¹ ЦГАПДТ, ф.40, оп.1, д.7, л.48.

¹⁴² Караш хан оглы Иомудский. Туркмены и революция. – Журнал «Туркменоведение», 1927, №2-3, с.16.

¹⁴³ Война в песках. Гражданская война в Средней Азии. Москва, 1935, с.361. Эти материалы по истории гражданской войны, представленные воспоминаниями участников событий, готовились под редакцией М. Горького, В. Иванова, И. Минца и Ф. Колесова, о «походах» которого шла речь выше. Несомненно, он редактировал и воспоминания А. Забралова, с суждениями которого, по всей вероятности, согласился.

¹⁴⁴ См.: История коммунистических организаций Средней Азии, с.443-445; История Бухарской и Хорезмской народных советских республик, с.59-60; Ш. Ташлиев. Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане, т.1, с.40; А.А. Росляков. Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов, с.315 и др.

Состав Закаспийского Совнаркома, избиравшегося на V, VI, VII съездах Советов, постоянно менялся. В него входили большевики, правые и левые эсеры, меньшевики, максималисты, беспартийные, но только не представители туркмен. В то время «интернационализм» Советов по отношению к коренному населению никак не проявлялся. Туркменам по-прежнему не доверяли, как и в царской России. Во многих трудах советских историков факты этнической дискриминации, проявления великодержавного шовинизма замалчивались, но подробно описывалось образование при Совнаркоме и местных Советах туркменских секций¹⁴⁵, не обладавших реальной властью, а имевших лишь совещательные функции. Лишь 12 мая 1918 года на VII съезде Советов в состав Совнаркома был избран беспартийный капитан Хаджи Мурат, представлявший буржуазных националистов, изъявивший желание сотрудничать с советской властью¹⁴⁶. По всей вероятности, это произошло потому, что в асхабадском Совете с начала марта доминировали меньшевики и эсеры, поддерживавшие тесные контакты с лидерами туркменского национального движения.

§4. ПОЗИЦИЯ ТУРКМЕНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КРУГОВ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ

В июле 1918 года почти во всех населенных пунктах и городах Закаспия, расположенных вдоль линии железной дороги, произошел государственный переворот. К власти пришел Стачечный комитет, переименованный вскоре во Временный исполнительный комитет (ВИК) во главе с правым эсером Фунтиковым. В новое правительство вошли и лидеры национальной буржуазии, предводительствуемые полковником Ораз Сердаром, назначенным командующим объединенными войсками¹⁴⁷.

¹⁴⁵ История Туркменской ССР, т. II, с. 91; История Туркменистана, с. 230, 234.

¹⁴⁶ А. А. Росляков. Большевики Туркменистана в борьбе за власть Советов, с. 357-358.

¹⁴⁷ ЦГАТ, СБ45, л. 163; СБ59, л. 58; ф. 205, оп. I, д. Ia, л. I. Ораз Сердар - сын Дыкма Сердара Маметназарова, отличившегося при осаде крепости Гёкдепе и являвшегося в 1880-1881 гг. командующим всеми текинцами, сопротивлявшимся царским войскам. Ораз Сердар окончил Николаевское кавалерийское училище в Петербурге. После Октября - глава областного мусульманского комитета, решавшего вопрос об автономии Туркестана. В феврале 1918 г. после разгона этого комитета Ораз Сердар скрывался в районе Бахардена, требовал, чтобы дайхане платили налоги ему, а не советским органам. При ВИК назначен командующим белогвардейско-националистическими войсками. В 1919 г. произведен Деникиным в генерал-майоры. В феврале 1920 г. с победой Советов бежал в Иран и, несмотря на объявленную областным ревкомом Закаспия амнистию, на родину не вернулся. Вскоре умер в Иране. До последних дней своей жизни

Туркменский аул к мятежу, приведшему к падению власти Советов, остался безучастным, если не считать того, что здание Совета защищал красногвардейский отряд, возглавляемый Овезберды Кулиевым. По одним данным, отряд был почти весь уничтожен в бою, по другим - после первой же стычки с численно превосходящим противником разбежался или перешел на сторону мятежников. Возможно, бойцы этого отряда являлись наемниками, о которых писал Н.Н.Иомудский.

О пассивности туркменского аула, который «не вызрел, не окреп, не получил воли, стремления захватить власть в свои руки и бороться за власть», говорил в своем выступлении на I съезде КП/б/ Туркменистана в 1925 г. председатель Средазбюро ЦК ВКП/б/ И.А.Зеленский. Он сожалел, что даже спустя семь лет после октябрьского переворота в аулах и кишлаках Средней Азии «во многих местах Советская власть не только слаба, но, пожалуй, Советской власти и нет»¹⁴⁸. Туркменский народ, действительно, не проявлял никакого стремления взять власть в свои руки и бороться за нее. Основная масса туркмен, придерживаясь обывательской морали, ударилась в «гаухагаулык» (повальное бегство). Находясь в состоянии внеисторического прозябания, туркмены оставались безучастными, безразличными ко всем происходящим событиям. Этот странный индифферентизм нашего народа проявляется и поныне.

Слабостью советской власти, установленной главным образом силой и никак не поддерживаемой местным населением, воспользовались противники большевиков. Под знамена мятежников встало свыше пяти тысяч вооруженных всадников и пехотинцев¹⁴⁹.

С падением советской власти лидеры национальной буржуазии полковник Ораз Сердар, ротмистр Овезбаев, Хаджи Мурат, представители туркменской феодально-байской знати созвали в Безмеине 16 июля 1918 года Всетуркменский съезд, в работе которого приняли участие в основном родовые вожди, видные баи, ханы, муллы, словом, столпы тогдашнего общества, имевшие влияние на туркменский аул. Инициаторы и вдохновители съезда, на котором присутствовали и представители Стачкама, собрались для определения своей линии в борьбе с большевиками. Было решено создать национальную армию для изгнания русских с туркменской земли и образовать фронт против красных¹⁵⁰.

занимал по отношению к советской власти враждебную позицию (ГАРФ, ф.446, оп.2, д.56, л.88; ЦГАТ, ф.12, оп.2, л.15; д.5, л.50. РГВА, ф.25859, оп.2, д.49, л.55,72).

¹⁴⁸ ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.3, л.161.

¹⁴⁹ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.56, л.6.

¹⁵⁰ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.55, л.14-15; ЦГАТ, СБ45, л.162; ф.520, оп.2, д.2, л.3; С.Мурадов. На разгром Джунаида. За Советский Туркменистан (1917-1920). - Воспоминания участников революции и гражданской войны, с.342.

До недавнего времени в туркменской советской историографии господствовало мнение, что Махтумкули-хан не поддержал националистов и их планы. Это не совсем верно. Несмотря на то, что старый хан находился в неприязненных отношениях с Ораз Сердаром, он не мог поступиться интересами своего клана. Подтверждение этому мы находим в переписке белогвардейских генералов. Вот что сообщал Деникину о состоявшемся съезде генерал Е.Джунковский. Характеризуя участников «тайного маслахата», в частности род Нурберды-хана, его сына Махтумкули-хана - пасынка известной мервской ханши Гюльджемад, и ее сына Юсуп-хана Джунковский писал: «Сама ханша и оба хана русской ориентации. Этот род за собой ведет две трети туркменского народа; другие ханы менее влиятельны. Те партии авантюристов не особенно родовиты, но энергичны, действуют через Ораз Сердара и при посредстве той более или менее организованной силы, которая благодаря удачному для туркофилов стечению обстоятельств очутилась у них в распоряжении»¹⁵¹.

«Тайный маслахат», по сведениям деникинской контрразведки, проходил бурно. Горячий спор разгорелся по вопросу, какой политики придерживаться по отношению к Турции, Англии и России. «Партия Овезбаева» настаивала на том, чтобы порвать с русскими окончательно, а представители мервской ханши, которая, разумеется, не могла идти против воли Махтумкули-хана, были против, говоря о необходимости союза с русскими, утверждая, что «туркменам без русских обойтись нельзя». Участники маслахата хотя и перессорились, но ориентация на Россию для большинства туркмен по-прежнему оставалась бесспорной. Белогвардейской «Туркестанской военной организации» пришлось приложить усилия к тому, чтобы «склонить Махтумкули-хана выступить на политической арене и заменить Ораз Сердара, который замышляет арестовать как его, так и самую ханшу»¹⁵².

Отнюдь не говорит о лояльности Махтумкули-хана к советской власти тот факт, что Баба-хан и Юсуп-хан Нурберды-хан оглы и его сын Кара-хан, не считая 14 крупных и влиятельных мервских ханов, сформировали особые отряды, выступившие против советских войск, присланных из России¹⁵³.

¹⁵¹ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.55, л.15. Евгений Джунковский, бывший помощник генерал-губернатора Туркестана, после установления советской власти возглавил белогвардейскую разведывательную и контрразведывательную «Туркестанскую военную организацию» (см. Ш.Ташлиев. Установление и упрочение Советской власти в Туркестане. Ашхабад, 1957, с.97).

¹⁵² ГАРФ, ф.446, оп.2, д.55, л.15-16.

¹⁵³ Там же, д.56, л.6. Среди четырнадцати ханов значился и Эмир Хаджи Берды с сыновьями Какаджаном, Бекки и Баппы Бердыевыми. Всех их, выступивших против Советов, Байрам-Алийский Совет решил предать полемому суду, их имущество - движимое и недвижимое - конфисковать (ЦГАТ, ф.298, оп.1, д.2, л.25).

Вместо разогнанного большевиками областного туркменского комитета Всетуркменский съезд избрал Центральный туркменский комитет (ЦТК) во главе с С.Овезбаевым. В него вошли Ораз Сердар, Хаджи Мурат, Какаджан Бердыев и др.¹⁵⁴ Члены ЦТК вошли во Временный исполнительный комитет в качестве его туркменской секции. В Совете управляющих (аналоге Кабинета Министров) туркмен представлял Махтумкули-хан, назначенный помощником министра внутренних дел. Чуть позже в Комитет общественного спасения, исполнявший по сути функции правительства Закаспия, помимо четырех русских белогвардейцев, вошли Ораз Сердар и Хаджи Мурат. Какаджан Бердыев был назначен управляющим административным отделом по туземным делам Министерства внутренних дел, его старший брат Бекки занял в правительстве пост министра продовольствия¹⁵⁵. Таким образом, русское белогвардейское правительство оказалось более гибким, чем большевистское. Оно выдвигало туркмен в руководящие органы власти и это, естественно, было позитивно оценено туркменскими лидерами, поддержавшими мятеж против Советов.

Лидеры национальной буржуазии, почувствовав поддержку правительства, в свою очередь сумели привлечь к сотрудничеству родоплеменных вождей и мулл, имевших сильное влияние на туркменское население. Благодаря их усилиям, в Безмеине при ЦТК был создан мусульманский «Духовный совет 16-ти» во главе с известными духовными деятелями Каразат муллою и Оразмамед ахуном¹⁵⁶.

Из людей, выделенных родоплеменными вождями, был сформирован полк во главе с Оразом Сердаром, вскоре отправленный на фронт. ВИК вторым помощником командующего утвердил Хаджи Мурата, организатором туркменских эшелонов - Чары Гельдыева¹⁵⁷, офицера русской службы, представителя родовой верхушки племени ата. В августе 1918 года белогвардейское правительство выделило председателю ЦТК Овезбаеву 500 тысяч рублей на «организацию ударной части». Чуть позже Овезбаев получил от ВИК два миллиона рублей на формирование конного отряда, состоявшего

¹⁵⁴ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.55, л.15-16. Сеидмурад Овезбаев, сын Овезбая Гесклена из Геокдепе, происходил из небогатой семьи, туркестанским генерал-губернатором был отдан учиться в кадетский корпус. Ротмистр русской армии. В 1920 г. короткое время возглавлял уездно-городской ревком Полторацка Закаспийской области. В 1932 г. был арестован по обвинению в принадлежности к организации «Туркмен Азатлыги», в 1937 г. - расстрелян.

¹⁵⁵ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.56, л.35; Архив КНБТ, д.П48577, т.12, л.101; Газета «Голос Средней Азии», 1919, 29 января.

¹⁵⁶ Ш.Ташлиев. Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане, т.1, с.70.

¹⁵⁷ ГАРФ; ф.446, оп.2, д.56, л.6; ЦГАТ, СБ45, л.163; СБ59, л.58; ф.205, оп.1, д.1а, л.1; Журнал «Туркмено-ведение», 1928, №1(5), с.14.

в основном из «корниловских всадников с георгиевскими крестами»¹⁵⁸. По всей вероятности, это были кавалеристы Текинского конного полка, вернувшегося на родину.

В начале августа 1918 года из Кушки была получена радиотелеграмма, подписанная командиром дивизиона Салимурадом Аллаяровым и старшим адъютантом Сысуевым, перешедшими на сторону новой власти: «Всем, всем! Диктатура отдельных личностей Совнаркома по Туркестану привела к полнейшему разорению, кровному оскорблению населения. В особенности страдает туземное население, в частности, мы, туркмены. Я, командир коннопешего Туркменского социалистического дивизиона Аллаяров во имя справедливости, признавая благодаря создавшемуся положению честь туркменского народа и вообще населения Туркестана оскорбленной, по желанию народа вынужден выступить на его защиту против существующего произвола»¹⁵⁹.

Чуть позже об Аллаярове, которого стали величать Аллаяр-ханом, другая белогвардейская газета писала: «Этот начальник обманул большевиков, организовал в Иолатанском районе новый отряд бойцов из сарыков и начал военные операции против Кушкинского гарнизона»¹⁶⁰, находившегося в ту пору под властью Советов.

Общая численность туркменских отрядов составила 2800 штыков и сабель. К февралю 1919 года, по сведениям Освага, военные силы туркмен насчитывали уже четыре тысячи бойцов¹⁶¹.

Н.Н.Иомудский дает развернутую характеристику некоторых туркменских деятелей, выступивших против советской власти. Одни из них имели определенную политическую программу, другие действовали из авантюристических побуждений, третьи – по личным мотивам или из мести. Иомудский относил Аллаярова к типу мелких авантюристов, стремившихся любой ценой быть у власти: «Ярким примером такого типа, - писал он, - был некто Аллаяр, выходец из Хивы, полутуркмен, пробывший некоторое время в туркменском конном полку в войну 1914 года. В 1917 году появился в Асхабаде, никому неизвестным, по виду крайне революционный, радикальный, проникал во все органы правления, в правящие круги. Выдавал себя за борца свободы, пострадавшего при царском режиме. Фразер, нагл и пробивал себе дорогу. Аллаяр был простым авантюристом, жестоким человеком, командиром небольших отрядов - от комитетов, от Временного правительства, служил то у большевиков, то у меньшевиков, в денкинской

¹⁵⁸ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.55, л.15.

¹⁵⁹ Газета «Трудовая мысль», 1918, 2 августа.

¹⁶⁰ Газета «Голос Средней Азии», 1918, 27 сентября.

¹⁶¹ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.56, л.130б.

армии и даже у англичан. Совершил погром Теджена в 1919 году, с убийствами и грабежами беззащитного населения. Затем очутился с отрядом в Пендинском оазисе»¹⁶². Отряд Аллаяра вел бои с советскими войсками, на подступах к Мерву потерпел поражение, после чего остатки отряда присоединились к Джунаид-хану¹⁶³.

После падения Советов в Закаспии в прибрежный аул Гасан-Кули приехали турки, нашедшие приют у видного священнослужителя Торе Ахуна, над домом которого подняли штандарт турецкого султана. Служитель Аллаха сгруппировал вокруг себя духовных лиц - мулл, ахунов, ишанов, кори (чтецов Корана)¹⁶⁴, деятельность которых была направлена против преследовавшей их атеистической власти Советов.

На борьбу с Советами поднялись и казахи, жившие на полуострове Мангышлак. Бывший царский старшина Бекес Дерментаев и его сподвижник Абдурахман Кубиев возглавили отряды, находившиеся на службе у Временного Закаспийского правительства. Из уст казахов, живших в форте Александровском (ныне - Форт Шевченко), Н.Иомудскому приходилось слышать: «Мы были в форте красноармейцы, но приехали и сказали, что надо быть «белогвардеца», а потому мы стали «белогвардеца»¹⁶⁵.

Таким образом, казахи, еще вчера совершавшие набеги на аулы иомудов и других соседних племен, издавна живших на Мангашлыке, теперь объявили своим врагом большевиков. Видимо не случайно казах Бекес (Бекеш) Дерментаев и иомуд Торе Ахун в 1931 году возглавили повстанческое движение в Каракумах, ведя кровопролитные бои с регулярными частями Красной Армии и многочисленными чекистскими отрядами¹⁶⁶.

С лета 1918 года немногочисленные английские оккупационные силы во главе с генералом Маллесоном стали полновластными хозяевами Закаспия. Сейчас нелегко выяснить точно, как же отнеслись национальные круги, особенно их лидеры, к приглашению англичан. Ясно лишь, что представители национальной буржуазии, несмотря на постоянные заявления о своей решимости бороться за независимость Туркменистана, заключили союз с российской белогвардейщиной, не скрывавшей своих великодержавных намерений и планов.

Внешне все выглядело благопристойно: белогвардейское правительство благодарило «защитников»-англичан, Деникин производил Ораз Сердара в

¹⁶² Журнал «Туркменоведение», 1927, №2-3, с.19.

¹⁶³ РГВА, ф.110, оп.23, д.609, л.262.

¹⁶⁴ Журнал «Туркменоведение», 1927, №2-3, с.17.

¹⁶⁵ Там же.

¹⁶⁶ Архив КНБТ, д.13790, л.8,30.

генералы, а новоиспеченный генерал от имени бухарского эмира преподнес британскому разведчику орден - Бухарскую звезду 1 степени. На самом же деле все лицемерили, не верили друг другу. Англичане, пытаясь получить согласие на оккупацию Туркестана сроком на 25 лет, плели сети интриг: заигрывали с националистами, натравливали на них ВИК и белое офицерство, заверяя и тех и других в «дружбе и бескорыстии». А когда из Азербайджана на помощь ашхабадскому правительству прибыли войска белоказачьего полковника Бичерахова, англичане не пропускали их через Красноводск. Там едва не произошло столкновение. Министр ашхабадского правительства Зимин, еще раз испытав «благорасположение» оккупантов, жаловался «на хамское отношение Маллесона»¹⁶⁷.

У туркменских лидеров, как и следовало ожидать, не было единого мнения по поводу приглашения англичан в Туркменистан. Такой шаг некоторые расценивали как предательство, другие видели в нем компромисс, временную меру. Как считает Е.Штейнберг, туркменские националисты С.Овезбаев, Хаджи Мурат, Бекки Бердыев и некоторые другие были против приглашения англичан. Но правая часть туркменской национальной буржуазии, ее феодально-родовое крыло, прежде всего в лице Ораз Сердара, метавшегося между двумя националистическими группами, потребовало от оппозиционеров присоединиться к общему движению, угрожая в противном случае объявить их раскольниками. Оппозиционеры вынуждены были согласиться, тем более что многие из них, числясь в рядах армии, находились в подчиненном положении по отношению к Ораз Сердару - командующему объединенными войсками¹⁶⁸.

Туркменское офицерство, делая ставку на русских, но лавируя между ними и англичанами, в конечном счете мечтало захватить власть в свои руки. Туркофилы, напротив, втайне от русских строили планы с помощью белогвардейцев занять Чарджуй, свергнуть там Советы, затем низложить белогвардейское правительство и провозгласить Туркменистан самостоятельным ханством. Осуществить это замышлялось с помощью Турции¹⁶⁹.

Приблизительно осенью 1918 года Э.Х.Бердыев вместе с Аки Аман оглы¹⁷⁰ и переводчиком Мамедом Лезги выехал в Турцию. По поводу этого

¹⁶⁷ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.56, л.59,65,88,89.

¹⁶⁸ Е.Штейнберг, Очерки истории Туркмении, с.79-80.

¹⁶⁹ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.55, л.14,15; д.56, л.130б.

¹⁷⁰ Аки Аман оглы - один из десяти ближайших советников Эзиз-хана. Все они в 1930 г. были арестованы, сначала сосланы, а затем расстреляны, за исключением Кизыл-хана Сарыева. Обвинение было стандартным: агитация против советской власти, участие в организации разбойничьей (то есть басмаческой) банды, противодействие колхозному строительству (Архив КНБТ, д.1903, л.198,204).

визита существуют различные мнения. Хотя сам Э.Бердыев на допросах в ГПУ заявлял, что поездка преследовала торгово-коммерческие цели, свидетели утверждали иное: вояж совершался для ведения переговоров с влиятельными турецкими государственными и военными деятелями на «предмет оккупации Турцией Закаспийской области». В случае согласия турецкой стороны визитер из Закаспия намеревался выторговать у турецкого султана не менее чем министерские портфели для своих сыновей Какаджана и Бекки, входивших в белогвардейское правительство. Информация Восточного отдела ОГПУ СССР от 27 октября 1928 года, основанная на агентурных данных, подтверждает ведение Э.Бердыевым переговоров с турецким главнокомандующим Нуры-пашой¹⁷¹, приходившимся сводным братом Энверу-паше - военному министру и зятю турецкого султана.

То, что в переговорах участвовал сподвижник Эзиз-хана - Аман Аки оглы, говорит о том, что признанный предводитель тедженских и мервских туркмен, несмотря на свою независимость, не чурался высокой политики. Аналогичная информация содержится и в донесении белогвардейской контрразведки, составленном в 1919 году: «Вследствие слабости и неустойчивости власти, в области возникло и стало развиваться туркменское панисламистское движение, возглавляемое вначале разбойниками Азис-ханом и Аллаяр-ханом. В начале движения при подходе турок к Баку туркменами была отправлена делегация, приглашавшая турок занять Закаспий и освободить мусульман от русского владычества. В феврале почти все военные силы на фронте, как уже отмечалось, оказались в руках туркмен, насчитывающих 4000 бойцов при 70 русских. Предводительствовали туркменами лица, явно враждебные всему русскому»¹⁷².

Арестованный в 1932 году по делу «Туркмен Азатлыгы» Б.М.Кербабаев о поездке Э.Бердыева дал следующие показания: «Три делегата перессорились, главным образом, из-за того, что Эмир Хаджи после оккупации Закаспия турками хотел видеть своего сына губернатором, но вернулись ни с чем»¹⁷³. Однако сын Эмира Хаджи Бекки Бердыев, занимавший в белогвардейском правительстве пост министра продовольствия, утверждал обратное: «Мой отец был принят турецким султаном, - говорил он. - С какой целью, мне неизвестно. Но чтобы быть принятым султаном, нужно было соблюсти какие-то ритуалы, и отца стали учить этому. Но он отказался - слишком тягостным показался ему этот

¹⁷¹ Архив КНБТ, д.П47398, л.143.

¹⁷² ГАРФ, ф.46, оп.2, д.56, л.130б.

¹⁷³ Архив КНБТ, д.П48577, т.1, л.341.

унизительный церемониал. Султан, прослышав о том, смилоствился, решив принять его без всяких условностей»¹⁷⁴.

Туркмены говорят: «Лучше сегодняшняя печёнка, чем завтрашний курдюк». Ораз Сердар не без влияния своих единомышленников тайно связался с эмиром бухарским, предлагая ему образовать «Союз мусульманских народов Туркестана». Эмир ответил, что он как старый враг «гяуров» (неверных), одобряет создание такого «Союза» и для осуществления этой цели готов дать сколько угодно денег, но не может помочь воинской силой, так как не имеет оружия¹⁷⁵. Ответ очевидно не искренний. Видимо, по каким-то соображениям бухарский эмир не захотел связываться с туркменами.

Ответное письмо эмира перехватила вездесущая «Туркестанская военная организация», контролировавшая каждый шаг национальных лидеров. Замыслы туркофилов, их влияние в армии, враждебность ко всему русскому тревожили Е.Джунковского. По его указанию отношение к туркменским военным кадрам резко изменилось. Им перестали доверять, прекратили снабжение трехлинейными винтовками, на командные должности вместо туркмен начали выдвигать русских офицеров, прибывавших с Кавказа из Добровольческой армии Деникина. Джунковский с тревогой писал Деникину, что при двойной игре националистов русским пришлось «ухватиться за англичан как за якорь спасения».

В декабре 1918 года генерал-лейтенант Савицкий, обеспокоенный политикой туркестанских националистов, информировал Деникина: вместо одного лояльного асхабадского правительства, весьма вероятно, появятся несколько новых: самаркандское, ташкентское, а может быть и отдельные ханства (Кокандское, Мервское и другие), которые благодаря активной агитации враждебных России элементов могут, хотя бы и временно, втянуться в политику грузинских сепаратистов и татарских беков и влиться в союз автономных республик (Азербайджанской, Грузинской и др.), создав «Союз освобождения Востока».

Русские белогвардейцы не скрывали шовинистических чувств по отношению к своим партнерам - лидерам национальных «верхов». «В Закаспийской области, - говорилось в одной из докладных на имя Деникина, - необходимо назначение твердой военной власти. Во главе Управления должен стоять непременно русский человек. Назначение русского генерала из местных уроженцев, как было в Чечне, ошибка». Так было не только на словах, но и на деле. Ораза Сердара - «генерала из местных уроженцев» -

¹⁷⁴ Там же, т.12, л.102, 119.

¹⁷⁵ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.56, л.15.

сменил генерал-лейтенант Савицкий. 4 февраля 1919 г. упразднили должность помощников управления внутренних дел, и один из них - Махтумкули-хан - остался «за штатом на общем основании». Член правительства эсер Курылев с откровенным цинизмом заявлял: «Мы уже потопили восемнадцать этих мерзавцев туркмен, скоро уничтожим и других»¹⁷⁶.

2 января 1919 года в решении последнего заседания Временного исполкома, создавшего «Комитет общественного спасения», отмечалось, что его члены «должны быть русскими по убеждению». Днем ранее арестовали Фунтикова - главу «признанного Великобританией правительства» Закаспия. Не миновала волна репрессий многих столпов бывшего правительства - Седых, Худоложкина и других, арестованных за «либерализм». Министра иностранных дел Зимина арестовали и судили военно-полевым судом. Вскоре из «Комитета общественного спасения» изгнали А.Белова и С.Дружкина¹⁷⁷.

Певоначально с установлением новой власти в белом штабе сформировалось так называемое туркменское командование. В белогвардейских войсках командовали «офицеры школы Н.Н.Иомудского с острова Челекен». Появление в Закаспии англичан накалило страсти, породило тугой клубок интриг. Генерал Маллесон, которому, видимо, удалось привлечь на свою сторону Ораза Сердара и Хаджи Мурата, установил тесные связи и с Овезбаевым, и с ханом Иомудским, старался повлиять на них, «усилить поворот их политики» от панисламизма и туркофильства к туркменской самостоятельности».

Белогвардейцы были недовольны тесными контактами англичан с «туземными» союзниками. Им казалось, что англичане недостаточно активно ведут себя в боевых операциях и, добиваясь ухода с фронта национальных воинских частей, хотят помочь советским войскам разгромить белых. Белогвардейская контрразведка полагала также, что англичане готовили столкновение между двумя крупными племенами - текинцами и иомудами, чтобы посеять рознь, помешать их объединению.

Судя по документам белогвардейской контрразведки, англичане с помощью феодально-байской верхушки задумали создать партизанские отряды из иомудов. «Хан Иомудский вел все время переговоры с англичанами, - писал Деникину генерал Лазарев, назначенный 28 марта 1919 года военным министром Закаспийского правительства, - причем последние помогали ему в деле организации партизанских отрядов, которое должно было иметь место в районе Атрека и Гюргена.... Поверенным у них больше,

¹⁷⁶ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.56, л.147б; ЦГАТ, ф.515, оп.1, д.1, л.15; Ф.520, оп.?, д.3, л.110, Журнал «Туркмено-ведение», 1928, №7-8, с.58.

¹⁷⁷ ЦГАТ, ф.611, оп.1, д.7, л.28; СБ153, л.269,316; ГАРФ, ф.446, оп.2, д.56, л.16, 84, 130а.

чем другие, был хан Иомудский. В какой стадии развития дело сбора партизан-иомудов - данных у меня нет, но зато иомудские шайки в районе Кара-Кала нам мешают и грабят; вообще дело, предпринятое ханом Иомудским, не особо надежное, но пока открыто идти против него невыгодно, лучше пусть оно само заглохнет»¹⁷⁸.

То, что Н.Иомудский пытался создать партизанские отряды, подтверждает и докладная записка советского командования от 25 сентября 1919 года, подписанная председателем Реввоенсовета Закаспийского фронта Н.А.Паскуцким и заведующим Политотделом В.В.Мальковым.

О шагах, предпринятых Н.Иомудским, было известно и члену Закаспийского правительства Бекки Бердыеву, который в 1932 году показал следователю ГПУ, что Николай Николаевич вел с англичанами переговоры по постройке на реке Гурген какого-то гидротехнического сооружения, а деникинское командование уполномочило его содействовать мобилизации иомудов в их армию. Иомудский решил, что туркменам ни к чему воевать между собой, и умышленно затягивал мобилизацию. В связи с этим саботажем его вызвали с докладом в ставку Деникина на Северный Кавказ¹⁷⁹.

Показания Б.Бердыева как бы продолжает в своем письме Кумышали Бориев, тоже арестованный по так называемому делу о «Туркмен Азатлыги». «19 июня 1919 года, - писал он в ЦК. ВКП/б/, - в Джебел, где я учительствовал, приехал полковник Макаров и, собрав всех старшин и аксакалов, просил дать людей, помочь белым. На этом собрании я был переводчиком. Не без влияния Иомудского им не помогли. Иомудский не хотел кровопролития... В ноябре 1919 года я поехал переводчиком делегации, возглавленной Н.Иомудским, направившейся в ставку Деникина. Но Деникин нас не принял. Иомудский это объяснил пораженческим настроением белых и обидой, что иомуды не дали полковнику Макарову ни одного человека»¹⁸⁰. А между тем на острове Челекен, находившемся под опекой хана Иомудского, у туркменского населения имелась масса огнестрельного оружия, молодежь обучалась военному делу¹⁸¹.

Белогвардейское командование чрезвычайно раздражали «самостийные настроения среди «туркмен и иомудов», туркофильство Овезбаева и действия Иомудского «во вред Добровольческой армии», хотя это не мешало деникинскому командованию принимать делегацию во главе с ханом

¹⁷⁸ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.56, л.115.

¹⁷⁹ Архив КНБТ, д.П48577, т.12, л.103.

¹⁸⁰ Там же, т.6, л.11.

¹⁸¹ ЦГАТ, ф.118, оп.1, д.4, л.48; д.7, л.19; ф.486, оп.1, д.211, л.16.

Иомудским, прибывшую на Северный Кавказ с целью ознакомиться с «мощью Добровольческой армии»¹⁸².

Тем временем Красная Армия теснила белогвардейские части на запад, к Каспию. С победой советских войск белогвардейско-националистическая армия распадалась. Одни уходили за рубеж, другие скрывались в Каракумах, третьи переходили на сторону красных. Переходы к большевикам отдельных вооруженных отрядов туркмен в основном совпадают с развертыванием наступления Красной Армии в мае 1919 года.

В июне 1919 года, когда Ашхабад находился под властью белых, в Келята к Махтумкули-хану, оставшемуся у белогвардейцев «за штатом», по заданию советского командования ездил Асмандурды Элеш-оглы, пытавшийся уговорить родового вождя сотрудничать с советской властью, добиться, чтобы вооруженные группы туркмен не вступали в схватки с наступающими частями красных¹⁸³.

Большевики начали переговоры также и с Сеидмурадом Овезбаевым, гарантируя ему полную неприкосновенность, если он отдаст «свои познания, энергию и личную инициативу на служение освобождению пролетариата от ига капитала и империализма». Овезбаев принял эти условия. 29 декабря 1919 года председатель Реввоенсовета Закаспийского фронта предписал ему сформировать новый Туркменский конный полк численностью 600 сабель¹⁸⁴.

Это задание С.Овезбаеву выполнить не удалось, ибо оно вскоре было перепоручено командиру эскадрона туркмен Хангельды Вопадар-оглы, перешедшему на сторону советских войск¹⁸⁵. Не известно, удалось ли кому-то из них сформировать новый конный полк из туркмен, документы об этом мне обнаружить не удалось.

Вскоре после освобождения Туркменистана от белогвардейцев и англичан Закаспийский областной ревком 14 января 1920 года назначил С.Овезбаева председателем уездно-городского ревкома Полторацка (Ашхабада). Но вскоре ему было выражено «политическое недоверие» и после того, как областной ревком объявил 15 бывшим националистическим лидерам амнистию и гарантировал их полную безопасность¹⁸⁶, С.Овезбаева освободили от занимаемой должности. Долгие годы он находился на положении изгоя. В 1932 году его арестовали за «старые грехи» и в 1937 году - расстреляли.

¹⁸² ГАРФ, ф.446, оп.2, д.56, л.154.

¹⁸³ ЦГА Узбекистана, ф.39, оп.1, д.306, л.226; ЦГАТ, СБ 168, л.72; ф.520, оп.2, д.2, л.14

¹⁸⁴ РГВА, ф.125; оп.1, д.303, л.211.

¹⁸⁵ ЦГАТ, ф.171, оп.1, д.5, л.54.

¹⁸⁶ Там же, ф.12, оп.2, д.2, л.15; д.5, л.50.

24 июля 1919 года после занятия Ашхабада советскими войсками Реввоенсовет для борьбы с «белогвардейскими партизанскими отрядами» постановил создать в каждом уезде - Ашхабадском, Тедженском и Мервском - особые отряды. В их состав должны были войти два эскадрона 1-го кавалерийского полка, кавалерийская сотня Ашхабадского конного туркменского отряда и Мервский туркменский отряд. Общее командование туркменами было поручено Кули Куртгельдыеву¹⁸⁷. Судя по белогвардейским военным сводкам, в горах Копетдага отряды К.Куртгельдыева и Кизыл-хана Сарыева - бывшего сподвижника Эзиз-хана, перешедшего затем на сторону Советов, не давали покоя отступающим белым частям¹⁸⁸. Но когда началась подготовка к решающему штурму Красноводска и Челекена (последних оплотов белогвардейско-националистических сил) и ожидался приезд на фронт В.В.Куйбышева, Куртгельдыев и Кизыл-хан куда-то исчезли. Мало кто знал, что в районе Бами советская контрразведка, опасаясь, «как бы чего не вышло», арестовала Кизыл-хана и людей из его близкого окружения. А К.Куртгельдыев, почувствовав недоверие к себе со стороны командования, счел за благо с частью отряда уйти в Иран. В 20-х - начале 30-х годов он активно боролся с советской властью¹⁸⁹.

После чекистского «расследования» в живых остались лишь Оразмухаммед Алты оглы и сам Кизыл-хан Сарыев, восьмерых их товарищей приговорили к высшей мере наказания за контрреволюционную деятельность в гражданскую войну и за продолжение «скрытой борьбы против советской власти». Среди расстрелянных были видные духовные деятели, пользовавшиеся авторитетом в народе. Своим умом, рассудительностью особенно выделялся Аки Аман оглы, которого Эзиз-хан посылал с дипломатической миссией в Иран, Турцию, на Кавказ и к англичанам¹⁹⁰.

¹⁸⁷ РГВА, ф.125, оп.1, д.124, л.24.

¹⁸⁸ Там же, ф.110, оп.3, д.842, л.52. Кули-арчин Куртгельды оглы - уроженец аула Херригала из текинского рода чельтек. По одним источникам, Кули-арчин был старшиной аула Кеши, по другим - аула Безмеин.

¹⁸⁹ Архив КНБТ, д.112978, т.I, л.359.

¹⁹⁰ Там же, д.101804, л.199. Отец Оразмухаммеда Алты оглы - Алты Сопи был расстрелян в числе восьмерых.

ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Этот рассказ Саткул Досмухаммедов услышал из уст старой женщины, приходившейся Джунаид-хану то ли родственницей, то ли женой. В 60-х годах его повезли к ней турткульские туркмены. Крупная, полная, с властным трубным голосом она уже плохо видела, но зато хорошо слышала и ясно мыслила. Описываемые ею события происходили в годы гражданской войны.

«Эзиз-хан с полусотней всадников ехал через Каракумы на встречу с Джунаид-ханом. Через каждые десять верст пути их встречала полусотня или сотня джунаидовских нукеров во главе с юзбаши или родовым вождем. В стане иомудского хана гостей ждал пышный прием. Три дня оба хана с глазу на глаз беседовали в восьмикрылой юрте. Эзиз-хан приехал с вестью, что скоро его люди доставят из-за рубежа оружие и боеприпасы. Всё это время Эзиз-хан не снимал с головы красивой шапки - сिल्кме тельпек, выделанной в Мерве. Хозяин часто заглядывался на нее, видно, уж больно она ему понравилась.

И вот настал день расставания. Стали прощаться. Джунаид-хан одарил гостя богатым хивинским халатом, а когда Эзиз-хан в ответ протянул ему бельгийский браунинг, тот попросил подарить шапку.

- Шапку могу отдать только с головой, - загадочно улыбнулся Эзиз-хан.
- По доброй же воле ты ее не получишь.

- А если я не выпущу тебя со своего двора? - в тон ему спросил Джунаид-хан. - Подари. Жалко, что ли? Сошьешь себе еще.

- В своем стане, может, ты ею и завладеешь, пожертвовав жизнями многих своих джигитов. Однако запомни, хан-ага, туркмен по своей воле не отдаст трех своих вещей: сапог, пояса и шапки. Сапоги отдать - значит себе дорогу перерезать, пояс - силы лишиться, ведь вся мощь правоверного не в руках, а в поясице, а шапку отдать - головы лишиться, то есть быть у тебя на поводу.

Джунаид-хану ответ Эзиз-хана пришелся по душе. Вождь иомудов просил шапку с умыслом. Если бы вождь текинцев уступил просьбе хозяина дома, то это означало бы никчемность Эзиз-хана, который лишь для красного словца сказал об ожидаемом из-за кордона оружии и отдал шапку, чтобы задобрить Джунаид-хана, успокоить его, и весь их уговор - одна пустая болтовня. Через несколько дней в Каракумах появился караван с оружием и боеприпасами»¹⁹¹.

¹⁹¹ Из воспоминаний Саткула Досмухаммедова, записанных автором 5 февраля 1964 г. в Турткуле.

§ I. ЭЗИЗ-ХАН – КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОЖДЬ, ВЫРАЗИТЕЛЬ ИНТЕРЕСОВ ТУРКМЕНСКОГО ДАЙХАНСТВА

Кто такой Эзиз-хан? Литература и кинематограф советского периода представляли его «врагом своего народа». Белые власти называли его «бандитом», «разбойником», а при советской власти набор ярлыков пополнился словами «националист» и «басмач». Правомерен вопрос: если Эзиз-хан действительно был врагом Советов, почему его расстреляли белогвардейцы?

Чтобы восстановить правду об Эзиз-хане, автору этих строк пришлось не только изучить документы в архивах в Москве, Баку, Ташкенте и Ашхабаде, но и встретиться с участниками революции и гражданской войны, записать их воспоминания. Особенно интересны архивные материалы Освага (осведомительного агентства) - деникинской контрразведки.

Отца Эзиза - Курбанмамеда Чапык Сердара знали в Ахале как предводителя *аламанов* (разбойников). Родом бахши-мириш из ахальского села Херрикгала. Чапыком (Сеченым) прозвали за шрамы на голове, полученные в схватке с персами. Отец троих сыновей - Салыха, Касымгулы и Эзиза. К имени последнего, младшего, обычно добавляли прозвище Готыр (Рябой) - за рябинки на лице, оставшиеся после случайного выстрела из *хырлы* пороховым зарядом. Они придавали лицу Эзиза свирепое выражение и являлись поводом для шутки: «Что за потомок Чапыка Сердара без клейма?!»

Сразу после завоевания русскими Геокдепе Чапык Сердар переехал в Теджен. В 1916 году власти объявили мобилизацию мужчин из числа коренного населения на тыловые работы в прифронтной полосе. В аулах бросали жребий кому идти. В Агалане, где жил Эзиз, призывали лишь простых дайхан, часто многосемейных. Эзиз заметил, что старшины и баи вместо себя нанимали бедняков. Он попытался вступить за обиженных, обратившись с жалобой к волостному управляющему в Теджене. Жалобщика арестовали. Но дайхане Агалана отстояли своего защитника и, провозгласив его своим сердаром (вождем), стали вооружаться, пленили волостного и толпой, пешком и на лошадях, двинулись на Теджен, где собирали мобилизованных на тыловые работы.

Навстречу бунтовщикам вышли депутации старейшин родов и аулов, уговаривая не восставать, а попросить «белого падишаха» отменить набор. Дайхане поддались на уговоры и разошлись. Вскоре начались аресты. Небольшая группа верных Эзизу людей, преследуемая карательным отрядом,

ушла за рубеж. Сам Эзиз был вынужден покинуть аул и стать аламанщиком (разбойником)¹⁹².

Известие о февральской революции застало Эзиза в Афганистане, где он впервые встретился с Джунаид-ханом. Бывший бунтовщик вернулся в Теджен, которым пытались управлять сразу две власти – Советы и вчерашние царские чиновники, ставшие комиссарами. В крае было неспокойно, резко возросла преступность. Эзиза на большом сходе населения Теджена упросили возглавить полусотню нукеров для борьбы с грабителями. С этого времени его стали называть «ханом». «Эзиз-хан из Теджена, - докладывал Е.Джунковский, - по настоящему не хан. Туркмены любят украшать себя не принадлежащими им титулами»¹⁹³.

Решительные, но справедливые действия Эзиз-хана принесли ему большую известность. Его отряд положил конец разбоям и грабежам, взял под контроль все мукомольные мельницы, стал отбирать у баев хлебные излишки и раздавать дайханам. Эзиз-хан объединил своих соплеменников, к нему потянулись люди, увидевшие в нем своего вождя, выразителя интересов дайханства. Эзиз был избран главой волостного туркменского исполкома, слившегося с тедженским Советом¹⁹⁴. Кизыл-хан Сарыев, боевой помощник Эзиза, принявший после его гибели командование тедженским отрядом, рассказывал, что сердар жил скромно, в небольшом доме, имел в хозяйстве 300 голов овец и 15 верблюдов¹⁹⁵. Его растущая слава вызывала зависть у вождей соперничающего племени тохтамыш, породила вражду и интриги, приведшие к непримиримой борьбе двух крупных родов.

Несмотря на это, Эзиз-хан продолжал борьбу и с бывшей русской администрацией, и с некоторыми видными туркменами, не признававшими власть тедженского правителя. Он убил известного в Сарахсе Менгли-хана, его сына Баба-хана, а чуть позже и второго сына - Бакы-хана¹⁹⁶. Правительство Закаспия закрывало глаза на бесчинства Эзиз-хана, заигрывало с ним, надеясь со временем поставить его под контроль. Несмотря на неграмотность и неопытность в деле управления, Эзиз-хан, от природы энергичный, талантливый человек, создал у себя «Совет министров», в который вошли девять его ближайших советников¹⁹⁷. Этот «Совет» санкционировал расстрелы иногда помимо воли Эзиз-хана.

¹⁹² Журнал «Туркменоведение», 1927, №2-3, с.19. Октябрьское восстание 1916 года в Тедженском уезде обстоятельно описано в статье академика М.Аннанепесова в журнале «Известия Академии наук Туркменистана», серия «Гуманитарные науки», 1992, №1, с.5-6.

¹⁹³ ГАРФ, ф. 446, оп.2, д.55, л.13.

¹⁹⁴ ЦГАПДТ, ф.51, оп.7, д.51, л.35; ЦГАТ, ф.316, оп.1, д.1, л.373.

¹⁹⁵ ЦГАПДТ, ф.П51, оп.16, д.686, л.12.

¹⁹⁶ Архив КНБТ, д.101804, л.21.

¹⁹⁷ Журнал «Туркменоведение», 1927, №2-3, с.20.

С восстановлением советской власти в Теджене областной Совет поручил Ханджаеву Ага Дяли формирование красногвардейского отряда, в который записывались как сторонники, так и враги Советов. Образование нового, отдельного от эзизхановского, отряда разожгло взаимное соперничество двух предводителей. Тем более, тохтамьшцы во главе с Ага Дяли убили в бою брата Улуг-бая - влиятельного советника Эзиз-хана. В ответ от руки Сахеди Кадыка - родственника убитого - погибло немало тохтамьшцев¹⁹⁸.

«Популярность Эзиз-хана заметно возростала, - показывал на следствии в 1930 году Реджепдурды Гуванч, онбаши отряда Ага Дяли. - Его отряд, поддерживаемый не только старейшинами, баями, муллами, но и дайханством, заметно увеличился. Многие красногвардейцы дезертировали, перешли к Эзиз-хану, нас становилось все меньше и меньше»¹⁹⁹.

Часть Тедженского отряда, вооруженная Советами, отправилась в Ташкент для охраны туркестанского правительства, другая – ушла на фронт, где шли бои с белоказачьими войсками Дутова. На фронте эзизхановцы встретились с жлобинским отрядом, который в 1917 году в Быхове пытался арестовать мятежного генерала Корнилова, но этому помешал текинский конный полк, охранявший ставку Верховного главнокомандующего русской армии. Когда жлобинцы увидели джигитов, внешне похожих на охрану Корнилова, они потребовали их разоружения. Анархически настроенные красногвардейцы убили командира туркменских всадников Степанова, а отряд разоружили. 13 июля 1918 года ЦИК Туркестанской республики вместо того, что строго осудить произвол, разоружил и свою охрану из туркменских джигитов.

За день-два до этого в Ашхабаде и Кизыл-Арвате вспыхнул мятеж, свергший Советы. 16 июля национальные лидеры предложили Эзиз-хану примкнуть к восставшим, обещая, что он будет признан ханом. И Эзиз-хан с 1000 джигитов, из которых половина конных, прибыл в Мерв, занятый белыми войсками²⁰⁰.

Новое правительство надеялось превратить Эзиз-хана в исполнителя своей воли. Но он с первого же дня ничьих приказов и распоряжений не выполнял или саботировал их, оставался самим собой – своенравным и непокорным.

¹⁹⁸ Архив КНБТ, д.101804, л.137.

¹⁹⁹ Там же, л.44-45.

²⁰⁰ ЦГАТ, ф.171, оп.1, д.70а, л.16. Кизыл-хан Сарыев приводит другие данные: у Эзиз-хана насчитывалось 800 конников и 1100 пехотинцев, вооруженных стрелковым оружием, несколькими пушками и двумя станковыми пулеметами (ЦГАПДТ, ф.П51, оп.16, д.686, л.1). История с разоружением отряда обстоятельно, но несколько односторонне описана в моей монографии «Большевистское подполье Закаспия» (с.141-163).

Вскоре произошел конфликт. Ораз Сердар намеревался отобрать у тедженцев хлеб. Эзиз-хан был непреклонен: урожай принадлежит тем, кто его выращивал. Конфликт перерос в личную неприязнь, затем во вражду. Как говорят туркмены, две головы в одном казане не сварятся. Командующий войсками упрекал Эзиз-хана в бездеятельности: его джигиты не проявляли рвения в службе, уклонялись от участия в боевых операциях. «Отряд Эзиз-хана, - говорилось в донесении белогвардейскому командованию, - делал глубокие обходы, производил разведку, но вся эта работа была очень слаба и непроизводительна»²⁰¹.

В августе 1918 года, когда англичане вступили в бой с советскими войсками у Байрам-Али, Эзиз-хан с отрядом ушел в Агалан, избранный им ставкой, где хранились запасы пшеницы. Не питая доверия ни к одной из сторон, он решил не пускать в родной Агалан ни белых, ни красных, ни англичан.

Эзиз-хан не предпринимал боевых действий ни против красных, ни против белых, если не считать отражения попытки советского командования выбить эзизхановцев из Агалана. Тедженские джигиты дали бой наступавшим на село двум красным отрядам, и они отступили с потерями. Судя по всему, Эзиз-хан, оказавшись в «нейтральной зоне», выжидал, чья возьмет, но это не мешало ему проводить независимую политику. В сообщении советской разведки говорилось, что хан недоверчиво относится к англичанам и белым (ашхабадскому правительству)²⁰². А белогвардейская контрразведка докладывала Деникину: «Отзыв Эзиз-ханом своих частей с фронта и агитация против европейцев среди местного населения заставили... усилить за ним наблюдение. Эзиз-хан совершенно не признает существующую власть и, опираясь на духовенство и Джунаид-хана, строит планы создания самостоятельного ханства»²⁰³.

Этого не скрывал и сам Эзиз-хан, который, опираясь на своих единомышленников Улугбая Кизыла, Сахеди Кадык, Алты Сопы, Теджена Агсак, Курбаната-бая, Аллаберды-бая и других, продолжал набирать в свой отряд нукеров, из числа советников образовал «Совет министров», арестовал многих своих врагов, одних - казнил, за других установил выкуп. Белогвардейское правительство встревожил запрет хана на вывоз хлеба из Тедженского оазиса - основной житницы Закаспия. Этот акт «самовольства» обсуждался на заседании Совета управляющих области, предложившего командующему фронтом принять меры, чтобы отменить распоряжение Эзиз-хана. Последний, несмотря на раздраженные выступления ашхабадской

²⁰¹ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.55, л.13.

²⁰² РГВА, ф.110, оп.23, д.609, л.262.

²⁰³ ЦГАТ, СБ43, л.225.

печати и грозные распоряжения правительства, запрет на вывоз хлеба из оазиса не отменил, разрешив продавать его лишь в обмен на продукты, необходимые хлеборобам. Таким образом, Эзиз-хан проявлял заботу о тедженцах и по-своему отстаивал их права.

В ноябре 1918 года комендант г.Каахка реквизировал у тедженских дайхан 18 верблюжьих вьюков саксаула, предложив за вьюк по пятьдесят рублей. Саксаульники, зная цену «деревянными» рублям, от платы отказались и пожаловались в Теджене своему правителю. Эзиз-хан, надеясь восстановить справедливость, послал должностному лицу телеграмму: «...Предлагаю удовлетворить хозяев дров, уплатив назначенную ими сумму. В противном случае и ваши понесут беспощадные насилия с моей стороны»²⁰⁴.

Комитет общественного спасения, обеспокоенный политикой Эзиз-хана, в январе 1919 года командировал следователя Скороцкого в Теджен «для производства предварительного следствия по обвинению Эзиза Чапыкова»²⁰⁵. Управляющий серахской почтовой конторой доносил в Ашхабад: «Ставленник Эзиз-хана, туркмен Байрам-хан потребовал сдать ему таможенню, деньги и казенное имущество, подобные требования предъявлены и лесной страже. Он также объявил, что в Серахсе устанавливается власть Эзиз-хана и все русские государственные учреждения ликвидируются, а служащие увольняются... По совету штаба обратился за содействием к английскому полковнику Батину, находящемуся в персидском Серахсе»²⁰⁶.

Эзиз-хан занимался хозяйственными делами, готовился к севу, решал вопросы ремонта плотин и водосбросов, от исправности которых зависела судьба будущего урожая. Белогвардейский печатный орган, настроивая против Эзиз-хана русскоязычное население, писал будто по воле «властителя Чапыкова» плантаторы теперь не смогут провести сев, ибо «лицам русской и армянской национальностей» запрещено свободное передвижение, они не вправе появляться на одну версту ниже железнодорожного моста через реку Теджен. Газета отмечала, что в Серахс «для борьбы с чапыковскими властителями» направлялась карательная экспедиция, которая навела там порядок²⁰⁷.

Эзиз-хан, не признавая стоявшую над собою власть, любыми путями стремился утвердить свое независимое правление над Тедженским, Мервским и другими соседними оазисами. Борьбу с ним как явную, так и тайную вели и англичане, и ашхабадское правительство, и деникинское командование. Пытаясь оградить население от «тлетворного» влияния Эзиз-хана, они

²⁰⁴ ЦГАТ, ф.38, оп.1, д.26, л.271.

²⁰⁵ Там же, ф.486, оп.1, д.211, л.1.

²⁰⁶ ГАРФ, ф.449, д.10, л.362-364; ЦГАТ, СБ46, л.178.

²⁰⁷ Газета «Голос Средней Азии», 1919, 22 января, 11 февраля.

одновременно вооружали тедженский отряд, питая надежду обратить его против Советов.

По свидетельству современников, Эзиз-хан был суров, не допускал полумер, в отряде поддерживал строгую дисциплину и всякое ее нарушение, особенно неподчинение или продажу оружия, карал расстрелом²⁰⁸.

Своеволие тедженского правителя крайне раздражало белое командование. Беспokoил и кризис с хлебом. Новый командующий генерал Лазарев, сменивший Ораз Сердара, предписывал подчиненным: «Двигайте части в Теджен. Займите Агалан.... Организуйте подвоз продовольствия из Агалана»²⁰⁹.

В начале 1919 года на политическом небосклоне Туркестана появляется германо-турецкая миссия во главе с профессором Мухаммедом Барикатуллою и турецким капитаном М.Казимбеем. Делегация, наметившая широкую программу борьбы с англичанами, совершила поездку в Хиву, Бухару, Ташкент, Москву и Афганистан²¹⁰.

Большевики, неуверенно чувствовавшие себя в Средней Азии, не преминули использовать миссию в посредничестве между Советами, Хивой и вождями туркменских племен. Тем более, что делегация сама выразила готовность с помощью советского командования, а также Джунаид-хана и Эзиз-хана создать из хивинцев, туркмен и белуджей новые формирования. В январе 1919 года из Бухары миссия отправила обоим туркменским сердарам письма, советуя им вступить в переговоры с Советами. Эзиз-хан не замедлил послать советскому командованию своих курьеров, а затем и делегацию с сообщением, что согласен принять совет германо-турецкой миссии и обговорить условия перехода на сторону красных²¹¹.

Хотя поездка представителей Эзиз-хана хранилась в строгой тайне, деникинский Осваг получил информацию и принял меры, чтобы заманить «разбойника» в западню и покончить с ним раз и навсегда.

Эзиз-хан был схвачен и осужден за «бандитизм» белогвардейским судом в Красноводске. Процесс продолжался восемь дней. Примечательно, что свидетель Гаврилов заявил на суде, что если власти считали Эзиз-хана «бандитом, то мы, рабочие, видели в нем партизана». Четверо подсудимых были приговорены к смертной казни. После вынесения приговора по приказу коменданта Красноводска капитана-контрразведчика В.И.Зимницкого, бывшего учителя местной школы, командир туркменской сотни поручик А.И.Якухин подал паровоз и вагон, в котором осужденных вывезли за город.

²⁰⁸ Журнал «Туркменоведение», 1927, №2-3, с. 19.

²⁰⁹ РГВА, ф.125, оп.1, д.157, л.80.

²¹⁰ ЦГАТ, СБ50, л.140.

²¹¹ ЦГАТ, СБ51, л.198-201, л.151-153; РГВА, ф.125, оп.1, д.130, л.125; д.22, л.247.

Расстрел был произведен 9 мая 1919 года на 16-17 километре от города. При исполнении приговора присутствовал татарский мулла Нурмухаммед Ахун. На вопрос солдат-татар «Можем ли мы, мусульмане, расстреливать своих беззащитных единоверцев?», Ахун ответил: «Вы - солдаты и приказ обязаны исполнять... Но стреляйте так, чтобы ваши пули не попали». В результате в Эзиз-хана попала лишь одна пуля²¹². Еще пятеро сторонников Эзиз-хана были приговорены к различным срокам заключения и помещены на плавучую баржу, находившуюся в море в 5-6 километрах от порта²¹³.

«Вина» Эзиз-хана заключалась в том, что, выступая против чужеземцев, он сам хотел управлять родным краем, служить своему народу, который признавал его достойным человеком и *сердаром* (вождем). Эзиз-хан был детищем эпохи, со всеми ее сложностями и противоречиями, пороками и достоинствами...

§ 2. ЗАРОЖДЕНИЕ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

В декабре 1917 года многие города и села Туркестана праздновали день рождения пророка Мухаммеда. Этот религиозный праздник совпал с другим событием: кокандское правительство, избранное краевыми мусульманскими съездами, объявило о независимости Кокандской автономии и потребовало ее официального признания. В поддержку этого решения прошли многотысячные демонстрации, в которых приняли участие и представители туркменской интеллигенции – Х.Сахатмурадов, братья Какаджан и Бекки Бердыевы, К.Бориев и др.²¹⁴. В ответ Советы бросили на Коканд свои вооруженные формирования, развязав гражданскую войну в Средней Азии.

Участник этих событий Д.Е.Киновалов вспоминал: «В подавлении «Автономного движения в Коканде» порой принимали участие случайные, хулиганские и прямо преступные элементы, которые хотели на этом погреть руки у чужого добра»²¹⁵.

О беззакониях, творимых красными войсками, свидетельствуют и архивные документы. Так, в телефонном разговоре двух высших советских чиновников, происшедшем вскоре после разгона кокандских автономистов, руководитель Кокандского Совета, докладывая военному комиссару К.П.Осипову о расширении зоны действия «разбойничьих банд» Иргаша и

²¹² ЦГАТ, ф.П51, оп.16, д.131, л.49-51; Архив КНБТ, д.113768, т.1, л.14-15.

²¹³ Архив КНБТ, д.113768, т.П, л.368-369.

²¹⁴ Там же, д.П48577, т.8, л.8.

²¹⁵ Цит. по: Ю.Папоров. Белое солнце пустыни. – Журнал «Юность», 1990, №1, с.80.

Мадамина, жалуется среди прочего на то, что краевая власть продолжает присылать отряды, которые засорены преступными элементами и «кроме вреда ничего не принесли». Анархически настроенные красноармейцы грабили и терроризировали местных жителей, проявляя к ним необычайную жестокость. Например, присланный из Ташкента начальник отряда ограбил ехавших в поезде сартов, за что был осужден и расстрелян. Кокандский облсовет решил не посылать отряды в кишлаки, так как участились случаи недостойного поведения и дезертирства красноармейцев, перехода их на сторону «разбойников»²¹⁶.

Вооруженные столкновения в Коканде в 1918 году рассматриваются историками как начало басмаческого движения.

Советская историческая наука определяла басмачество как «разновидность военно-политического бандитизма, определенную форму вооруженной классовой борьбы свергнутых эксплуататоров против власти трудового народа». Однако, на наш взгляд, «басмаческое» движение - это противоречивый процесс, являющийся ответной реакцией на большевистское насилие. Вместо термина «басмачество», происходящего от тюркского слова «басмак» (давить, притеснять), правильнее использовать термин «повстанчество», являющееся одной из форм сопротивления народных масс против тоталитаризма и породившей его советской власти.

«Басмачи» - это защитники народа. Повстанческие отряды и группы 20-30-х годов включали главным образом дайхан, скотоводов, среди которых было немало бедняков и середняков, возглавляемых родовыми вождями, крупными феодалами и духовными деятелями. К этому движению в ряде случаев присоединялись разбойничьи шайки и мародеры, пытавшиеся использовать сложившуюся ситуацию в своих целях.

Большевики, как уже отмечалось, чинили препятствия вхождению в состав Закаспийского Совнаркома лиц коренной национальности, что порождало антисоветские настроения, являлось причиной ухода многих в так называемые басмаческие отряды. К этому времени Туркестанское правительство разогнало городские думы во многих городах Средней Азии, в том числе в Ташкенте и Асхабаде²¹⁷, создало на местах ЧК, начавшие массовые аресты, провозгласило отделение церкви от государства и школы от церкви, распустило национальные судебные органы - суды казиев и общинные суды по адату²¹⁸. Эти мероприятия наглядно показали, что лозунги большевиков в области национальной политики расходятся с конкретными

²¹⁶ РЦХИДНИ, ф.122, оп.1, д.29, л.22-23.

²¹⁷ Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Туркменистане. Сборник документов, с.192,197.

²¹⁸ История коммунистических организаций Средней Азии, с.220.

делами. Широкие массы мусульман отвернулись от Советов, многие из нихполнили ряды повстанцев.

Ранее автор уже описывал анархистские действия руководителя СНК Туркестана Ф.И.Колесова и чрезвычайного комиссара Закаспия А.И.Фролова, учинившего в Кизыл-Арвате кровавую расправу²¹⁹, которые спровоцировали в Туркменистане восстание, охватившее такие крупные города как Асхабад, Мерв, Кизыл-Арват, Красноводск. Железнодорожники, эсеры, лидеры национальной буржуазии, за которой пошла значительная часть туркменского дайханства, выступили под лозунгами: «Долой народных комиссаров!», «Долой рабочую власть, долой завоеванные ими свободы!», «Долой Совет», «Долой германо-большевиков!». Эти и другие призывы, к примеру, созвать Всетуркестанское, а затем и Всероссийское учредительное собрание на основе «всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, без различия национальностей и классов»²²⁰, красноречиво свидетельствуют о том, что восстание носило антибольшевистский, антисоветский характер.

Возникновению повстанческого движения в немалой степени способствовало «бесшабашное господство колонизаторов в образе коммунистов», как говорилось в постановлении Туркестанской комиссии ЦК РКП, обсуждавшей деятельность Краевого Комитета, избранного на IV партийном съезде. Этот документ, декларирующий «уничтожение остатков господства европейцев над коренным населением и недоверия мусульман к Компартии», одновременно выдвинул обвинения в адрес Крайкома во главе с Т.Рыскуловым, ратовавшим за создание Тюркской республики со своей экономической политикой, мусульманской армией, национальной школой и т.д.²²¹

Национальные лидеры Туркестана²²² в то время считали, что Советская Россия призванная помочь трудящимся Востока освободиться от ига иноземного капитала, должна поддерживать национально-освободительное движение, возглавляемое буржуазно-националистическими силами. Призывая отстранить от власти европейцев-колонизаторов, коммунисты-националы предлагали ликвидировать остатки колониальных отношений

²¹⁹ Участник революционных событий в Закаспии большевик Андроник Мелькумов с горечью характеризует А.Фролова как безнравственного человека, пребывавшего в беспробудном пьянстве (Материалы революционного движения в Туркмении. 1904-1919 гг., с.109-115). Чудовищную картину противоправных действий отряда и самого Фролова описал в своих воспоминаниях Фердинанд Оберзаубер, один из бойцов фроловского отряда (ЦГАТ, ф.520, оп.1, д.3, л.1-5).

²²⁰ Газета «Трудовая мысль», 1918, 20 июля; Газета «Советский Туркестан», 1918, 23 июля; А.Мелькумов. Материалы революционного движения в Туркмении. 1904-1919 гг., с.109.118.

²²¹ РЦХИДНИ, ф.122, оп.1, д.15, л.1-4.

²²² Организация коммунистов-националов, объединенная в Мусульманское бюро, функционировала независимо от коммунистической организации, состоявшей из европейцев.

между Туркестаном и Россией и всю власть в крае передать в руки представителей коренного населения. Эти меры с точки зрения националистов «приведут к полному национальному освобождению», а в дальнейшем трудящиеся массы «осознают свои интересы и будут бороться со своей буржуазией, с которой они пока идут вместе»²²³.

В программе Т.Рыскулова, изложенной выше, Москва усмотрела раскольнические намерения, направленные на подрыв единства партии, покушение на устои советской власти, поэтому не замедлила с ответными мерами. В Туркестан были командированы М.В.Фрунзе, В.В.Куйбышев, Ф.И.Голощекин, П.А.Кобозев и другие большевики с дореволюционным стажем. 19 июля 1920 г. Турккомиссия распустила крайком и вместо него организовала Временный ЦИК Компартии Туркестана в новом составе. Председателем комиссии ВЦИК по делам Туркестана стал Г.Сокольников. 10 сентября на заседании Турккомиссии был заслушан доклад В.Куйбышева, который без обиняков заявил, что Центр решил «активно вмешаться во внутреннюю жизнь Туркестана» и создать Совнарком под председательством Я.Э.Рудзутака, члена Турккомиссии, который вскоре станет и ее председателем, а также возглавит Туркбюро ЦК РКП/б/. Докладчик, излагая меры, принятые «по борьбе с колонизаторским засильем внутри партийной организации», не забыл также призвать «реорганизовать советские учреждения, изъять вредные элементы из их среды»²²⁴. Со временем эти «вредные элементы», представляющие коренное население, пополнят ряды повстанцев.

Хотя формы и методы проведения политики военного коммунизма в Закаспийской области были иными, чем в России, хлебная монополия, провозглашенная декретом ЦИК Туркеспублики 4 июня 1919 года, все же осуществлялась и потерпела провал. Продразверстка, введенная в Туркменистане с июня 1920 года, вызвала глубокое недовольство дайхан и снизила заинтересованность в развитии сельскохозяйственного производства. Недовольство трудящихся продразверсткой отмечали в феврале 1921 года многие делегаты краевой конференции Компартии Туркестана. Часть дайхан, выражая свой протест, откочевывала в пески, пополнив ряды участников антисоветского повстанческого движения. Последнее было особенно активным в Мервском и Тедженском уездах²²⁵. Примечательно, что в документе «Требование туркестанских коммунистов», изъятom в 1921 году у басмачей, выдвигались такие требования как созыв «свободного» съезда

²²³ РЦХИДНИ, ф.122, оп.1, д.15, л.1-4.

²²⁴ Там же, д.10, л.83; д.2, л.90; Туркменская ССР. Ашхабад, 1964, с.156,570.

²²⁵ История сельского хозяйства и дайханства Советского Туркменистана, кн. I., с.91-92.

Советов без участия коммунистов, легальное существование некоммунистических партий, свобода торговли и т.д.²²⁶

Советская власть провела в 1920-1922 годах земельно-водную реформу, в ходе которой были конфискованы земли ханов, баев, родовых вождей, религиозных деятелей. Эта кампания, проведенная в условиях экономического развала без учета психологии туркменского дайханина, оттолкнула от Советов наиболее влиятельные слои туркменского аула, которые и возглавили повстанческое движение. Даже в изданной в советское время монографии А.А.Рослякова признается, что «в первой половине 20-х годов басмачество получило поддержку или по крайней мере сочувствие части дехканства, чем и объяснялся его размах»²²⁷.

Осенью 1920 года большевистские лидеры, почувствовав серьезные сбои в политике советской власти в Туркестане, забили тревогу. 30 сентября на станции Скобелево состоялось специальное заседание Турккомиссии ВЦИК с участием полномочного представителя ВЧК, представителей Ферганского областного комитета партии и других советских, хозяйственных и военных организаций области и края, обсудившее меры продовольственной политики и состояние борьбы с басмачеством. Ознакомившись с продовольственным положением в Фергане, Турккомиссия признала, что продовольственные органы проводили политику, совершенно несоответствующую политическому положению в области, в частности запретили базары – «мера, по существу, отдающая целые области в руки басмачей», продолжали «сбор 10 процентов маты, дающий мизерные результаты, но политически чрезвычайно вредный». Было решено пересмотреть вопросы трудовой повинности, а также мясной повинности - в плане сокращения мясной разверстки²²⁸.

В повестке дня заседания Турккомиссии особо выделили борьбу с «басмачеством». Басмачей, захваченных с оружием в руках, рекомендовалось уничтожать, добровольно же сдавшихся (за исключением особо злостных), а также баев, активно поддерживавших басмаческое движение - немедленно высылать. В решении Турккомиссии было записано, что в борьбе с басмачеством не следует допускать уничтожения или сожжения целых кишлаков и аулов, расстрела заложников, массовых репрессий со стороны воинских отрядов по отношению к местному населению²²⁹. Но на практике все эти предписания зачастую нарушались.

²²⁶ Там же, с.92.

²²⁷ А.А.Росляков. Средазбюро ЦК ВКП/б/. Вопросы стратегии и тактики, с.22.

²²⁸ РЦХИДНИ, ф.122, оп.1, д.16, л.13.

²²⁹ Там же, л.14.

На историю возникновения повстанчества проливают свет материалы IV пленума ТуркЦИКа, состоявшегося 18 июля 1922 года, на котором с докладом выступил Г.С.Атабаев.

«В 1919-1920-х годах в Фергане существовал уже не бандитизм, не басмачество, - отмечал докладчик, - а определенное народное восстание. В течение четырех лет мы даже не могли правильно уяснить характер этого движения, называя его басмачеством, в то время когда это было восстание... Неправильное определение привело нас к неправильному подходу в разрешении вопроса»²³⁰.

Одну из основных причин восстания, вспыхнувшего в Туркестане, Атабаев видел в том, что большевиками были закрыты мечети и медресе, арестованы многие муллы, кази и улемы, а борьба с религиозными предрассудками выразилась, например, в том, что священный для мусульман Коран был сожжен представителями советской власти в Маргилане. Соборная мечеть «Джами» в Андижане была превращена в казармы мусульманских советских отрядов, где бойцы предавались мужеложству с мальчиками. Красноармейские отряды нападали на мечети, бросали бомбы в молящихся ишанов и улемов, с целью наживы расстреливали местных торговцев, грабили их дома, лавки, имущество...

Г.С.Атабаев не скрывает, что крупные кишлаки, «пораженные басмачеством», уничтожались беспощадно, вследствие чего население оказывало советской власти нарастающее сопротивление. Не помогла и переброска в Фергану до 30 тысяч войск, и размещение во всех крупных кишлаках красноармейских гарнизонов, которые позже пришлось вывести.

Советское командование, занимая жесткую позицию, неохотно шло на переговоры и компромиссы с повстанческими деятелями, не всегда выполняло даже указания партийных и советских органов. Так, сдавшегося с 40 джигитами влиятельного курбаши Байтумана, несмотря на объявленную амнистию, арестовали и заключили в тюрьму, а вторую группу курбашей, сагитированных самими же большевиками, по приказу командующего Ферганской группой войск Зиновьева расстреляли. Однако после издания ТуркЦИК ряда декретов, восстанавливающих суд казиев, возвращающих вакуфы, открывающих медресе и мектебы, часть духовенства стала постепенно отходить от басмачества. Свою роль сыграл и декрет, амнистирующий сдавшихся курбашей и их джигитов, гарантирующий им личную безопасность и неприкосновенность имущества.

Под влиянием этих мер между населением и басмачами возник раскол, в некоторых районах жители даже учинили самосуд над басмачами,

²³⁰ См.: Журнал «Юность», 1990, №1, с.80-85; №9, с.84.

уничтожив их отряды. Но политика советской власти была непоследовательной. Так, аулы и кишлаки, выступившие против басмачей, требовали у властей оружие для самозащиты, но военное командование, опасаясь, что оружие попадет в руки противника, отказало им в этом. Местные жители, почувствовав недоверие к себе, во многих случаях вновь приняли сторону басмачей.

Разочарование населения Советами было связано с невыполнением ими собственных декретов и распоряжений о раскрепощении рынков, сельскохозяйственного и кустарного производств, о медресе, о заложниках, о принятии бывших «басмачей» в ряды Красной Армии и т.д. Военные отряды во главе с командирами-европейцами, как признавалось в докладе Г.С.Атабаева, являвшегося помимо прочего председателем Чрезвычайной комиссии по борьбе с басмачеством в Туркестане, постоянно чинили самоуправство. Докладчик приводил вопиющие факты изуверств, к которым прибегали советские войска, а также русские переселенцы. Так, командующий Ферганским фронтом Коновалов приказал расстреливать всех встречных узбеков, опасаясь, что они могут передать басмачам сведения о продвижении его отряда. У села Базар-Курган отряд Коновалова выдержал небольшую стычку с басмачами. Возвращаясь в Фергану, командир предложил русским крестьянам соседнего с Базар-Курганом села Никольского очистить узбекский кишлак от басмачей. «В течение 23 дней крестьяне Никольского села «очищают» Базар-Курган, и «очищение» сводится к тому, что сперва «только» грабят, а потом расстреливают население, мужчин за то, что они сочувствуют басмачам, детей за то, что они в будущем могут стать басмачами. Три раза крестьяне села Никольского объявляли о том, что они в дальнейшем прекратят расстрелы и грабежи, чтобы местные жители, которые разбежались из кишлака, возвратились, и, когда последние возвращались, крестьяне снова нападали и истребляли их. В третий раз, когда крестьяне объявили, что они теперь ничего не имеют против кишлачных жителей, так как всех басмачей здесь уже ликвидировали, они предлагают населению возвратиться и убрать трупы, чтобы их похоронить. Когда возвратившееся население хоронило убитых, находясь на кладбище для исполнения похоронных обрядов, крестьяне и тут напали на них и залпами уничтожили последних»²³¹.

²³¹ Журнал «Юность», 1990, №9, с.84.

§ 3. ЛИДЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ И ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРКМЕНИСТАНЕ

Как уже отмечалось, так называемое «басмачество» возникло в ответ на действия тех, кто, прикрываясь лозунгами революции, беспощадно расправлялся с «туземцами». По сути это была ответная реакция коренного населения на действия властолюбивых пришельцев. В этой борьбе из туркменской среды выдвинулись неординарные личности, отличавшиеся незаурядным умом, мужеством, способные повести за собой не только свой род или племя, но и всех тех, кто не хотел мириться с засильем чужеземцев.

Колоритную фигуру представлял собой Ходжакули-хан Язкули оглы. Вспоминая о нем, Н.Н.Иомудский не скрывает своих симпатий к этому молодому тедженскому мулле, с которым впервые встретился в марте 1917 года на областном Туркменском съезде. Сдержанный, несколько сумрачный, фанатично религиозный он подал съезду протест против преподавания арабской письменности по новому звуковому методу (усулы джадид) и стал в оппозицию к тогдашнему национально-революционному движению. Эрудированный, знающий арабскую религиозную литературу Ходжакули-хан произвел на участников съезда сильное впечатление, завоевал немало сторонников и последователей. Все, кто знал его, были немало удивлены, когда в конце 1918 года после падения советской власти в Закаспии он встал во главе военного отряда туркмен численностью в человек в сто, который влился в состав деникинских войск²³².

В октябре 1918 года Ходжакули-хан в качестве полномочного представителя Закаспийского правительства прибыл к Джунаид-хану, которому привез три тысячи винтовок и много патронов. Он также передал хивинскому правителю заверения Асхабадского правительства о признании Джунаид-хана после освобождения Туркестана от большевиков единственным ханом Хорезма, под управление которого будет отдана также территория Амударьинского отдела (то есть Каракалпакстан).

Приезд Ходжакули-хана подвигнул Джунаид-хана напасть на Нукус и другие крупные и малые населенные пункты правобережья Амударьи, осадить Турткуль, где стоял гарнизон советских войск. В решающем сражении, когда в тылу нападавших неожиданно появились превосходящие силы противника, хивинский хан растерялся и решил бежать вместе со своим штабом. Хотя Ходжакули-хан не потерял присутствия духа, призывал Джунаид-хана не впадать в панику, остановить бегущих нукеров своим личным примером и организовать отпор советским войскам, хан не внял

²³² Журнал «Туркменоведение», 1927, №2-3, с.19.

просьбам Ходжакули-хана и отступил со своими джигитами в пески. Только в этом бою повстанцы потеряли убитыми и потонувшими в Амударье свыше 1600 человек²³³.

После изгнания белогвардейцев из Закаспия Ходжакули-хан недолго сотрудничал и с советской властью. Организовав свой отряд, он ушел в пески к северу от Казанджика, а затем действовал в Тедженском оазисе, перемещаясь в сторону Иолотани и Мары. К этому времени относятся распространенные им прокламации на туркменском и русском языках. В них он объявлял о цели своего выступления: свержение советской власти, освобождение края от присутствия русских, автономия Туркестана, чтобы затем объединить туркмен Закаспия в единое Туранское государство с такими странами как Афганистан, Персия, Бухара, Хорезм. Ходжакули также призывал население не подчиняться советской власти, не выполнять ее декреты и распоряжения, не платить продовольственный налог, изгонять из Туркменистана или уничтожать евреев и коммунистов²³⁴.

По свидетельству Н.Н.Иомудского, приблизительно в 1923 году в столкновении с красноармейским отрядом Ходжакули-хан был убит, а его отряд рассеян²³⁵. Это, однако, не совсем точно. Отряд Ходжакули-хана не распался, его возглавил ближайший помощник погибшего сердара Аманкули Аманбердыев. Вскоре чекисты заслали провокаторов, спровоцировавших в отряде кровавое столкновение, в ходе которого были убиты Аннакули, родной брат Ходжакули-хана и отдельные его единомышленники. Судя по архивным данным, отряд Ходжакули-хана, действовавший в 1921-1922 годах в Тедженском уезде, был одним из первых, с которым столкнулись работники ЧК Туркменской области. В августе-сентябре 1922 года отряд в бою с чекистами понес ощутимые потери. Самого Ходжакули тяжело ранили, и он был вынужден со своими джигитами скрыться за границей²³⁶.

Документальные материалы о Ходжакули-хане крайне скупы. Но немало историй об этом легендарном человеке сохранилось в памяти народа.

С приходом советской власти, рассказывал мне старый мерген Непесага Оре, ходивший у Эзиз-хана в качестве онбаши²³⁷, Ходжакули-хана как человека грамотного и авторитетного избрали председателем Тедженского уездного Совета. Но долго поработать ему не дали, вскоре арестовали «за связь с басмачами». Ходжакули-хану удалось бежать, собрать вокруг себя

²³³ Г.Непесов. Из истории Хорезмской Революции, с.111,122; А.Зевелев, Ю.Поляков, А.Чугунов. Басмачество: возникновение, сущность, крах, с. 42.

²³⁴ И.Г.Иванченко. Разгром басмачества в Туркменистане, с.232-233.

²³⁵ Журнал «Туркменоведение», 1927, №2-3, с.19.

²³⁶ ЦГАТ, ф.8, оп. 3, д.46, л.48.

²³⁷ Из воспоминаний Непесага Оре, записанных мною в 1964 г., в поселке Тедженстрой-II.

родичей и единомышленников. В ту пору в урочище Гангалы находилась погранзастава, оружием которой он задумал вооружить своих людей. Поскольку открыто напасть на заставу было рискованно, Ходжакули-хан пошел на хитрость, дождался жаркого дня, когда пограничники вышли на реку купать коней. Ему ничего не стоило окружить полуголых бойцов, а двух постовых обезоружить. Ходжакули-хан никого убивать не стал, лишь забрал все оружие и боеприпасы заставы и скрылся. Погиб он случайно. После боя, в котором потерпел поражение красноармейский отряд, Ходжакули-хан вместе со своими джигитами собирал в поле брошенное оружие. И здесь его настигла пуля раненного краскома, принятого в горячке схватки за убитого.

Рассказ старого охотника дополнил писатель Сапаргельды Аннасахатов, чей отец Аннасахат-ага Инер оглы был сподвижником Ходжакули-хана²³⁸. Отец Ходжакули-хана - Язкули-ага принадлежал к роду дяли из села Кеши, а мать – к известному текинскому роду аманша. До революции Язкули-ага вместе с одним русским, прозванным тедженцами за долговязость «Узун орус», владел мельницей. Большевики, по достоинству оценив эрудицию и образованность Ходжакули-хана, выдвинули его руководителем Тедженского Совета, а его старшего брата Кули-хана²³⁹ назначили на пост начальника уездной милиции. Через некоторое время наиболее рьяные большевистские деятели вспомнили, что Ходжакули из богатой семьи, сам был муллой, назывался «ханом», являлся сподвижником Джунаид-хана, с оружием в руках воевал против Советов, пять раз в день совершает намаз... Его сняли с работы и арестовали. Аннакули же схватить не успели, он со своим другом Дервишем собрал единомышленников и силой освободил Ходжакули-хана из-под ареста.

За братьями-бунтарями и бесстрашным Дервишем подались многие, главным образом обиженные или недовольные политикой Советов по отношению к дайханству. Уходя в пески, Ходжакули-хан заявил: «Я и мои нукеры будут воевать не с народом, а с большевистским правительством, объявившим войну туркменам и их вере». Его отряд прославился неустрашимостью, о нем с высокой похвалой отзывался Джунаид-хан, знавший Ходжакули-хана не понаслышке. Чекисты устроили на его джигитов настоящую охоту, засылали к ним провокаторов, суля за голову Ходжакули-хана большую награду.

После гибели своего предводителя Аннакули и Дервиш переправили его семью в Афганистан, и сами поселились там небольшим аулом с оставшимися в живых нукерами. Но спокойно жить им не дали. Вскоре в их

²³⁸ Воспоминание хранится в рукописном фонде Института истории им.Ш.Батырова Академии наук Туркменистана и в личном архиве писателя Сапаргельды Аннасахатова.

²³⁹ Вероятно, это был Аннакули, фигурирующий в архивных документах.

ряды под видом «басмачей» или беглецов, недовольных советской властью, проникли провокаторы, засланные спецслужбами Советского Туркменистана. Они убили Дервиша, а Аннакули обезглавили. И поныне на окраине афганского села Гульран на старом кладбище в глаза бросаются два могильных холмика. Под одним, что подлиннее, покоится Дервиш - бесстрашный джигит с берегов Лебапа, под другим, поменьше - останки обезглавленного Аннакули-хана, чью голову агенты ГПУ увезли в Ашхабад как доказательство выполнения ими «особого задания».

Проявленное Ходжакули-ханом мужество в борьбе с правительственными войсками не может скрыть и Ораз Мамед Тачмамедов, работавший в 20-х годах оперуполномоченным ЧК. В конце 1921 года, свидетельствует Тачмамедов, Ходжакули-хан сгруппировал вокруг себя около 200 джигитов и выступил против советской власти. К нему присоединился его брат, возглавлявший Тедженский добровольческий отряд конного резерва, большая часть которого влилась в отряд Ходжакули-хана. В течение двух лет советский кавалерийский дивизион с приданными ему четырьмя отрядами охотился за повстанцами, но им, несмотря на бои, удавалось выходить из окружения, сохранив силы. 16 сентября 1923 года в районе Яглы Чаге Ходжакули-хан и его джигиты вступили в сражение с чекистскими отрядами. Бой продолжался целый день. Повстанцы понесли тяжелые потери: были убиты 35 человек, среди них и Ходжакули-хан. Его брат с остатками отряда скрылся в песках, а затем ушел в Афганистан.

«Позже банда, укрывшаяся за кордоном, раскололась, - пишет Тачмамедов. - Басмач Меред Мурат убил брата Ходжакули-хана, с частью басмачей он вернулся на советскую территорию и в Мары добровольно сдался органам чрезвычайной комиссии... Это было примерно в июне 1925 года»²⁴⁰. Судя же по архивным материалам «банда раскололась» в результате провокаторской деятельности засланных агентов ГПУ, а «басмач», убивший брата Ходжакули-хана, действовал с ними заодно.

Наиболее известным повстанческим лидером туркмен, выступившим против колонизаторской политики царизма и большевизма, был Джунаид-хан. В представлении нескольких советских поколений Дунаид-хан – «злбный хищник Каракумов», авантюрист, грабитель, убийца и английский агент, выступивший против советской власти и своего народа; движимый чувством мести он, «недавний властелин Хивы... не мог примириться с поражением, с новой жизнью» и потому «сколачивал басмаческие отряды», чтобы разбойничать и убивать²⁴¹.

²⁴⁰ Рассказывают строители социализма. Сборник воспоминаний участников социалистического строительства в Туркменистане. Ашхабад, 1967, с.54-255.

²⁴¹ А.И.Зевелев, Ю.А.Поляков, А.И.Чугунов. Басмачество: возникновение, сущность, крах, с.151.

В начале 30-х годов на запрос ОГПУ СССР о Джунаид-хане ГПУ Туркменистана представило следующую справку: «Настоящее имя Джунаид-хана - Мухаммед Курбан Сердар Ходжи бай оглы. По национальности туркмен, из племени иомуд, род орсыкчи. Еще до революции производил налеты на узбекское население Хивы, возглавляя туркмен в их постоянной борьбе с узбеками и таджиками за обладание водными источниками. В 1917 году вооруженным путем захватил Хиву, сверг хивинского хана. При новом хане стал первым министром, фактически управлял хивинским ханством. В 1919 году возглавил восстание против Хивинской Народной Советской Республики, в январе 1920 года, потерпев поражение от частей Красной Армии, ушел в пески, откуда продолжал налеты до 1924 года. В 1924 году заявил о прекращении боевых действий против советской власти, оставаясь, однако, в Каракумах»²⁴².

Что же скрывается за краткими строками этой архивной справки?

В июне 1921 года в Восточной Бухаре вспыхнуло вооруженное восстание под предводительством Энвера-паши, под знамена которого встали 20 тысяч вооруженных бойцов. В конце того же года был раскрыт антисоветский заговор, возглавлявшийся председателем ЦИК ХНСР Ата Максумовым, заодно с которым действовали народный комиссар иностранных дел Мулла-Нияз (правильно Джуманияз Солтанмурадов – прим. автора) и несколько других ответственных работников. В ходе расследования Ата Максумов, Мулла Нияз и их приближенные сбежали к басмачам²⁴³. Заговорщиками оказались бывшие члены младохивинской партии, несогласные с национальной политикой большевиков.

Усиление повстанческого движения, как отметил К.С.Атабаев в своем докладе на IV пленуме ТуркЦИКа, вызвало желание большевиков «во что бы то ни стало революционизировать Хиву». Захватив столицу Хивинского ханства, Советам удалось привлечь на свою сторону враждебных Джунаид-хану родовых вождей Гулам-Али, Гочмамеда-хана, с помощью которых удалось одержать победу над Джунаид-ханом, скрывшимся в песках.

Во вновь организованное правительство - Совет Назиров - наряду с узбеками вошли и туркмены, в том числе Гулам-Али и Гочмамед-хан, против которых начали плести сети интриг. Издавна существовавшая вражда между туркменами и узбеками на почве неравномерного распределения амударьинской воды проявила себя и в Совете Назиров. Родовых вождей обвинили в государственной измене, подготовке переворота и т.д. Этим обвинениям, не разобравшись, поверили Шакиров и Малышев - полномочные

²⁴² Архив КНБТ, д.107976, т.10, л.126.

²⁴³ А.И.Зевелев, Ю.А.Поляков, А.И.Чугунов. Басмачество: возникновение, сущность, крах, с.148.

представители РСФСР, которым принадлежало решающее слово. Они решили ликвидировать Гулама-Али и Гочмамед-хана вместе с их отрядами. Для успешного выполнения операции лидерам туркмен под строгим секретом объявили о будто бы предстоящем походе на Бухару и приказали срочно прибыть в Хиву со всеми джигитами. Ничего не подозревавшие Гочмамед-хан и Гулам-Али, говорится далее в докладе, явились в Хиву со своими джигитами и остановились в отведенных им помещениях. В ту же ночь Гочмамед-хан и его джигиты были арестованы и обезоружены красноармейцами, а через несколько часов родового вождя и его ближайших соратников зарубили. Гулам-Али удалось сбежать. В погоню за ним был послан карательный отряд, который по пути уничтожил несколько аулов и кишлаков. Иомудское население, узнав о случившейся трагедии и о приближении карателей, побросало свои жилища, имущество, скот и кто на лошадях, кто на верблюдах и быках, а кто и пешими с женами и детьми двинулись в сторону Туркменской области. Они прошли через безводную пустыню, преодолев тысячи верст, пока не добрались до персидской части побережья Каспийского моря²⁴⁴. Анализируя эти события, К.С.Атабаев справедливо отмечал, что Советы собственными руками обрекли иомудов на разорение, спровоцировали возмущение туркменского населения, подтолкнули его на массовое выступление в поддержку так называемого басмаческого движения во главе с Джунаид-ханом²⁴⁵.

Более подробное описание кровавого побоища, свершившегося в бывшем ханском саду и вошедшего в историю как «тазабагский погром», дал профессор Г.Н.Непесов. По его данным, в ночь на 20 сентября 1920 года 600 всадников, размещенных в Тазе-баге, были разоружены, большинство из них были тут же расстреляны, а оставшихся в живых отправили в Чарджуй и по пути убили. Вину за происшедшее Г.Непесов возлагает на «младохивинских провокаторов», якобы решивших втайне от Центра и «революционного большинства хорезмских коммунистов осуществить провокационное требование Джунаида об истреблении туркменских добровольческих отрядов» и тем самым вызвать недовольство туркменских дайхан²⁴⁶. Однако Гаиб Непесович при описании этого события почему-то не упоминает имен Гочмамед-хана и Гулам-Али. Кроме того, возникает вопрос: если в «тазебагском побоище» повинны младохивинцы, то почему Турккомиссия ВЦИК признала виновниками убийства в Тазебаге командира советских войск в Хиве Дубянского и полномочного представителя РСФСР Шакирова и предала их суду Чрезвычайного трибунала, членом которого состоял

²⁴⁴ Ю.Папоров. Белое солнце пустыни? - Журнал «Юность», 1990, №1, с.82.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Г.Непесов. Из истории Хорезмской революции, с.201-202.

К.С.Атабаев и по следственным материалам которого был подготовлен его доклад на пленуме ТуркЦИК?²⁴⁷

Трагедия Гочмамед-хана и его приближенных, побег Гулам-Али сказались на судьбе вождя туркменского племени машрык, председателя ЦИК и наркома иностранных дел ХНСР Моллаораза Ходжамамедова, который летом 1920 года выезжал в Москву во главе делегации для заключения союзного договора между РСФСР и ХНСР, встречался с В.И.Лениным²⁴⁸. Случайно узнав, что его ждет участь Гочмамед-хана, Ходжамамедов бежал в пески и примкнул к повстанческому движению. По свидетельству доктора исторических наук К.Б.Мухамедбердыева, Моллаораз Ходжамамедов стал *кятибом* (личным секретарем) Джунаид-хана и служил у него вплоть до ухода Джунаид-хана в Иран в 1928 году.

Москва, обеспокоенная широким размахом повстанчества в Средней Азии, командировала туда Г.К.Орджоникидзе. 18 мая 1922 года Политбюро утвердило политическую линию в отношении басмачества в Туркестане и Бухаре, а Средазбюро объявило одной из своих первоочередных целей разгром «басмаческой контрреволюции». Г.К.Орджоникидзе резко критиковал среднеазиатских партийных и советских руководителей за нерешительность, ненужные переговоры с мятежными феодалами и главарями басмачей, их фактическую легализацию, создававшую ошибочные представления о слабости советской власти²⁴⁹. Вероятно, чтобы доказать обратное, посланец Центра потребовал быть беспощадным к «врагам революции».

Летом 1920 года в Западной Бухаре обозначился перелом в пользу Советов. В Восточной Бухаре «войска ислама» потерпели поражение: был убит Энвер-паша, ликвидирован ряд басмаческих отрядов в Фергане. Джунаид-хан, загнанный в пески, не проявлял особой активности.

Однако до ликвидации басмачества было далеко. В этой обстановке среди партийных, советских и военных деятелей Средней Азии возникли разногласия по поводу методов осуществления линии партии в отношении басмачества. Часть работников, преимущественно военных (М.К.Левандовский - командующий войсками Туркестанского фронта, П.И.Баранов - член Реввоенсовета Туркестанского фронта, позже - командующий Ферганской армейской группой и др.) настаивала на проведении предельно жесткого курса по отношению к не сдавшимся басмачам и их пособникам²⁵⁰. Вероятно, военные, вдохновленные легкими

²⁴⁷ ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.1-6, л.33-34.

²⁴⁸ Р.Эсенов. В каждой кибитке. – Газета «Правда», 1968, 21 апреля.

²⁴⁹ А.А.Росляков. Средазбюро ЦК ВКП/б/. Вопросы стратегии и тактики, с.26.

²⁵⁰ Там же, с.27.

победами над плохо вооруженными и необученными повстанцами из числа вчерашних дайхан и чабанов, настолько уверовали в близкий военный разгром противника, что сочли целесообразным ужесточить политический курс и решительно покончить с восставшими.

Другая группа руководящих партийных и советских работников (К.С.Атабаев, Сергазиев, Н.Тюрякулов и др.) считала необходимым осуществление широкой программы политических уступок. Так, К.С.Атабаев требовал создать вооруженные отряды во главе с влиятельными людьми, например, крупными марыйскими баями Топпы Торе-бай оглы²⁵¹ и Валиханом Батмановым²⁵², прекратить гонения и преследование уважаемых в народе людей, в аулах убрать пункты особого отдела. На почве подобных расхождений стали возникать конфликты (между К.С.Атабаевым и П.И.Барановым в Фергане, между Сергазиевым и работниками особого отдела в Самарканде), развивалась групповщина²⁵³.

К.С.Атабаев и позже считал, что во имя государственных интересов необходимо привлечь Джунаид-хана на сторону Советов, заключив с ним мирный договор, оказать всем, кто пойдет за ним, помощь хлебом и другими продуктами, наделить землей в культурной полосе. Свою позицию Атабаев обосновывал высоким авторитетом Джунаид-хана, который ведет за собой все иомудские племена и роды, и «только через него можно приобщить местное население к советскому строю»²⁵⁴.

Подобный «либерализм» не устраивал Москву и руководство Средазбюро ЦК РКП/б/, что не замедлило отразиться в директиве ЦК РКП/б/ от 21 августа 1922 года. Этот документ, трагически сказавшийся на судьбах тысяч туркмен, оказавшихся в рядах повстанческого движения, несет на себе явную печать фарисейства. В нем ЦК РКП/б/ потребовал, с одной стороны, укрепления низовых советских органов на местах, переброски в охваченные басмачеством районы лучших работников, настойчивого проведения линии на удовлетворение нужд и желаний национального крестьянства, а с другой

²⁵¹ Топы-бай Торе-бай оглы в 1920 г. был арестован, осужден на 5 лет концлагерей, отсидев 4 месяца, освобожден. В январе 1939 г. был вновь арестован, а 20 сентября того же года постановлением коллегии ОГПУ расстрелян за «шпионаж». По тому же «обвинению» вместе с ним были расстреляны его сыновья Нуры Топпы оглы и Мухаммед Курбан Топпы оглы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. все они посмертно реабилитированы (Архив КНБТ, д.П55078, л.643,672).

²⁵² В.Батманов, по свидетельству М.Д.Аннакурдова, был репрессирован в 1928 г. и в том же году умер в тюрьме. Причина смерти неизвестна. Старший из четырех его сыновей Ходжамухаммед после национального размежевания был направлен в Бухару, где назначен *назиром* (министром) просвещения Бухарской республики, в 1932 г. был арестован по обвинению в принадлежности к «Туркмен Азатлыгы». Дальнейшая его судьба неизвестна

²⁵³ А.А.Росляков. Средазбюро ЦК ВКП/б/. Вопросы стратегии и тактики, с.27.

²⁵⁴ Архив КНБТ, д.48740, л.5.

стороны, предписывал линию на решительный военный разгром басмачей, усиление органов ГПУ и проведение суровой карательной политики по отношению к не сдавшимся басмачам и их пособникам, а также требовал усилить парторботу, в частности борьбу с групповщиной и уклонами в рядах парторганизаций. Но и после получения этой директивы некоторые партийные и советские руководители Туркестана продолжали «мягкий курс» по отношению к басмачеству, что привело осенью 1922 года к новому конфликту. Тогда Оргбюро ЦК РКП/б/ по настоянию Средазбюро и Реввоенсовета Туркфронта приняло решение снять с занимаемых постов и отозвать из Средней Азии К.Атабаева и Н.Тюрякулова²⁵⁵.

Таким образом, осенью 1922 года сторонники жесткого курса одержали решительную победу. Директива РВС Туркфронта от 22 октября 1922 года предусматривала дальнейшее усиление военных операций и репрессивных мер по отношению к не сдавшимся басмачам и их пособникам, вводила систему заложничества, конфискацию имущества не только курбаши, но и рядовых басмачей, а иногда и их пособников. В районах, охваченных басмачеством, сохранялись чрезвычайные административные и судебные органы: Диктаторская комиссия в Восточной Бухаре, чрезвычайные тройки в областях всего Туркестана, постоянные совещания по борьбе с басмачеством, реввоен трибуналы, а также ревкомы вместо низовых Советов²⁵⁶. Именно эти структуры, как известно, чаще всего злоупотребляли властью, расстреливая без суда и следствия не только активных участников повстанческого движения, но и их «пособников», то есть тех, кто помогал или сочувствовал «басмачам».

Не прошло и трех месяцев с тех пор, как IV пленум ТуркЦИКа осудил произвол и кровавые бесчинства советских войск, а советская власть снова прибегала к крайним мерам в борьбе с «басмачеством». Командование Туркфронта перебросило в Хорезм из Ферганы войсковые части, для руководства военными операциями был создан Революционный Военный Совет Хорезмской группы войск. Командующим этой группы назначили И.С.Кутякова. Проводившаяся в это время Советами кампания по лишению духовенства земельных наделов и политических прав порождала недовольство не только религиозных деятелей, но и многих верующих. В отдельных областях Туркестана численность повстанцев значительно

²⁵⁵ А.А. Росляков. Средазбюро ЦК ВКП/б/. Вопросы стратегии и тактики, с.28.

²⁵⁶ Там же, с.28-29. Излагая официальную советскую версию, А.А.Росляков замечает, что «Атабаев сумел преодолеть ошибочные взгляды и вскоре вновь стал членом Средазбюро и одним из крупнейших государственных деятелей Средней Азии».

выросла, особенно в Фергане, Бухаре и Самарканде. Вооруженные отряды Джунаид-хана увеличились до 10 тысяч человек²⁵⁷.

Против Джунаид-хана готовилась и чекистская операция, направленная на то, чтобы рассорить Джунаид-хана со своими приближенными и, воспользовавшись разладами между ними, «ликвидировать» самого родового вождя, его двух сыновей и брата. С этой целью в джунаидовские отряды внедрили несколько групп провокаторов, одну из которых возглавил Аманли Бегенчев²⁵⁸. Перед ним была поставлена задача, выдавая себя за противника советской власти, войти в доверие к Джунаид-хану и настроить его против Дурды-бая - одного из командиров отряда, считавшего себя правой рукой хана. Одновременно Бегенчев, играя на честолюбии Дурды-бая и Хандурды-хана, метивших в предводители, сумел уговорить их расправиться с Джунаид-ханом и его родственниками. К исполнению задуманного Дурды-бай и Хандурды-хан привлекли четверых доверенных джигитов, с которыми был обговорен день и час убийства Джунаид-хана и его близких (сразу после вечернего намаза). Один из исполнителей поделился информацией о заговоре со своим братом. Тот, оказавшись преданным сторонником Джунаид-хана, выдал планы заговорщиков. Дурды-бай и Хандурды-хан, узнав о раскрытии заговора, бежали. Посланная за ними погоня, вступив в перестрелку, вернулась ни с чем. Но Бегенчев, действовавший хитро и предусмотрительно, из доверия Джунаид-хана не вышел²⁵⁹, по-прежнему «служил» в его отряде и, как говорится, вышел сухим из воды.

В январе 1924 года на волне вспыхнувшего в ряде районов СССР антисоветского восстания Джунаид-хан захватил Ташауз, Пиняк, Гурлен, Газабад, осадил Хиву и Ново-Ургенч. В бой с джунаидовцами вступили части Хорезмской группы войск, наспех сформированные добровольческие отряды, на подавление восстания были брошены и другие части Туркфронта, которым с воздуха оказывали помощь летчики двух отдельных разведывательных авиаотрядов. В боях с армейскими частями Джунаид-хан потерпел поражение и вынужден был скрыться в песках.

Осенью того же года он прислал в областное ГПУ письмо о своем намерении сдать власть, если будут гарантированы условия безопасности ему и бойцам его отряда. После переговоров в Ашхабаде и обсуждения этого вопроса на заседании Средазбюро ЦК ВКП/б/, I Всетуркменский съезд

²⁵⁷ Архив КНБТ, д.П48740, л.6.

²⁵⁸ Там же, ф.АЛД, д.275, ч.II, т.1, л.319. Аманли Бегенчев - уроженец аула Гедкдепе, по социальному происхождению бай. Позже эмигрировал в Иран. Его образ под именем Аманли Белет выведен мною в исторических романах «Предрассветные призраки пустыни» (Книга первая). Москва, 1976, и «Тени желтого доминиона» (Книга вторая). Москва, 1983.

²⁵⁹ Архив КНБТ, ф.АЛД, д.275, ч.I, т.1, л.319.

Советов в феврале 1925 года амнистировал Джунаид-хана и его сторонников с определенными условиями: ему и небольшой группе джигитов было разрешено проживать только возле колодца Орта Гуйы, чтобы впоследствии перейти на оседлый образ жизни в Ташаузском оазисе. Помощь туркменского правительства – тысячу пудов пшеницы и пятнадцать пудов чая Джунаид-хан, вероятно, воспринял как подачку. Он не смирился с условиями, продиктованными Ашхабадом, по-прежнему не ограничивал себя количеством всадников, которых содержал за счет налогов, собираемых с населения в виде зерна, продовольствия и фуража. Захватив в пустыне караванные дороги у водоносных колодцев, Джунаид-хан установил твердые налоги: пятую часть провозимого товара с каждого проходящего каравана и пятую часть скота с каждого стада²⁶⁰.

Осведомители ГПУ, внедренные чекистами в его отряд, доносили, что Джунаид-хан не считает себя связанным словом, данным правительству, ведет себя независимо, сохраняя за собой свободу действий в Каракумах и в некоторых оазисах, в узком кругу своих приверженцев заявляет, что не смирился с большевистской властью и ведет с ней переговоры вынужденно, чтобы выиграть время и накопить силы, которых у него для продолжения открытой борьбы недостаточно²⁶¹.

Джунаид-хан до определенного времени пользовался в Туркменистане не только скрытой, но и открытой поддержкой широких кругов туркменского населения. Органы ГПУ, чтобы лишить его поддержки в народе, организовали масштабную операцию, создав три оперативные группы, в которые наряду с военными и чекистами вошли и «завербованные информаторы», которые, разъезжая по аулам, составляли списки «пособников, оказывающих содействие басмаческим бандам в силу идейных побуждений». В ходе этой операции были арестованы около 130 человек, среди которых - ишаны, ахуны, родовые вожди и простые дайхане, чабаны. Решением правительственной политической комиссии под председательством секретаря ЦК КПТ Х.Сахатмурадова 48 человек были преданы суду, 56 - расстреляны без суда и следствия и 25 - освобождены «за недостаточностью улик». Все домашнее имущество и скот расстрелянных были конфискованы²⁶².

Несмотря на репрессии властей, туркменское население активно помогало Джунаид хану. На далеких отгонных пастбищах в Каракумах, в аулах и поселках, среди чабанов-кочевников и дайхан он имел большое число сторонников; его разведчики пробирались в города и районные центры -

²⁶⁰ История Туркменской ССР, т. II, с. 305.

²⁶¹ Архив КНБТ, ф. АЛД, д. 275, ч. IV, т. I, л. 9.

²⁶² Там же, ч. III, т. I, л. 275-276.

Ашхабад, Теджен, Мары, Бахарден, Серахс, собирая информацию о настроениях дайхан и горожан, о планах и намерениях властей, о передвижениях войсковых частей и т.п. Своих доверенных людей Джунаид-хан имел не только среди туркмен, но и среди антисоветски настроенных лиц русской национальности. Были у него и джигиты - связники, доставлявшие сведения из Ашхабада, Ташауза, Хивы и других городов, где проживали люди, тайно сочувствовавшие повстанческому движению²⁶³.

О поддержке Джунаид-хана населением свидетельствуют факты удачного маневрирования в песках его отрядов, которым без людских потерь удавалось уйти от кавалерийских частей Красной Армии. В 1926 году, сдерживая их наступление (в том числе с воздуха), усилившееся с прибытием в Ашхабад С.М.Буденного, Джунаид-хан с боями отошел к районам иранского Иомудистана, где получил ощутимую помощь людьми и оружием со стороны туркмен, живущих по обе стороны границы²⁶⁴.

К середине осени 1927 года посланные Джунаид-ханом джигиты доставили из Афганистана сначала 100, а затем 700 винтовок и большое число патронов. В архивах ГПУ есть немало донесений осведомителей и показаний арестованных о том, что Джунаид-хан и его доверенные люди якобы поддерживали связь с английской разведкой, снабжавшей их оружием и боеприпасами. Однако в подтверждение этого ни одного убедительного документа или достоверного факта до сих пор нет²⁶⁵, если не считать ссылок на сомнительные источники или официозные публикации периода тоталитаризма. Утверждение, что басмаческое движение в Средней Азии было инспирировано английскими спецслужбами, повторяется в различных вариациях в докторской диссертации И.Г.Иванченко, монографиях

²⁶³ Там же, ч. II, т. I, л. 180.

²⁶⁴ Там же, д. 107976, т. 10, л. 126.

²⁶⁵ Там же, ф. АЛД, д. 275, ч. II, т. I, л. 91. Так, в следственных материалах часто фигурирует имя Джапара Буркоза, являвшегося до революции агентом царской охранки, а по показаниям арестованных будто бы работавшим в английском консульстве (АНКО) в Мешхеде. Интересно, что самого Д. Буркоза никто из подследственных не видел, рассказывали о нем с чужих слов. Судя по косвенным признакам Джапар скорее являлся осведомителем ГПУ, чем английским агентом, или, возможно, был «слугой двух господ». Так в июне 1929 г. среди арестованных по обвинению в шпионаже в пользу АНКО и контрреволюционной деятельности оказались три сына Джапара Буркоза – Аннагельды, Аннаахмед и Аннасапар. Примечательно, что Аннагельды расстрел заменили 10 годами концлагерей, а Аннаахмеда и Аннасапара освободили «за недоказанностью обвинения», хотя всех их «поддельников» приговорили к высшей мере наказания (Архив КНБТ, д. П55078, л. 655-672). Всего по этому «делу» было расстреляно 44 человека. В ту пору ГПУ освобождало лишь в случае согласия сотрудничать с органами, тем более когда речь шла о сыновьях «старого русского и английского шпиона».

А.Бабаходжаева, М.Иркаева, А.Зевелева и др.²⁶⁶. Этим в свое время грешил и автор этих строк²⁶⁷. Авторам коллективного труда «Басмачество: возникновение, сущность, крах» впасть в ошибку в немалой степени помог сборник «На страже мирного труда», многие страницы которого написаны работниками КГБ на основе показаний арестованных по делу придуманной чекистами подпольной организации «Туркмен Азатлыгы». Многие арестованные под давлением следствия давали фантастические показания о существовании связи между лидерами басмачества и АНКО (английским консульством) в Мешхеде, которое якобы не только снабжало повстанческое движение оружием, деньгами и золотом, но и направляло шпионско-диверсионную деятельность антисоветского подполья в Туркменистане. Таким образом, ГПУ пыталось оправдать жестокость в подавлении повстанческого движения.

Конечно, нельзя отрицать, что Великобритания проявляла интерес к Средней Азии, территория которой примыкала к английским колониальным владениям. Однако трезвая расчетливость едва ли позволяла англичанам понапрасну разбрасываться людскими и материальными ресурсами.

Показателен следующий случай. К осени 1920 года бухарский эмир Алим-хан, потеряв столицу и окрестные бекства, бежал в Восточную Бухару. Вскоре армия и ополчение эмира выбили части Красной Армии из ряда городов и населенных пунктов, взяли под контроль Душанбе и всю Восточную Бухару. Отсюда Алим-хан обратился к Афганистану и Персии с просьбой помочь оружием. Одновременно через английского консула в Кашгаре эмир направил послание британскому королю Георгу V: «Я надеюсь, что в этот трудный час Ваше величество проявит доброту и благосклонность и отправит мне в качестве дружеской поддержки 100 тысяч фунтов стерлингов в счет государственного долга, 20 тыс. ружей, 30 орудий с боеприпасами и 10 аэропланов с необходимым оснащением». Ответа Алим-хан не получил и вынужден был увеличить налоги, чтобы собрать средства на закупку вооружения²⁶⁸.

Как видим, английское правительство не помогло эмиру бухарскому, который Восточную Бухару и одерживал победы над красными. Кажется маловероятным, что то же английское правительство в 30-х годах, когда мало

²⁶⁶ А.Х.Бабаходжаев. Провал английской агрессивной политики в Средней Азии. Ташкент, 1955; М.Иркаев. История гражданской войны в Таджикистане. Душанбе, 1971; А.И.Зевелев, Ю.А.Поляков, А.И.Чугунов. Басмачество: возникновение, сущность, крах. Москва, 1981.

²⁶⁷ См.: Р.Эсенов. Большевицкое подполье Закаспия. Москва, 1974; Р.Эсенов. Весна пришла с севера. Москва, 1987.

²⁶⁸ В.Медведев. Басмачи - обреченное воинство. – Журнал «Дружба народов», 1992, №8.

кто сомневался в победе Советов, вдруг стало помогать разрозненным басмаческим отрядам.

По утверждению советских историков, Джунаид-хан, якобы получив соответствующие инструкции иностранных спецслужб, 19 сентября 1927 года поднял мятеж против советской власти²⁶⁹. Однако, как свидетельствуют архивные материалы, секретные источники советских органов госбезопасности утверждали обратное: Джунаид-хан был вынужден начать боевые действия в бой в ответ на наступление частей Красной Армии²⁷⁰. Советское правительство отдало приказ Реввоенсовету Среднеазиатского военного округа об уничтожении отрядов Джунаид-хана. С конца октября места их дислокации в Каракумах непрерывно бомбардировали с самолетов, повстанцев преследовали несколько регулярных кавалерийских полков.

На протяжении более девяти месяцев отряды Джунаид-хана вели с переменным успехом бои с превосходящими силами Красной Армии, ее авиацией и многочисленными чекистскими отрядами и группами. В конце июня 1928 года в районе слияния рек Сумбара и Атрека на переправе Игдыр Олум вблизи заставы Чат Джунаид-хан с небольшим отрядом ушел на персидскую сторону²⁷¹. По настоянию Советского правительства власти Ирана объявили Джунаид-хана вне закона, попытались разоружить его отряд. Для его поимки и уничтожения правительство был выделен специальный отряд иранской армии, а местному населению было объявлено, что любая помощь «бандитам» будет строго караться²⁷².

В начале февраля 1929 года Джунаид-хан с несколькими десятками всадников и караваном верблюдов вынужден был перейти в Афганистан. За ним подалось несколько тысяч семей туркмен-иомудов, по-прежнему продолжавших видеть в нем своего родового вождя. Генерал-губернатор Герата Абдул Рахим позволил Джунаид-хану поселиться в селе Кафтар-хана, что в 25 километрах западнее Герата. Советское правительство выразило в связи с этим протест афганским властям и потребовало, чтобы они переместили его силы вглубь Афганистана. Афганское правительство потребовало то же самое от своего генерал-губернатора, а самого Джунаид-хана приказало отправить в Кабул. Но Абдул Рахим, не исполнив этих указаний, телеграфировал афганскому министерству иностранных дел: «Никаких нарушений закона Джунаид-хан не совершил... Сведения советского правительства неправильны»²⁷³.

²⁶⁹ А.И.Зевелев, Ю.А.Поляков, А.И.Чугунов. Басмачество: возникновение, сущность, крах, с.151.

²⁷⁰ Архив КНБТ, д.107975, т.10, л.126.

²⁷¹ Там же, л.126-127.

²⁷² ЦГАТ, ф.1, оп.6, д.183, л.7.

²⁷³ Архив КНБТ, д.107976, т.10, л.126-127.

С середины июня 1929 года развернули активные действия закордонные и местные группы «басмачей», возглавляемые духовенством и родовыми вождями. 15 июня 700 джигитов во главе с сыном Джунаид-хана Эшши-ханом пересекли границу Туркменистана и напали на пограничную заставу Акрабат, но после боя, в котором понесли значительные потери, ушли за кордон²⁷⁴.

Возможно, это была разведка боем, ибо Эшши-хан и после не раз переходил границу, проникая в глубь территории Туркменистана, где встречался с родовыми вождями, крупными феодалами и религиозными деятелями. Самая значительная его поездка состоялась в мае 1931 года. В Хорезмском оазисе на севере Каракумов он по заданию своего отца встретился с крупным курбаши Ахмед-беком, которого по указанию Джунаид-хана провозгласил ханом. По всей вероятности, это была его последняя поездка на родину (в районы Ташаузского округа), откуда Эшши-хан привел караван более чем в 100 верблюдов, 8 чистокровных туркменских лошадей, привез 45 слитков серебра (по 4 килограмма каждый), два мешка серебряных полтинников и рублей, много мануфактуры, ковров и около 130 винтовок различных калибров и систем²⁷⁵.

После ухода Джунаид-хана в Афганистан чекисты не оставляли его в покое, пытались спровоцировать на переход границы, добиваясь его возвращения в Туркменистан, чтобы арестовать и окончательно покончить с этим видным лидером повстанческого движения. В январе 1932 года ГПУ забросило в Афганистан агента, который в прошлом являлся сподвижником и доверенным лицом Джунаид-хана. Перед ним поставили задачу узнать не только планы и намерения Джунаид-хана и его приближенных, но и убедить их, что в Туркменистане якобы существует разветвленная антисоветская

²⁷⁴ А.И.Зевелев, Ю.А.Поляков, А.И.Чугунов. Басмачество: возникновение, сущность, крах, с.170. Во многих публикациях имя Эшши-хана пишется искаженно. У Джунаид-хана было три сына: Эшши, Эймир и Тайчак (последний родился от казашки). Автору довелось встретиться с Эшши-ханом в сентябре 1964 г. на гератском базаре в Афганистане. Это был пожилой, но еще крепкий человек, чуть выше среднего роста с огузскими чертами лица: широкоскулый, с крупным носом, слегка раскосыми глазами, живыми и пронзительными. Одет он был в хивинский халат, но подпоясан афганским кушаком, на голове красивый силькме тельпек, говорил с заметным смудским акцентом, характерным для туркмен Северного Туркменистана.

²⁷⁵ Архив КНБТ, д.107976, т.10, л.127. К середине 30-х годов Эшши-хан, как и его отец, отошел от повстанческого движения и посвятил себя коммерции, имел в своем хозяйстве несколько отар овец, верблюдов, производил туркменские ковры, владел караван-сараями, несколькими домами и другой недвижимостью, которую сдавал в наём. Сам Джунаид-хан умер в 1939 г. Его прах покоится на кладбище Герата, хотя при жизни он страстно мечтал быть похороненным на родине - в Бедиркенте, у мавзолея святого Исмамыт Ата. Дата смерти Эшши-хана неизвестна. После апрельской революции 1978 г. в Афганистане дети Эшши-хана и другие потомки Джунаид-хана, не поддержавшие новую власть, были вынуждены покинуть пределы страны.

повстанческая организации, которая имеет своих людей во всех ветвях власти, в том числе в милиции, совхозах и государственных учреждениях. Этим людям, готовым выступить против Советов и руководимым известными родоплеменными вождями и духовными деятелями якобы необходим авторитетный лидер, такой как Джунаид-хан, поэтому они просят его вернуться в Туркменистан и возглавить восстание²⁷⁶.

Чекисты надеялись, что Джунаид-хан поверит их «легенде». Но этого не произошло. Агент ГПУ, ездивший под видом эмиссара повстанческого движения, вернувшись из Афганистана, пересказал ответ старого Джунаид-хана: «При всем своем желании, сказал Джунаид-хан, я не могу оказать повстанцам вооруженную помощь. Я сам постарел и сижу дома безвыездно. Сын мой занимается торговлей. Сам я не имею здесь никакой власти и вмешиваться в дела других государств не хочу. Я сам человек подневольный и исполняю волю здешних властей. Браться за это дело я не в силах, ибо нет у меня возможности, и на это дело я не пойду»²⁷⁷.

Несмотря на уход Джунаид-хана и его сына в частную жизнь повстанческое движение в Туркменистане не прекратилось. В его ряды вступали новые бойцы, которые не могли смириться с тоталитарным режимом.

§ 4. ГОСУДАРСТВАННЫЙ ТЕРРОР – ОРУДИЕ ТОТАЛИТАРИЗМА В ПОДАВЛЕНИИ ОППОЗИЦИИ

Многочисленные очаги повстанческого движения в Средней Азии, в частности в Туркменистане, были бельмом на глазу у советского правительства. Угрозу «завоеваниям Октября» большевики видели не только в басмачестве, но и в широком распространении антисоветских настроений, охвативших различные слои общества.

В январе 1924 года вспыхнуло восстание в Хиве. На его подавление Средазбюро отправило кавалерийский полк и два эскадрона Хорезмской Красной Армии. Большевистские лидеры Хорезма ответили на мятеж масштабными карательными акциями, включая массовые необоснованные аресты и казни без суда и следствия²⁷⁸.

²⁷⁶ Архив КНБТ, ф.АЛД, д. 43, ч.II, т.2, л.143.

²⁷⁷ Там же, л.144. Эпизод визита агента ГПУ к Джунаид-хану в несколько иных тонах, но более подробно описан мною во второй книге исторической трилогии «Тени желтого доминиона».

²⁷⁸ А.А.Росляков. Средазбюро ЦК ВКП/б/. Вопросы стратегии и тактики, с.67. По оценке Александра Анатольевича, в этом «крупном контрреволюционном мятеже» участвовало от 3 до 15 тысяч человек. Автор этих строк считает, что повстанцев было значительно больше. Ведь

Средазбюро, с одной стороны, издавало решение о направлении в Хорезм войсковой части для подавления мятежа, с другой - осуждало ошибки Хорезмского правительства, прибегшего к жесточайшим карательным мерам. Партийное и советское руководство Туркестана в борьбе с басмачами все же отдавало предпочтение военной силе. Об этом свидетельствует заявление члена Турккомиссии Ф.Н.Голощекина: «Полная ликвидация басмачества... возможна лишь через некоторое время, когда полностью приведется в жизнь военный план, намеченный Туркфронтом, и вполне установится правильная работа партии и советских органов»²⁷⁹. Террор, оправдываемый классовой теорией, был одним из основных инструментов строительства нового большевистского государства. На VIII съезде компартии В.И.Ленин говорил: «Прекрасная вещь революционное насилие и диктатура, если они применяются, когда следует и против кого следует»²⁸⁰.

В начале ноября 1917 года Ташкентским Советом была образована следственная комиссия с целью борьбы с контрреволюционными преступлениями²⁸¹. Несколько позже по образцу ташкентской были созданы следственные комиссии в Закаспии. 5 марта 1918 года в Ашхабаде был учрежден революционный трибунал и при нем следственная комиссия. Создание этих карательных органов было ускорено неудачной попыткой областного мусульманского комитета, избранного представителями коренного населения, утвердить в Закаспии свою власть. Первые шаги трибунал начал с преследования инакомыслящих: «Прошу задержать и препроводить в город Асхабад в следственную комиссию при революционном трибунале, - говорилось в телеграмме, разосланной всем Советам области, - бывших членов областного мусульманского комитета... для предания суду за контрреволюционную их деятельность, выразившуюся в подготовке восстания против советской власти»²⁸².

12 декабря 1917 года вышел декрет краевого Совнаркома, по которому на смену национальным судебным органам (судам казиев и общинным адатским судам, окончательно упраздненным в 1927 году) были созданы новые советские суды. Были организованы революционные трибуналы, следственные комиссии и военно-полевые суды. Решение наиболее важных судебных дел брали на себя Советы²⁸³.

только под ружьем у Джунаид-хана, по данным службы госбезопасности Туркменистана, находилось 10 тысяч джигитов.

²⁷⁹ РЦХИДНИ, ф.122, оп.1, д.29, л.15.

²⁸⁰ В.И.Ленин. Полное собрание сочинений, т.38, с.149.

²⁸¹ ЦГНА Узбекистана, ф.25, оп.1, д.19, л.8-9; Р.Аринов, Н.Мильштейн. Из истории органов госбезопасности Узбекистана. Документальные очерки истории 1917-1930 гг. Ташкент, 1967, с.33.

²⁸² На страже мирного труда, с.36.

²⁸³ История коммунистических организаций Средней Азии, с.219-220.

20 декабря 1917 года В.И.Ленин подписал постановление СНК о создании ВЧК - Всероссийской чрезвычайной комиссии под председательством Ф.Э.Дзержинского. В Закаспии к созданию ЧК приступили позже, так как почти вся территория Туркменистана с июля 1918 года по февраль 1920 года находилась под властью эсеро-меньшевистских и белогвардейско-националистических правительств. Лишь 6 апреля 1920 года ТуркЦИК и ТуркЧК приняли постановление об организации областных ЧК, в том числе в Полторацке - для Закаспийской области. Но как пояснил прибывший в новом составе Турккомиссии Полномочный представитель ВЧК Я.Х.Петерс, фактически в Туркестане из-за особых условий развития революции функции ЧК исполнял Особый отдел Туркфронта²⁸⁴.

В 1920 году Я.Петерс, выражая мнение Центра, предложил подчинить местные ЧК непосредственно ВЧК. По решению ЦК РКП/б/ из России в Туркестан прибыло около 400 партийных работников, некоторые из которых были направлены в органы ЧК. Председателем Закаспийской областной ЧК назначили бывшего начальника Особого отдела 1-ой армии Закаспийской армейской группы И.Ф.Чибисова, членами коллегии - Филиппова, Киселева, Шпитцера, Чургана²⁸⁵. Как видим, среди членов коллегии не было ни одного представителя коренного населения.

Помимо уездных ЧК карательные функции одновременно исполняли особые отделы армейских группировок Туркфронта, а также политбюро (ПБ) при уездных управлениях милиции, находившиеся под контролем ЧК. Они вели борьбу со «шпионажем» в прифронтовой полосе (а такой полосой был почти весь Туркестан) и с «активными басмаческими бандами». В дальнейшем были созданы чекистские органы на транспорте: Среднеазиатской железной дороге, в портах Каспийского моря и Амударьинской водной системе²⁸⁶.

Органы ЧК Закаспия, располагая широкой сетью оперативных пунктов, осведомительных резидентур, конспиративных квартир и многочисленными штатными и нештатными сотрудниками, стремились взять под контроль все сферы общественной жизни области.

С первых же дней своего существования чекистские органы Туркменистана получили свободу действия: «Ревкомы... имеют лишь общий контроль, не имеют права вмешиваться в техническую сторону дела, не имеют права предписывать освободить того или другого арестованного или отменить приказы ТуркЧК и вообще высших органов ЧК». Это циркулярное письмо Полномочного представителя ВЧК Я.Петерса, несмотря на

²⁸⁴ На страже мирного труда, с.64.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ Там же, с.65-66.

демагогические фразы типа: «Полная помощь мусульманской бедноте, полный контакт с партийными организациями»²⁸⁷, свидетельствует о начале выхода органов безопасности из-под контроля партийных и советских органов.

Летом 1918 года в интервью представителям буржуазной печати глава ВЧК Ф.Дзержинский так разъяснил сущность своей деятельности: «ЧК - не суд, ЧК - защита революции..., она... не может считаться с тем, принесет ли она ущерб частным лицам, а должна заботиться об одном - о победе революции над буржуазией, должна защищать революцию и побеждать врага, даже если меч ее при этом попадет случайно на головы невинных»²⁸⁸.

6 февраля 1922 года постановлением ВЦИК ВЧК была упразднена и вместо нее было создано Государственное политическое управление (ГПУ), преобразованное после создания СССР в ОГПУ.

Органы ГПУ Туркменистана в начале 20-х годов создали несколько резидентур из завербованных туркмен, бывших белогвардейцев, джигитов Эзиз-хана и Джунаид-хана, из лиц, недовольных своими родовыми вождями. Создавались небольшие караваны, направлявшиеся с фуражом и продовольствием в Каракумы, где они вместе с внедренными секретными сотрудниками ГПУ вливались в басмаческие отряды и группы, откуда с помощью курьеров-связников информировали о численности, вооружении, планах и намерениях повстанцев, о возможностях устройства засад или уничтожения бандформирований. В ряде случаев перед провокаторами ставилась задача внедриться в определенный отряд, войти в доверие к его предводителю и его ближайшему окружению, сеять между ними раздоры, чтобы деморализовать, вынудить повстанцев рассориться с родовыми вождями, «добровольно» перейти на сторону советской власти. Секретным сотрудникам было предоставлено право физического уничтожения басмачей²⁸⁹.

Подобными методами рассеяли отряд Ходжакули-хана, ликвидировали джигитов А.Аманбердыева, с помощью провокаторов удалось внести разлад в лагерь Джунаид-хана, «изъять» и расстрелять сотни «пособников, скомпрометировавших себя связями с басмаческими бандами», в числе которых были родовые вожди, духовные деятели, феодалы, середняки, скотоводы, «оказывавшие содействие басмачам в силу идейных побуждений»²⁹⁰. Эти методы будут широко использоваться и в 30-е годы,

²⁸⁷ ЦГНА Узбекистана, ф.25, оп. 2, д.7, л.60. На страже мирного труда, с.66-67.

²⁸⁸ К.Радек. Ф.Дзержинский. А.Луначарский, Л.Троцкий. Силуэты: политические портреты. Москва, 1991, с.289.

²⁸⁹ Архив КНБТ, ф.АЛД, д.275, ч.Ш, т.1, л.144.

²⁹⁰ Там же, л.269,275-277.

когда волна повстанческого движения захлестнет Северный и Западный Туркменистан, часть Центральных Каракумов. «Чекистско-войсковые операции - отмечает И.Г.Иванченко, - явились основным методом борьбы с байско-басмаческим бандитизмом». Однако, сетует автор, информаторская работа по «басмаческим бандам» в республике находилась на низком уровне. Из-за постоянного запаздывания с передачей информации она не выполняла своего главного назначения: своевременно выявлять подготовку, накопление сил, оружия, места нахождения, маршруты передвижения «банд», что сказывалось на расширении сферы военных действий²⁹¹.

В архивах Комитета национальной безопасности Туркменистана, а также в диссертации И.Иванченко часто встречаются имена Кандыма Пульдыкова, Гарипа Назарова, Оразмамеда Тачмамедова, Аннамурата Сарыева, командовавших в начале и середине 20-х годов «особыми» чекистскими отрядами.

Пульдыков ранее командовал одним из отрядов в войске Эзиз-хана. Во время белогвардейско-националистического мятежа 1918 года, свергнувшего Советы, отряды Пульдыкова и уже упоминавшегося нами Аллаяр-хана первыми вошли в Теджен. Заняв город, их джигиты расстреляли многих русских и армян, насиловали женщин, грабили горожан. После трех дней бесчинств этих отрядов в Теджен с остальными своими войсками вступил Эзиз-хан²⁹². Очевидец событий А.Т.Кирузель, подтверждая насилие, учиненное отрядами Пульдыкова и Аллаяр-хана, привела одну любопытную деталь: «Муж мне сказал, ты, мол, не бойся, среди эзизхановцев есть мой хороший знакомый Кандым Пульдыков, с которым я работал. Но когда нас, арестованных женщин, отделяли от мужчин в 12 верстах от Теджена, Пульдыков успокаивал, дескать, скоро увидимся, но так и исчез». Он не помог - мужчин всех расстреляли²⁹³.

Вечером того дня, когда Эзиз-хан вошел со своими джигитами в Теджен, Пульдыков появился у дома техника-ирригатора Пугачева, в подвале которого укрывались 32 человека, в том числе и агротехник И.А.Белонович. «Кто-то стучал в калитку, - рассказывал следователю Белонович, - голос знакомый. Это был Кандым Пульдыков. Мы с Пугачевым пошли открывать налитку - раздался выстрел, Пугачева убили, а я побежал обратно»²⁹⁴.

Если верить самому Пульдыкову, то образование у него низшее. Однако если Кизыл-хан Сарыев и ему подобные вместо росписи

²⁹¹ И.Г.Иванченко. Разгром басмачества в Туркменистане, с.353.

²⁹² Архив КНБТ, д.101804., л.61. Одним из отрядов Эзиз-хана командовал Ялкаб Сердаров, посланный в села Мяна и Чаача «для водворения порядка». Ялкаб - брат Г.С.Атабаева (Там же).

²⁹³ Там же, л.107.

²⁹⁴ Там же, л.110.

прикладывали к бумаге палец, то витиеватой подписи Пульдыкова, расписывавшегося по-русски, может позавидовать самый искусный каллиграф... Не исключено, что именно провокаторством Пульдыкова удалось подставить Эзиз-хана, обвинив его в национализме, в стремлении расправиться с русскоязычным населением, что устраивало обе стороны, как белогвардейцев, так и Советы.

В 1923-1924 годах коллегия ОГПУ осудила Пульдыкова на 10 лет концлагерей за «искривление хлебазаготовок»²⁹⁵. Однако, по данным И.Иванченко, К.Пульдыков (бывший член компартии) в это время числился в «басмаческой банде, действовавшей на территории Туркменистана в 1918-1924 годах». В феврале 1925 года тот же Пульдыков оказался во главе «особого» чекистского отряда в 60 бойцов. Таким количеством людей не командовали даже такие доверенные командиры как Г.Назаров, О.Тачмамедов и др.²⁹⁶ Выходит, К.Пульдыков пользовался в органах ГПУ особым доверием.

В начале 20-х годов в Туркменистан отовсюду – из Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Татарии, Крыма, Ставрополя и других областей России и даже Турции и Ирана - съезжалось много людей, среди которых было немало грамотных, образованных специалистов, некогда покинувших Закаспий, а теперь стремившихся помочь родине. Органы ГПУ усматривали в этом патриотизме что-то противоестественное, подозревая чуть ли не в каждом потенциального «врага». Так родились агентурные дела «Туркмены», «Просвещенцы», «Сары» и др.

Агентурное дело №233 «Туркмены» было заведено 1 апреля 1922 года. Главным «объектом» разработки был Н.Н.Иомудский и его окружение (родственники, друзья, знакомые). Уполномоченный военной контрразведки Туркфронта В.Лысенко «разработку» этого известного человека объяснял тем, что Иомудский, хотя и вел агитацию за советскую власть и существующей порядок, но подозревался в принадлежности к националистической организации Комитет национального объединения (КНО)²⁹⁷. Однако главная «вина» Йомудского, как записано в деле, состояла в том, что он «пользуется авторитетом среди туркмен-иомудов и свою

²⁹⁵ Там же, л.134.

²⁹⁶ И.Г.Иванченко. Разгром басмачества в Туркменистане, с.534,542.

²⁹⁷ По данным чекистов, КНО был создан летом 1920 г., его программа была утверждена на совещании видных буржуазных лидеров в Бухаре 9 января 1921 г. Усилиями членов организации были созданы национальные комитеты, развернувшие широкую антисоветскую работу. Сторонники КНО проникли во все звенья местных органов власти, поддерживали «басмаческое» движение, укрепляли и вводили дисциплину и организованность в ряды «басмаческих шаек», направляли в их ряды активных членов организации. К КНО был причастен и Энвер-паша, приехавший в Бухару летом 1921 г. (На страже мирного труда, с.78-79).

деятельность проявляет исключительно на поприще просвещения туркмен-иомудов, что является фактором контрреволюционной деятельности»²⁹⁸.

Подозрение органов госбезопасности вызывало и то обстоятельство, что Иомудский был сыном и прямым наследником последнего хана иомудов, утратившего свою независимость при покорении края русскими; что он и его старший брат детьми были взяты царем на воспитание в Петербург, но брат в детстве умер, а Николай Николаевич, получив высшее образование, дослужился до чина подполковника русской армии²⁹⁹.

За Иомудским, проживавшим в Ташкенте, где на медицинском факультете института училась одна из его дочерей - Анна, было установлено круглосуточное наблюдение. Наружную слежку за «объектом Хан» вел сексот номер 106, его сменяли 110, 111, 150 и т.д. Агенты не спускали глаз и с тех, кто приезжал в гости к Иомудским, незаметно сопровождали объект разработки на базар, на почту и во время прогулок. Дома и в гостях его окружали осведомители «Кинжал», «Ак», «Гоз» и другие, которые письменно доносили обо всем резиденту. Все его письма, корреспонденция из Ашхабада, Красноводска, Москвы, Ленинграда и других мест перлюстрировались, копировались и подшивались в дело.

Осведомители в одном случае обвиняли Иомудского в том, что он, «желая приобрести более веский авторитет среди туркмен, выдал замуж свою дочь интеллигентку-христианку за темного, но очень влиятельного туркмена»³⁰⁰. В другом случае сотрудник Особого отдела доносил в Москву: «Председатель СНК Туркестана Атабаев сделал поступок, недостойный члена Компартии, восстановив в правах помещика-белогвардейца князя Иомудского, на дочери которого Атабаев женился... Атабаев от имени ТуркЦИКа отдал приказ об отзыве Иомудского»³⁰¹.

В широких связях, знакомствах Иомудского в Хиве, Бухаре, Ташкенте, Азербайджане, Грузии и России ГПУ усматривало стремление сколотить антисоветские силы, создать антибольшевистское подполье. Видя, что высылка Иомудского за пределы Туркменской области не удалась, органы

²⁹⁸ Архив КНБТ, ф.ПФ, д.60, л.1-3.

²⁹⁹ Там же.

³⁰⁰ Там же, л.29-39. Мужем Елизаветы стал Аллаберды Тайчаханов, который в 1931 г. эмигрировал в Иран. То, что христианка вышла замуж за мусульманина, как видно, глубоко оскорбило новоявленных туркменофобов, дескать, христианину Иомудскому, получившему европейское воспитание, с русской женой – христианкой и детьми той же веры негоже родниться с «темным туркменом» (Там же, л.39).

³⁰¹ Архив КНБТ, ф.ПФ, д.60, л.52. Незадолго до этого в августе 1922 г. Туркменское областное отделение ГПУ, ссылаясь на облисполком и обком партии, приняло решение выслать Н.Н.Иомудского из Туркменской области «как из запретной зоны для проживания бывших белых» (Там же). Аналогичное решение принимали и царские власти, высылая Иомудского за пределы Туркестана еще в 1913 г.

ГПУ арестовали его сына Караша, но после вмешательства Н.Айтакова, работавшего в ТуркЦИК в Ташкенте, юношу из-под ареста освободили³⁰².

Вскоре, вероятно, не без содействия Г.С.Атабаева и Н.Айтакова, с которыми пока считались в Центре, Н.Н.Иомудский получил предложение поехать в Москву заведовать народным домом просвещения, где готовились будущие кадры для республики. Николай Николаевич собирался поехать в Туркменистан за детьми, набрать 300 человек, в том числе от туркменского населения Хивы и Бухары. Об этом он с неподдельной радостью пишет своим детям в Ашхабад: «Скоро приступят к организации Туркменской республики. Приезжал Атабаев, и я назначен в Москву, в Туркменпостпредство. Что касается моих отношений с уполномоченным ГПУ, то они самые лучшие, и он обещал дать распоряжение, чтобы нас не беспокоили»³⁰³. Как был наивен Иомудский, вероятно, веривший в человеческую добропорядочность. Едва ему объявили о новом назначении, ГПУ тут же проявило интерес к тому, каким образом производится набор детей для учебы в Москву, из каких они социальных слоев, изучило возможности вербовки в осведомители подходящих кандидатов³⁰⁴.

Было установлено наблюдение и за сыновьями Иомудского - Сердаром и Карашем, их часто вызывали на допросы, пытаясь принудить к сотрудничеству³⁰⁵. Шел усиленный сбор компрометирующий материалов на

³⁰² Там же, л.20.

³⁰³ Там же, л.19.

³⁰⁴ Там же, л.21. В конце июля 1923 г. Иомудский получил мандат ВЦИК СССР на право создания в Москве Народного Дома (Джай) просвещения туркмен. Менее чем через неделю, т.е. 29 июля того же года заместитель председателя Полномочного представителя ГПУ Туркестана направил в Полторацк начальнику облотдела ГПУ Петрову и в Бухару начальнику особого отдела 13-го стрелкового корпуса Путовскому шифровку с просьбой «посредством Кульмамедова (кличка «Кинжал») срочно собрать все компрометирующие материалы на хана Иомудского. Одновременно необходимо выяснить более детально деятельность Иомудского как в прошлом, так и в настоящее время и связь его с туркменами». Одновременно направляя Петрову копии мандата Иомудского и других полученных им в Москве документов, начальника облотдела ГПУ обязывали немедленно приступить к разработке: выяснить поименно состав воспитателей (с биографиями) Дома; из какого социального класса преимущественно набираются дети; установить внутреннее наблюдение в организуемых в Доме ячейках просвещения, Комитетах просвещения и т.д. и, главное, рекомендовали вербовать осведомителей из воспитателей, членов Комитета просвещения, участников ячеек содействия и т.д. (Там же, л.177-191).

³⁰⁵ Караш был завербован под псевдонимом «Марат», Сердар – «Степь», позднее - «Горский», сестра Дестегуль – «Кайли». В октябре 1932 г. Сердар Иомудский, агент особого отдела Полномочного представителя ГПУ Средней Азии, заброшенный в персидский Иомудистан, был арестован иранскими властями и препровожден в тегеранскую военную тюрьму. Органы ГПУ вначале интересовались его судьбой, но ничего не предприняли для освобождения своего агента, по сути предав его. С.Иомудский был освобожден в начале Великой Отечественной войны с приходом в Иран советских войск. Старший сын Иомудского Эзиз-хан с приходом Советов эмигрировал в Иран, другой сын Ляля-хан умер в 1930 г. в Гасан-Кули, еще один сын Хыдыр в 1919 г. вместе с англичанами ушел из Красноводска на Кавказ, откуда эмигрировал в Турцию,

Иомудского, его близких и друзей. Было заманчиво арестовать их вместе, объявив о крупном политическом деле, связанном с «заговором» против советской власти. Некоторые прежние сведения о Иомудском переписывались и редактировались. Вот факт в новой редакции: «Во время существования Закаспийского фронта Иомудский был занят формированием иомудского отряда из байских сыновей». Возникает вопрос: «Неужто в Туркмении было так много баев?»

Из секретного донесения: «Иомудский с Айтаковым как будто в хороших отношениях, они часто видятся... Иомудский обладает талантом «заговаривать» собеседника, ему часто удается рассеивать о себе плохое мнение. Он - сторонник туркменской самобытности. К советской власти относится критически и не прочь ее рассматривать, как власть непрочную».

В доносе, написанном агентом «Эко», сообщалось: «В национальном вопросе Иомудский играет в глазах Сталина немаловажную роль, особенно с тех пор, как занялся организацией школы Коммуны в Москве. О Сталине он самого высокого мнения, как о работнике с сильным характером и правильной линией в национальном вопросе.... Авторитет хана Иомудского среди местного населения чрезвычайно велик, его слово для него закон. Им гордятся, называя его своим Лениным»³⁰⁶.

Дело «Туркмены» обещало перерасти в громкий политический процесс, если бы не внезапная смерть Н.Н.Иомудского в 1928 году. Но это не остановило чекистов перед арестами и репрессиями в отношении многих «фигурантов», проходивших по этому делу. Государственная машина террора продолжала разработку агентурного дела «Просвещенцы»³⁰⁷, связанного с существовавшей лишь в фантазиях чекистов подпольной националистической организацией «Туркмен Азатлыгы» (подробнее см. IV главу).

Были репрессированы и бывшие бойцы национальных воинских формирований, выступавших против большевиков. До сих пор не известно, что стало с 300 нукеров Текинского конного полка, очутившихся поздней осенью 1917 года в брянской тюрьме. Правда, они не вызывают у меня

затем в Германию. В годы войны он входил в так называемый Туркестанский национальный комитет, был близок с перебежавшим к немцам генералом Власовым. До 1967 г. жил в Париже (Архив КНБТ, ф.ПФ, д.60, л.250,258,247-348,351-352).

³⁰⁶ Архив КНБТ, ф.ПФ, д.60, л.205-209.

³⁰⁷ Агентурное дело «Просвещенцы» было заведено ГПУ ТССР в 1930 г. на националистически настроенных туркменских интеллигентов, разрабатывавшихся этими же органами еще в 20-х годах по отдельным делам-формулярам. Основой для разработки послужили закордонные данные о том, что бывший нарком просвещения ТССР Бориев Кумышали являлся членом подпольной националистической организации, проходящим в ней под №Т003, и был связан с Садретдин-ханом, одним из националистических лидеров Средней Азии. Основными объектами разработки «Просвещенцы» являлись К.Бориев, О.Вафаев, С.Туреев, С.Мусаев, А.Кульмухаммедов, М.Гельдыев, А.Бекджанов (Архив КНБТ, д.П48577, т.12, л.221).

особой национальной гордости: заурядные наемники, охранявшие и воевавшие за царя на германском фронте, а в гражданскую войну - за мятежного генерала Корнилова, служившие за плату то белым, то красным. Многие из них погибли на чужбине не за честь родной земли. Но это были люди, и судьба их не может быть безразлична. Из личного архива комиссара жлобинского полка И.В.Бухаренко, впоследствии члена Реввоенсовета Закаспийского фронта, известно, что весной 1918 года джигиты, служившие у Эзиз-хана, попадали на Актюбинский фронт, небольшая часть их охраняла здание СНК Туркестана, но вскоре и они исчезли в большевистских застенках. «Эзизхановцев» репрессировали в два потока: сначала - в двадцатые, а затем - в тридцатые годы, пока не уничтожили всех. Из архивных документов известно, что в январе 1929 года был арестован весь «Совет министров» Эзиз-хана, то есть десять его ближайших советников. Все они, за исключением Кизыл-хана Сарыева, были расстреляны по обвинению в контрреволюционной деятельности³⁰⁸. Такая же участь постигла ближайшее окружение Ораз Сердара, Ходжакули-хана, Джунаид-хана, друзей, нукеров, словом, всех, кто с оружием или без него выступил против советской власти.

В апреле 1928 года комиссия ЦК КП/б/Т, рассмотрев отчет по земельно-водной реформе, признала необходимым выселить за пределы республики шесть хозяйств, среди которых семьи Эмира Хаджи Бердыева, Ораза Пальванова, Вали-хана Батманова и других. Последнего выселить не успели, он скончался в Мервской больнице, находясь под следствием³⁰⁹.

Вскоре кампания принудительных выселений охватила почти всю республику. Сотни семей выслали из Ахала, Лебапа, Ташаузского оазиса и других мест.

В июне-сентябре 1929 года арестованы и расстреляны 47 человек, включая Топпы Торе оглы, двух его сыновей и родственников. Им было предъявлено голословное обвинение в контрреволюционной деятельности и в шпионаже в пользу Англии. Вся «вина» Топпы Торе оглы заключалась в том, что он был «классово чуждым элементом», владел в Мерве караван-сараям, принимал у себя Эзиз-хана, входил в штаб армии Закаспийского правительства в качестве советника командующего Ораз Сердара³¹⁰.

К сожалению, мы все еще мало знаем о репрессиях двадцатых годов. Без каких-либо юридических оснований «классово чуждые элементы» заключали в тюрьмы, отправляли на поселение, уничтожали без суда и следствия религиозных деятелей - ишанов, ахунов, мулл. Виновными в различных преступлениях оказывались дети священнослужителей и торговцев, дальние родственники ханов и баев. Впрочем, подверглись репрессиям и тысячи простых дайхан.

³⁰⁸ Архив КНБТ, д.101804, л.197.

³⁰⁹ Там же, д.П47398, л.104,129.

³¹⁰ Там же, д.101804, л.9; д.П55078, л.577.

ГЛАВА III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ ДУХОВНОЙ ОППОЗИЦИИ

§ I. РЕАКЦИЯ ТУРКМЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА МЕРОПРИЯТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ. НАСИЛЬСТВЕННАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ - КРИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ В ОТНОШЕНИИ ДАЙХАНСТВА К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Колхозному строительству в Туркменистане предшествовала вторая по счету земельно-водная реформа 1925-1927-х годов. Она ликвидировала прежние формы землепользования - санашик, мульк, вакуф и другие, наделила землей и водой 32 тыс. 377 безземельных и малоземельных дайханских хозяйств³¹¹, изъяла из рук родовых вождей распределение воды и передала его в руки органов Советской власти, «осереднячила» туркменское село, но все же не смогла решить его социальные и экономические проблемы. Реформа восстановила против советской власти зажиточные слои населения и большую часть середняков, а бедняки и батраки, наделенные водой и землей, в большинстве своем не стали их подлинными хозяевами; те из них, кто обжился, почувствовал вкус к хозяйствованию, были вскоре раскулачены.

Это мероприятие большевиков советская историография обычно преподносит в радужных тонах: «выкорчеваны корни капитализма», «изжиты пережитки старого», «расчищен путь для национальной консолидации туркмен» и т. п. А между тем в 1928 году число осужденных за различные правонарушения по сравнению с 1926 годом возросло более чем в полтора раза, особенно большое число осужденных было на селе. По сравнению с предыдущим годом в 1927 году валовой сбор пшеницы снизился на 30 тысяч тонн, а технических культур - на 23 тысячи. Сократились нормы потребления хлеба в сельской местности³¹². И это несмотря на то, что бывших безземельных и малоземельных дайхан обеспечили рабочим скотом, сельскохозяйственным инвентарем, семенным зерном, освободили от уплаты налогов, предоставили кредиты³¹³.

К концу 20-х годов СССР, создававший свою тяжелую индустрию, остро нуждался в машинах, оборудовании, технологиях, для приобретения которых на Западе были нужны товарные ресурсы, в частности российская пшеница, являвшаяся реальным источником валютных поступлений.

³¹¹ Ш.Штейнберг. Очерки истории Туркмении, с.117.

³¹² Туркменская ССР в цифрах. Статистический справочник. Ашхабад, 1930. с.108-110, 349-350, 390.

³¹³ История сельского хозяйства и дайханства Советского Туркменистана, кн.1, с.170.

Расширение производства хлопка также освобождало Советский Союз от необходимости приобретать это сырье за валюту. Однако хлеб и хлопок находились в руках у крестьян, которые согласны были отдать его только в обмен на промышленные товары, которых не хватало для нужд внутреннего рынка. В этой ситуации большевики решили провести ускоренную коллективизацию села, чтобы сломить сопротивление крестьянства насильственному изъятию сельскохозяйственных ресурсов. В колхозе статус дайханина менялся коренным образом, он превращался в наемного рабочего, отчужденного от средств производства и распределения созданного им продукта. Под видом государственного планового задания фактически возрождалась продразверстка, слово «продать» государству заменялось словом «сдать».

Пленум ЦК ВКП/б/ в ноябре 1929 года предлагал решить задачу коллективизации на протяжении первой пятилетки: в основных зерновых районах - за 2-3 года, в потребляющей полосе - за 3-4 года. А в экономически отсталых национальных республиках завершение коллективизации намечалось во второй пятилетке³¹⁴.

На 1 января 1930 года удельный вес коллективизированных хозяйств в Туркменистане составлял 14,8 процента. Однако уже в январе 1930 года на пленуме ЦК КП/б/Т Чарджуйский округ был объявлен округом сплошной коллективизации, затем в этот список вошли хозяйства Серахского, Мервского, Кизыл-Аякского, Каахкинского и Керкинского районов³¹⁵. В начале 1930 года развернулись работы по сплошной коллективизации в Фарабском, Саятском и Дейнауском районах. Вскоре форсированная коллективизация началась и в остальных районах республики, особенно после провозглашения бывшим наркомом сельского хозяйства Туркменистана А.А.Андреевым, руководившим комиссией по раскулачиванию, лозунга «бешеных темпов коллективизации». К 20 февраля 1930 года было коллективизировано 38 процентов хозяйств. Однако завершить коллективизацию к весенней посевной кампании 1930 года не удалось.

2 марта 1930 года «Правда» опубликовала статью И.В.Сталина «Головокружение от успехов», в которой он, с одной стороны, осуждал перегибы, «искривления», нарушение принципов добровольности коллективизации, жестко обвинял местных работников в спешке и «головотяпстве», а с другой - обязывал местных работников «закрепить

³¹⁴ Газета «Правда», 1988, 26 августа.

³¹⁵ Журнал «Туркмен Архиви», 1993, №1, с.60.

достигнутые успехи и планомерно использовать их для дальнейшего движения вперед»³¹⁶.

К 1 мая 1930 года в ТССР насчитывалось 623 колхоза, объединявших 25,9 процента хозяйств³¹⁷. Это было на одну треть меньше, чем в феврале того же года.

Частичное объяснение этому дал сам Сталин в статье «Головокружение от успехов». «Известно, что в ряде районов Туркестана, - писал он, - были уже попытки «догнать и перегнать» передовые районы СССР путем угрозы военной силой, путем угрозы лишить поливной воды и промтоваров тех крестьян, которые не хотят пока что идти в колхозы»³¹⁸.

В некоторых хозяйствах Керкинского округа принудительно обобществляли продуктивный скот, запрещали его продавать, не разрешали вынести на базар даже курицу. В Чарджоуском округе обобществляли верблюдов, в ряде колхозов Каахкинского района - молочный скот. Причем это делалось без учета кормовой базы, наличия скотных дворов и помещений, что вызвало падеж животных. Пострадавшие дайхане имели полное основание заявлять: «Нас сначала обманом записали в колхоз, теперь отбирают скот, а потом отберут и имущество»³¹⁹.

Давление на дайхан оказывалось и через землеустроительные органы, которые были «величайшим принудительным фактором для вхождения в колхоз». Если единоличные хозяйства не желали вступать в колхоз, то их переселяли на худшие или неосвоенные земли. Было немало случаев, когда у дайхан-единоличников отбирали плодородные земли, выделяя им взамен засоленные и плохие участки. Единоличники были вынуждены подавать заявления о вступлении в колхоз. Практика землеустройства «извращалась» подобным образом в Саятском, Ашхабадском районах, в долине Мургаба и других местах³²⁰.

Государственные органы, кооперативы и прочие снабженческие организации проявляли равнодушие к нуждам новоиспеченных колхозников. Часто в аульной кооперации в течение продолжительного времени не было чая, сахара, масла, керосина и т.д. Во многих районах Мервского, Чарджуйского, Ташаузского, Керкинского округов плохо было поставлено снабжение хлебом, к примеру, в Байрам-Алийский и Мервский округа завозили муку низкого качества. Это вызывало недовольство хлопкоробов, надеявшихся вместо выращенного ими хлопка-сырца получить хлеб. Не

³¹⁶ И.В.Сталин. Сочинения, т.12, с.191-199.

³¹⁷ Журнал «Туркмен Архиви», 1993, №1, с.54.

³¹⁸ И.В.Сталин. Сочинения, т.12. с.195.

³¹⁹ Журнал «Туркмен Архиви», 1993, №1, с.55.

³²⁰ Там же, с.56.

случайно в Серахском районе перебои в снабжении хлебопродуктами послужили поводом для выхода многих дайхан из колхоза.

В Керкинском районе в обязательном порядке переселяли в колхоз, угрожали милицией, применением военной силы, заявляя: «Кто не идет в колхоз, тот враг Советской власти». В ауле Шордепе Мервского района бедняков созвали на собрание и держали их до тех пор, пока они не «изъявили желания» записаться в колхоз. В ауле Араки Чарджуйского округа уполномоченный райкома пригрозил дайханам: «Если вы не запишитесь в колхоз, мы заставим вас сеять только хлопок, не позволим засеять пшеницей ни одного фунта, и вы умрете с голоду». Председатель Дейнауского райисполкома арестовал как «агитаторов» всех выступивших против колхоза. В Куния-Ургенчском районе инструктор Галямов демонстративно завел два списка – «белый» и «черный». В первый записывал желающих вступить в колхоз, во второй - не желающих или колеблющихся. Дайхане, боясь попасть в «черный список», записывались в колхоз против своего желания. В Мервском районе всем, кто не соглашался с принудительной практикой вовлечения дайхан в колхозы, пригрозили: «Не вступите - лишим хлеба, воды и земли», а когда дайхане обращались в суд, то он оказывался на стороне нарушителей закона, штрафуя потерпевших³²¹.

Продавец кооперативной лавки мог не отпустить дайханину хлопкового масла лишь потому, что он не записался в колхоз. Билетный кассир на станции Безмеин продавал билеты для проезда по железной дороге только колхозникам. В поселке Хивебад Каахкинского района, организуя колхоз, вынесли решение выселить из поселка членов семьи двух хозяйств... за религиозные убеждения, а тем, кто не вступил в колхоз, пригрозили сослать в Соловки и лишит избирательных прав.

Во вновь созданных колхозах была низка организация труда, заработки мизерны, колхозникам запрещалось использовать выходные дни, в базарные дни им не разрешалось выезжать из села. Чашу терпения верующих переполнили закрытие мечетей, запреты совершать намаз, брачные обряды, панихиду, соблюдать уразу.

Политика властей вызвала резкое недовольство населения, проявившееся в форме выхода из колхоза, усилившихся оппозиционных настроений, антисоветских высказываний и действий. Наиболее значительные дайханские выступления происходили в земледельческих районах бассейна Амударьи. 4 марта 1930 года в центре села Бешир собрались на сход 800 дайхан, представлявших все колхозы Ходжамбасского района Керкинского округа. Вооруженные палками и лопатами, они

³²¹ Там же, с.57.

требовали распустить колхозы, отменить землеустройство и связанное с ним переселение дайхан, расторгнуть контрактацию по линии шелководческой кооперации и не отбирать у баев тутовые насаждения, выдать для расправы секретаря партийной ячейки и секретных сотрудников ГПУ, выслать из района европейцев и т.д.³²².

Требования толпы, по свидетельству официального источника, не ограничились только роспуском колхозов, а «носили резко выраженный националистический характер». Был тяжело ранен секретарь партиячейки, которому все же удалось скрыться. Были избиты также несколько работников, которых, вероятно, подозревали в сотрудничестве с ГПУ. Подобные сходы-митинги дайхан состоялись и в других селах этого же района, а также в ряде населенных пунктов Ташаузского округа. В этом округе самое крупное выступление имело место в аулсовете Кетли Ташаузского района, где дайхане действовали более решительно. Они разгромили аульную школу, избili нескольких советских работников и дошли до города Ташауза, где выдвинули категорическое требование отмены коллективизации. Сборы дайхан (в основном женщин из аулсоветов Тазе-Базар, Хиязашак, Узбек) с аналогичными требованиями проходили в течение марта и у Ташаузского райисполкома.

Партийные работники, информируя ЦК, отмечали, что организаторы сходов дайхан тщательно продумывали порядок их организации, заранее готовили выступающих и выдвигаемые ими лозунги. Митинги дайхан с лозунгами «Долой Советы», «Нам не нужны аулсоветы и РИК», «Распустить все колхозы» и т.п. проходили в Каахкинском, Тедженском, Мервском, Ашхабадском, Байрам-Алийском, Сарахском и во многих других районах республики.

Признавая, что причиной взрыва возмущения дайхан были «грубейшие искажения в колхозном строительстве», сопровождавшиеся «перегибами» и «извращениями», информаторы ЦК вместе с тем рассматривали выступления дайхан как следствие подстрекательства со стороны баев и духовенства³²³.

Анализ документов тех лет позволяет представить, как проводилась коллективизация, как отнеслись к ней бедняцко-батрацкие и частично середняцкие слои дайханства, поддерживавшие коллективизацию и явившиеся

³²² ЦГАТ, ф.п.1, оп.7, д.200, л.2-16. Эти новые архивные материалы о колхозном строительстве в Туркменской ССР, подготовленные в июне 1930 г. работниками ЦК КП/б/ Туркменистана Поздняковым и Яницким, были опубликованы в 1993 г. кандидатом исторических наук Мухамметгельды Мошевым (см. Журнал «Туркмен Архиви», 1993, №1).

³²³ Журнал «Туркмен Архиви», 1993, №1, с.53,64.

«той социальной силой, которая увидела выход из бедственного положения в колхозах»³²⁴.

Наиболее ущемленными в экономическом отношении оказались середняки. «Социализма вашего не желаем, - заявляли они в Фарабе, - да здравствует частная собственность». Дайхане Мервского района, выступившие на собраниях, не скрывали антисоветских настроений: «Вступив в колхоз, мы забыли вкус плова, наша жизнь стала хуже собачьей. Колхоз - это петля, затянутая на нашей шее». В Ильялинском районе середняк открыто агитировал дайхан: «Советская власть ведет борьбу с Англией, скоро в Туркмении не останется ни одного русского, а поэтому от посева хлопка надо воздержаться»³²⁵.

Под давлением сверху резко возросло число «раскулаченных», «лишенцев» (лишенных избирательных прав). Партия выдвинула лозунг ликвидации кулачества как класса, жертвами которого стали не только кулаки, но и середняки, те, кто шел в колхоз по доброй воле.

В Ашхабадском, Серахском, Бахарденском районах были зарегистрированы акты выселения баев в течение 24-х часов с полной конфискацией имущества, хотя те не совершали никаких преступлений, за которые их следовало бы так сурово наказывать³²⁶. Нередки были случаи, когда подобные меры воздействия применялись и по отношению к середнякам.

Ветеран колхозного движения Мухаметдурды Сахатмурадов, проживавший в 1982 году в колхозе «Москва» Мургабского района, рассказывал автору: «В 1920-х годах на городских базарах Туркменистана ошивалось немало туркмен-люмпенов, прибывших из окрестных туркменских сел. Они свободно говорили и на русском языке. К их услугам в качестве переводчиков часто прибегали работники партийных, советских органов, а также органов ГПУ. Привезет такого переводчика какой-нибудь уполномоченный райкома, окружкома или ЦК, а они как всегда европейцы, и просят перевести свои слова, обращенные к дайханам с призывом вступить в колхоз. Тот перескажет всё по-туркменски и от себя намекнет, дескать, не верьте никому, большевики хотят загнать вас в колхоз, чтобы отобрать ваш скот и имущество. Тут же добавит: лучше сегодня же ночью уходите за кордон. Затем поговорит с людьми для виду, будто ратует за колхоз, а уполномоченному после шепнет: «Все они контра, эти аульные... Убей, в колхоз не хотят. Всем аулом за границу собираются. Надо ночью на их пути

³²⁴ Там же, с.53.

³²⁵ Там же, с.57-59.

³²⁶ Там же, с.62

засаду устроить». И устраивали, чтобы пограбить мирных, ни о чем не подозревавших обманутых дайхан.

О неприятии народом социально экономической политики Советской власти убедительно свидетельствует впечатляющая статистика антисоветских крестьянских выступлений. Только в январе-феврале 1930 года, по неполным данным, произошло 1682 массовых крестьянских восстаний, в которых участвовало около 350 тысяч человек, а в марте только в 13 регионах РСФСР, Белоруссии и Узбекистана было зарегистрировано около 1650 крестьянских выступлений с участием не менее 500 тысяч чел.³²⁷.

§ 2. ЭМИГРАЦИЯ И ЕЕ ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Одной из форм протеста против советской власти стала эмиграция. Массовая эмиграция коренного населения в сопредельные государства началась еще в годы гражданской войны, когда туркмены целыми аулами переходили в Иран, Афганистан и Узбекистан. На этот отчаянный шаг дайхан вынуждала не только военно-политическая обстановка, но прежде всего социально-экономическая политика большевистских властей.

Причины эмиграции, как и повстанчества, были связаны в частности с хлебной повинностью, массовым убийством туркменских джигитов в Хорезме, проведением карательных экспедиций против местного населения³²⁸ и др. Туркменское население Чарджоу и Керки, бывших владений бухарского эмира, не приняло образования Бухарской республики, и 40 тысяч туркменских хозяйств эмигрировало в Афганистан, угнав с собой сотни тысяч голов скота³²⁹. Это была первая волна туркменской эмиграции.

Вторая волна, более мощная, приходится на годы первой и второй земельно-водной реформ, проведенных в Полторацком и Мервском уездах, к которым, как и к коллективизации, туркменское дайханство не было готово. В ходе второй реформы (1925-1927 гг.) земли и воды были лишены примерно 100 тысяч человек, чьи хозяйства в основном были отнесены к байско-кулацким, часть раскулаченных вынуждена была эмигрировать³³⁰.

Третья, самая большая волна туркменской эмиграции приходится на эпоху сплошной коллективизации. Насильственная коллективизация, а

³²⁷ Газета «Правда», 1986, 26 августа.

³²⁸ Подробно об этом см.: Ш.Ташлиев. Гражданская война и английская военная интервенция в Туркменистане, т. II. Ашхабад, 1975, с.203, 249-250, 255-257.

³²⁹ ЦГАТ, ф. I, оп. 8, д. 297, л. 95-96.

³³⁰ Газета «Туркменская Искра», 1993, 23 августа.

фактически - лишение населения всех средств существования, преследование и разгром дайханства, физическое уничтожение так называемого кулачества вызвали вооруженное сопротивление и массовое бегство за рубеж³³¹. С января по май 1930 года из Туркменской ССР эмигрировало за пределы СССР почти 1100 хозяйств, в другие районы СССР – 243, не считая 326 человек, задержанных при попытке перейти границу. Подавляющее большинство из них составляли середняки, бедняки и батраки³³². В 1931 году за границу переселилось уже около 10 тысяч хозяйств³³³.

«В течение тридцатых годов, вплоть до закрытия государственной границы, туркмены переходили ее целыми семьями, - вспоминает Герой Социалистического Труда Джумакули Махрамов, возглавлявший в Керкинском районе один из передовых колхозов. – Впрочем, люди уходили и после того, как границу «закрыли на замок». Бежали все, кто имел верблюда или лошадь с арбой, погрузившись на них с семьей и имуществом. Но в моем бедняцком хозяйстве не было и захудалого ишачка, чтобы прихватить нехитрый скарб. Так я остался здесь, утешая себя надеждой уйти в Афганистан, где и поныне живут мои родичи»³³⁴.

Общее число эмигрантов этого периода составило не менее 150 тысяч человек³³⁵. Это около 20% туркменского населения. С 1928 по 1933 год за рубеж было угнано более двух третей овец, больше половины крупного рогатого скота, более трети лошадей, три четверти верблюдов³³⁶.

Одновременно широкое распространение получила «самоликвидация» хозяйств, выразившаяся в массовом убое или распродаже скота и других средств производства, что нанесло большой урон экономике Средней Азии³³⁷. В 1926 году в Туркменистане имелось свыше двух миллионов голов овец, 88 тыс. лошадей, 351 тыс. голов крупного рогатого скота, 270 тыс. верблюдов, а к 1934 году осталось: овец, включая и коз, - 961,6 тыс., лошадей - 54,2 тыс., крупного рогатого скота - около 139 тыс., количество верблюдов не известно. После победных реляций о проведении сплошной коллективизации план заготовки хлопка республикой в 1932 году был выполнен лишь на 69,3

³³¹ Там же.

³³² Журнал «Туркмен Архиви», 1993, №1, с.65.

³³³ ЦГАТ, ф.2, оп.1, д.335, л44.

³³⁴ Из воспоминаний Д.Махрамова, записанных мною в 1971 году.

³³⁵ Эту цифру приводит Ш.Кадыров, отмечая, что снижение общей численности народонаселения Туркменистана произошло в годы первой пятилетки (1926-1932 гг.) в основном за счет сельских жителей (см. Ш.Х.Кадыров. Демографические изменения в Туркменистане в 1880-1980 гг. Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ашхабад, 1984, с.12-13).

³³⁶ Газета «Туркменская Искра», 1993, 23 августа.

³³⁷ А.А.Росляков. Средазбюро ЦК ВКП/б/. Вопросы стратегии и тактики, с.286.

процента. С государственным заданием сдачи хлопка-сырца не справились и в 1937 году³³⁸.

Села захлестывала волна произвола и насилия. В инструкции ЦК ВКП/б/ и СНК от 8 мая 1933 года, разосланной партийным и советским организациям, Сталин и Молотов признавали: «Арестовывают председатели колхозов и члены правлений колхозов. Арестовывают председатели сельсоветов и секретари ячеек. Арестовывают районные и краевые уполномоченные. Арестовывают все, кому не лень, и кто, собственно говоря, не имеет права арестовывать. И неудивительно, что при таком разгуле практики арестов органы ОГПУ, и особенно милиция, теряют чувство меры и зачастую производят аресты без всякого основания, действуя по правилу: «сначала арестовать, а потом разобраться»³³⁹.

Арестовывали прежде всего кулаков, баев и помещиков, кстати, последняя категория зажиточных людей «отыскалась» даже в Туркменистане. Раскулачиваемые делились на три категории. К первой относился «контрреволюционный актив» - участники антисоветских и антиколхозных выступлений (сами они подлежали аресту, а их семьи - выселению в отдаленные районы страны). Ко второй – «крупные кулаки и бывшие полупомещики, активно выступавшие против коллективизации» (их выселяли вместе с семьями в отдаленные районы). И, наконец, к третьей – «остальная часть кулаков» (они подлежали расселению специальными поселками в пределах районов прежнего проживания)³⁴⁰.

Люди, сосланные в другие районы СССР, на долгие годы оторванные от родных мест, по сути, тоже находились в эмиграции, но во внутренней.

«Высылали без разбору, даже бедняков, - рассказывал Акмурат Халлыев, проживающий ныне в селе Ярыгеокча Бабадайханского этрапа, - потому что баев и кулаков не хватало, а разнарядку, спущенную "сверху", надо было выполнять. Вот и хватали всех подряд, в первую очередь неудобных. Жил у нас в ауле Сазак Байрам, бедняк, но правдолюбец, мог резать правду-матку в глаза любому, будь то дайханин или председатель колхоза, или начальство районное. На беду гостил у него двоюродный брат Гельды, приехавший из Мары, где тогда было голодно. Помогал он брату в его маленьком хозяйстве. Байрама обвинили, будто он чужой труд эксплуатирует и выселили. Таких «эксплуататоров» и «кулаков» набрался в Теджене целый двор. Держали их там под стражей и вскоре всех сослали: кого - в Казахстан, кого - в Узбекистан. Многие из них домой не вернулись,

³³⁸ ТССР в цифрах, с.92; 15 лет Туркменской ССР. Статистический сборник. Ашхабад, 1939, с.41-43.

³³⁹ Газета «Правда», 1988, 16 сентября.

³⁴⁰ Там же.

погибли на чужой стороне. А бедняк Сазак Байрам пострадал за свой правдолюбивый характер. И сколько таких - не счесть...»

К концу 1931 года из Средней Азии было выслано почти 7 тысяч семей. Если на 1 января 1932 года среднеазиатских спецпереселенцев насчитывалось 10471 человек, то ровно через год их число возросло почти до 30 тысяч, не считая 4 тысяч умерших и свыше 7 тысяч бежавших. А на 1 января 1934 года спецпереселенцев из Средней Азии состояло на учете уже немногим более 12 тысяч, но зато за этот год в общей сложности умерло, бежало и «убыло по прочим причинам» 20049 человек³⁴¹.

В 1930-1932 годах число дайханских хозяйств в Туркменистане сократилось на 15,6%, а в приграничных районах - на 37,8%³⁴².

12 сентября 1945 года редактор Чарджоуской областной газеты «Газе Йол» Мухамеднур Союнов обратился с письмом к тогдашнему секретарю ЦК КП/б/ Туркменистана М.М.Фонину с просьбой поставить вопрос перед союзным правительством о возвращении 200-300 тысяч туркмен, вынужденно покинувших родину в 1931-1932 годах. Он просил решить этот вопрос путем дипломатических переговоров с правительствами Ирана и Афганистана (копия письма хранится в личном архиве кандидата экономических наук Б.Союнова, сына покойного М.Союнова). Следует отдать должное мужеству М.Союнова, осмелившегося в те годы поднять эту проблему, рискуя быть обвиненным в «национализме».

§ 3. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ДИСКРИМИНАЦИИ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА

У кавказских народов и по сей день есть обычай: носить кинжал - символ мужского достоинства. Туркмены тоже некогда носили национальные ножи. Но советские законы, запретив ношение холодного оружия, лишили нас этого знака мужской гордости, и мы с этим почему-то легко смирились.

Немалую роль в развитии страха перед властью, покорности у туркмен сыграли ханжество и двуличие некоторых религиозных деятелей, родовых вождей и аксакалов, не сумевших перешагнуть через свои корыстные интересы. В годы гражданской войны, возможно, и раньше они распространили в народе идеи примиренчества, соглашательства с властями. «Они говорили, - рассказывал Гоша Какабаев (внук Гаипназар Ходжаназар-бая), проживающий в Бабадайханском этрапе, - что надо подчиняться и

³⁴¹ Там же, с.120,123.

³⁴² Газета «Туркменская Искра», 1993, 23 августа.

повиноваться всяким властям, независимо кто стоит над тобой, белый падишах или большевистский комиссар. Того, кто не принимал эту идею, проклинали, объявляя кафыром». Эта беспринципность, граничащая с предательством, исходила от национальных «верхов», продемонстрировавших, что им безразлично кому прислуживать - монархистам или большевикам, лишь бы не ущемлялись их интересы...

Созданная большевиками Туркменская ССР на первых порах призвала к сотрудничеству интеллигентов, живущих не только в Туркменистане, но и за его пределами. Многие туркмены, поверив заверениям партии и правительства о строительстве новой жизни, о необходимости их знаний, вернулись на родину. Лишь позднее выяснится, что эти люди будут жестоко обмануты. А пока О.Вафаев, О.Шамурадов, Н.Н.Иомудский, С.Овезбаев, К.Бердыев и многие другие, окончившие светские и духовные учебные заведения Константинополя, Анкары, Петербурга, Москвы, Казани, Бухары, Оренбурга, старались быть полезными своему народу, щедро делиась с ним знаниями и опытом.

Высокообразованным человеком был Сеитмурад Овезбаев. Он знал на память все суры Корана, свыше 200 стихотворений классиков, в том числе Махтумкули. В то же время он считал недостаточным знание лишь восточной культуры, восточных языков, к примеру, фарси, арабского и туркменского. По его мнению, интеллектуалом мог считаться лишь тот, кто впитал в себя и западноевропейскую культуру, владеет европейскими языками. Овезбаева арестовали, обвинив в принадлежности к мифической подпольной антисоветской организации.

Сеидмурад был незаурядной личностью с трагической судьбой. Родился он в ахальском ауле Изгант, в семье Овез-бая, прозванного Геокленом, вероятно, из-за принадлежности к этому знаменитому племени, давшему туркменам Махтумкули. Окончил аульный мектеб и русско-туземную школу в Кеши, а затем - Оренбургский кадетский корпус и Елизаветградское военное училище, дослужился до звания штабс-ротмистра русской армии³⁴³.

В кадетский корпус Сеидмурад был отдан на казенный счет генерал-губернатором Туркестана Куропаткиным. Это свидетельствует о том, что отец Сеидмурада был не очень состоятельным человеком. Позднее Сеидмурад служил в Туркменском конном дивизионе, представлял русское правительство в Иране, с началом Первой мировой войны в составе Туркменского (Текинского) конного полка воевал на австрийском фронте, в Буковине. Отличался храбростью, был награжден Орденом Святого

³⁴³ ГАРФ, ф.446, оп.2, д.56, л.13-15.

Станислава III степени с мечами и бантами, Орденом Святой Анны III степени с мечами. Получив в бою контузию, был эвакуирован в тыл, после излечения откомандирован в Туркменский запасной эскадрон. Позже все эти заслуги перед Родиной будут поставлены ему в вину.

На допросах Овезбаев вел себя достойно, не скрывал своей биографии.... Да, он после белогвардейского мятежа, приведшего к власти и национальные силы, командовал Ахалским полком, сражавшимся против красных, пользовался покровительством Ораз Сердара, уважением Махтумкули-хана, хана Иомудского, Кайгысыза Атабаева.... Да, это его, 29-летнего боевого офицер, заочно избрали военным министром Кокандской автономии.

Удивительно, что при двух различных режимах отношение к таким людям, как Овезбаев, было одинаковым: деникинская контрразведка, не спускавшая с него глаз, завела досье на штабс-ротмистра, в основу которого легли компромат материалы еще царской охранки, а в агентурной разработке ГПУ «Просвещенцы» он также проходил основным «объектом». У «красных» он считался «белым», а у «белых» – «красным», так как служил Советам. Но службу нес честно, считая, что служит своему народу, хотя не соглашался с национальной политикой Советской власти, выступал против многих ее начинаний, оставаясь в душе туркофилом. Хотя иногда русофилство в нем перевешивало (видно, сказывалось русское воспитание). Овезбаеву претило видеть свою родину под властью чужеземцев - будь то русский царизм, английский капитализм или «красный» большевизм. Он мечтал о самостоятельном, независимом туркменском государстве³⁴⁴.

Начиная с 1919 года Овезбаев работал в различных советских учреждениях. О том, чтобы принять его на военную службу, и речи быть не могло – бывшим белогвардейцам Совету не доверяли. Однако он немало сделал на ниве просвещения, ездил в Баку, откуда привозил учебники (Туркменистан в то время еще не имел школьных учебников на туркменском языке), организовал приезд в республику учителей-азербайджанцев, готовил учительские кадры для вновь создаваемых аульных школ и даже непродолжительное время занимал пост наркома просвещения, пока не спохватилось ГПУ. Осведомители доносили: Овезбаев, находясь вне рядов партии, критикует политику большевиков, выступает с «неприемлемыми предложениями» по вопросам налогообложения, строительства в песках колодцев³⁴⁵, направленными на подрыв советского строя, на оказание помощи басмаческому движению в Каракумах.

³⁴⁴ Там же, л.77.

³⁴⁵ Архив КНБТ, д.П48577, т.2, л186-191.

В кругу друзей Овезбаев не скрывал своей оппозиционности к большевикам: «Женские школы, интернаты, - заявлял он, - это дома разврата, дома терпимости. В нашем обществе равноправия не существует, социализм строится руками и силой органов ГПУ. Сотрудники этого учреждения живут так, как жили прежде царские генералы. У них отдельные закрытые столовые, они хорошо одеваются, вкусно едят. А рабочие и дайхане в то же время вынуждены за куском хлеба целыми днями выстаивать в очередях»³⁴⁶.

Овезбаев не мог не знать, что к середине 1920-х годов жалованье народных комиссаров и ответственных работников значительно выросло по сравнению со средней зарплатой - наивысшая ставка ответственного партийного работника составляла 175 рублей, в то время как средняя зарплата промышленного рабочего - примерно 50 рублей. Партийные и государственные чиновники в периоды острого дефицита продовольствия и товаров включались в категории работников, пользовавшихся преимущественным снабжением, а также благами, которых были лишены другие³⁴⁷.

Со временем «бывшим» открыто перестали доверять, объявив «врагами народа». Вместе с ними в жернова репрессий угодили и те, кто с ними общался, был близок. Взяли под стражу учеников Овезбаева и даже учителей-азербайджанцев, приехавших в республику обучать туркменскую молодежь.

Страшные Соловки, где Овезбаева обложили бесчисленными осведомителями, не сломали его волю. В лагере он сблизился с К.Бориевым, Б.Назаровым, с которыми возглавил движение заключенных за элементарные человеческие права, требуя не ограничивать переписку с родственниками, не препятствовать получению передач и посылок, оградить от произвола уголовников, терроризировавших политзаключенных по наущению администрации³⁴⁸. С.Овезбаев стал признанным лидером этого страшного лагеря. Он в меру своих сил помогал товарищам по несчастью, откликался на их просьбы и нужды, не скупился на советы. Начальник соловецкой тюрьмы, приставивший к Овезбаеву нескольких стукачей и провокаторов, доносил начальству: «Овезбаев проявляет себя в своих высказываниях как ярый националист и непримиримый враг Советской власти, резко критикует все политические мероприятия советского правительства, с нетерпением ждет

³⁴⁶ Там же, т.4, л.102,162.

³⁴⁷ М.Мэтьюз. Становление системы привилегий в Советском государстве. – Журнал «Вопросы истории», 1992, №2-3, с.48-49,60.

³⁴⁸ Архив КНБТ, д.П48577, т.7, л.13. Когда заключенные одной из форм протеста намеревались избрать коллективную голодовку, Овезбаев счел благоразумным воспротивиться такому решению: «Голодовкой ничего не добьетесь, агитировал заключенных Овезбаев, - доносил сексот по кличке «Ханака». - Зачем врагу своим страданием удовольствие доставлять и лишний компромат против себя же» (Там же).

падения существующего строя. Распространяет клеветнические измышления о вожде народов товарище Сталине, не приемлет его и соратников, насмехается над ними и вождем»³⁴⁹.

Такого представления было достаточно, чтобы 9 октября 1937 года на заседании особой тройки Управления НКВД Ленинградской области С.Овезбаев был приговорен к высшей мере наказания - расстрелу. В тот же протокол вписали и фамилию К.Бориева. Приговор привели в исполнение в один день - 27 октября 1937 года.

С необычной биографией вошел в историю и другой сын туркменского народа Абдылхеким Кульмухаммедов (1879-1931), родившийся на берегах Амударьи в семье видного ахуна. До Октября он окончил в Константинополе институт по изучению Востока, позже в Ленинграде под руководством академика А.Н.Самойловича завершил аспирантуру. Человек энциклопедических знаний, он свободно владел несколькими восточными и европейскими языками. В годы революции и гражданской войны во главе сформированного им красногвардейского отряда изгонял из Закаспия белогвардейцев, участвовал в боях за Бухару, где после свержения эмира была провозглашена Бухарская Народная Советская республика, в правительстве которой занял пост военного министра, стал членом Ревкома, работал под руководством М.В.Фрунзе. За заслуги перед революцией был награжден орденом Бухарской республики – «Золотая Звезда».

Но вдруг в судьбе А.Кульмухаммедова наступил крутой поворот: правительство Бухары, находившееся под контролем большевиков, обвинило его в надуманных политических ошибках ("националистических" проявлениях, симпатиях к джадидизму), в отношении него возбудили уголовное дело. Кульмухаммедов, не дожидаясь ареста, бежал в Афганистан. Вскоре правительство Бухарской республики объявило амнистию, и Кульмухаммедов возвратился в Полторацк (Ашхабад), где в 1924 году назревало важное событие – провозглашение Туркменской ССР.

В условиях острой нехватки грамотных кадров он был выдвинут на должность заместителя редактора республиканской газеты «Туркменистан» и одного из редакторов сатирического журнала «Токмак», собравшего вокруг себя литературные силы, ставшие основой созданного вскоре Туркменского научно-литературного общества (ТНЛО). В ТНЛО вошли государственные и общественные деятели, ученые, переводчики, а также съехавшиеся в столицу

³⁴⁹ Там же, л.1. Бориева и Овезбаева расстреляли, несмотря на то, что администрация лагеря, готовя против заключенных какую-то крупную провокацию, намеревалась завербовать друзей в сексоты, чтобы использовать их в своих грязных целях. С.Овезбаеву даже придумали псевдоним «Белый». Но попытка чекистов не увенчалась успехом, Овезбаев и Бориев наотрез отказались сотрудничать с «оперативниками» и доносить на своих товарищей.

со всех концов республики молодые поэты, писатели, представители местной интеллигенции: Б.Кербабаев, К.Бориев, К.Бурунов, братья Какаджан и Бекки Бердыевы, С.Овезбаев, Ш.Керими, Б.Перенглиев, М.Гельдыев, М.Исмаилов и другие. Культурно-просветительская деятельность этой общественной организации впоследствии послужила органам ГПУ поводом для фабрикации дела в отношении членов мифической подпольной организации «Туркмен Азатлыгы».

Помимо общественной деятельности А.Кульмухаммедов плодотворно трудился как поэт и прозаик, литературный критик и историк, публицист, переводчик и лингвист. Благодаря его поискам было собрано около 70 оригинальных рукописей древних авторов.

В конце 1920-х - начале 1930-х годов над молодой туркменской интеллигенцией сгустились грозные тучи. На страницах печати все чаще мелькали имена известных литераторов, группировавшихся в ТНЛО, их подвергали остракизму, искусственно противопоставляли друг другу, деля на два лагеря – «белых» и «черных», открыто называя вторых «врагами народа». В число последних вместе с Б.Кербабаевым занесли также А.Кульмухаммедова, О.Вафаева, К.Бурунова и многих других.

В 1931 году была сформирована бригада ЦК ВКП/б/ и ЦК КП/б/Т, проверявшая состояние туркменской культуры, которая вынесла вердикт: сборник статей Кульмухаммедова «Лучи надежды» является произведением, проникнутым националистическим духом, а его автор - ярый националист, выразитель антипролетарского течения в туркменской литературе, классовый враг³⁵⁰. Такое заключение было равносильно смертному приговору.

В январе 1932 года стало известно «о предательстве» Кульмухаммедова: «В ночь с 11 на 12 июля 1931 года при попытке перехода границы Кульмухаммедов в момент задержания покончил с собой»³⁵¹. Лишь полгода спустя власти решились объявить о гибели поэта. По предположению некоторых исследователей, А.Кульмухаммедова, отдыхавшего в Фирюзе, обманом вывезли к границе и там расстреляли³⁵².

Трагическая история связана и с именем другого представителя туркменской интеллигенции Оразмурада Шамурадова. Согласно данным из постановления коллегии ОГПУ от 10 мая 1933 года, О.Шамурадов, 1886 года рождения, уроженец аула Мюджеур Байрамалийского района ТССР, с высшим образованием, был обвинен в принадлежности к подпольной организации, позднее - освобожден из-под стражи «с зачетом в срок

³⁵⁰ Журнал «Туркменоведение», 1931, №7-9, с.14.

³⁵¹ Архив КНБТ, д.П48577, т.12, л.222.

³⁵² Журнал «Туркмен дили ве эдебияты», 1992, №1(2); с.49; М.Соегов. Он чынар. Ашхабад, 1993, с.29.

наказания времени нахождения в заключении в ходе предварительного следствия». Отсидев во внутренней тюрьме Ташкента год с лишним, О.Шамурадов оказался на свободе. Незадолго до ареста он вернулся из Архангельской губернии, отбыв там трехгодичную ссылку³⁵³.

Шестнадцать лет его жизни прошли на чужбине. До отъезда в Турцию он окончил медресе в Бухаре. По возвращении на Родину обвинений ему серьезных не предъявили, но, на всякий случай, все же решили сослать. Биография Шамурадова вызывала подозрения у ГПУ. Почему Шамурадов и еще 24 юноши из Мерва поехали учиться в Турцию? Из каких соображений Ходжамберды-бай Махсум взял на себя все заботы о студентах? Зачем Шамурадову понадобилось заканчивать два вуза? Подозрение вызывало и то, что, женившись на 16-летней турчанке Садат, он принял приглашение из Сирии и поехал в Бейрут преподавать в одном из тамошних вузов³⁵⁴.

В 1924 г. Шамурадов добился возвращения на родину с женой и двумя детьми, родившимися на турецкой земле. Вернулся с твердой решимостью строить новую жизнь, надеясь, что его знания пригодятся родному народу, но не успел оглядеться, как оказался в ссылке, в далеком холодном краю.

Выйдя из ташкентской тюрьмы, Шамурадов и не мечтал о преподавании на рабфаке, где успел поработать короткое время между ссылкой и вторым арестом. С трудом он устроился в колхоз, пригодилась вторая специальность шелководы, приобретенная в Турции. Через несколько лет О.Шамурадова, третируемого и преследуемого, арестовали в третий раз и 14 января 1938 года расстреляли.

В одном ряду с другими репрессированными туркменскими интеллигентами стоит Оразмамед Вафаев, расстрелянный в 1937 г. Он родился в 1885 г. в прикаспийском селе Кизылсу в семье пастуха из рода геоклен племени ших. Отца Оразмамеду в свое время похитили *аламаницики* (разбойники) и продали в неволю крупному скотоводу Шихымбаю, у которого тот прожил до самой смерти, так и не откупившись³⁵⁵. Когда Оразмамеду исполнилось пять лет, мать, предприимчивая женщина и искусная ковровщица, отдала сына в медресе. Окончив его, он подался в Бухару в медресе известного Ибрагима ахуна, по окончании которого вернулся в Кизылсу. Грамотного и способного юношу в народе прозвали Молла Джэдджик. Вскоре Оразмамед, решивший продолжить образование,

³⁵³ Архив КНБТ, д.П8577, т.4, л.305.

³⁵⁴ Там же, л.358. Те из 24 юношей, которые вернулись на родину, были тоже репрессированы, недаром следователь, допрашивавший О.Шамурадова, дотошно расспрашивал обо всех его сверстниках, учившихся с ним в Турции. Под моральным и физическим давлением следователя этот список увеличился до 34 человек, которых не замедлили отнести к «контрреволюционной группировке, деятельно участвующей в антисоветской деятельности».

³⁵⁵ Архив КНБТ, д.П48577, т.3, л.49.

при материальной помощи и поддержке челекенского торговца Сеидходжа Бекова отправился в Батуми, отыскал там турецкого консула и, скрытно приняв турецкое подданство, тайком от царской охранки выехал в Анкару на деньги, выданные консулом. В Турции его тепло принял глава «Тюрк оджагы» Хамдуулла Субхи-бей, помог устроиться на учебу в *султанию* (среднее учебное заведение). Проучившись там четыре года, О.Вафаев поступил на юридический факультет Константинопольского университета³⁵⁶.

В самый разгар Первой мировой войны О.Вафаев завершил учебу в Константинополе. Турция, воевавшая на стороне Германии, после Октябрьской революции ввела в Баку свои войска. Тогда же турецкое командование, присвоив Вафаеву офицерское звание, отправило его в Баку вместе с десятью бывшими сокурсниками из Средней Азии в распоряжение турецкого штаба, имевшего при себе так называемое Туркестанское отделение, возглавляемое выходцем с Кавказа Сальманом Мумтазом³⁵⁷, по всей вероятности, азербайджанцем.

Приблизительно в середине 1918 года Вафаев по поручению турецкого командования направляется в Закаспий с секретным письмом, предназначавшимся Ораз Сардару Овезбаеву и Ходжа Гельды³⁵⁸, возглавляющим национальные силы. Послание призывало туркмен не поддерживать англичан и белогвардейцев. Вафаев, разведав настроения и позиции национальных кругов, решил обратиться к С.Овезбаеву. Тот, благосклонно выслушав Вафаева, попросил прийти за ответом через три дня. Вручая ходоку ответ, Овезбаев сказал, что он и стоящие за ним силы поддерживают линию турок и делают все для того, чтобы изгнать с родной земли интервентов и установить свою национальную власть³⁵⁹. Тогда же, как свидетельствовала в 1956 году Дестегуль Иомудская, Вафаев приехал на остров Челекен в форме турецкого офицера и предложил Н.Н.Иомудскому войти в контакт с турецким командованием, повести работу среди туркменского населения за присоединение его к Турции как к единокровному мусульманскому государству. Иомудский предложения не принял³⁶⁰.

Вскоре турецкие войска, покинув Баку, вернулись в Турцию. Вафаев подался в Кизылсу, поселился у родного брата Аннамамеда. Оставили Закаспий и английские войска. На смену белогвардейскому правительству пришли Советы, испытывавшие потребность в образованных и грамотных кадрах. В 1920 году О.Вафаев вместе с приехавшими в Красноводск

³⁵⁶ Там же, л.50.

³⁵⁷ Там же, л.49.

³⁵⁸ Так в тексте документа, вероятно, имеется ввиду Хаджимурат.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Там же, т.12, л.173.

И.А.Паскуцким и С.Овезбаевым поехали в Баку за учебниками и учителями-азербайджанцами. Вернувшись оттуда, по предложению С.Овезбаева, ведавшего народным образованием Закаспия, работал учителем, инструктором аульных школ, затем - народным судьей Красноводска, с 1923 года- председателем Ашхабадского, а позднее - Ташаузского окружного суда. Работая на ответственных должностях, Вафаев смело высказывал свои взгляды: в кругу друзей, среди сослуживцев, на собраниях и даже на страницах печати, выступая под псевдонимом «Балыкчы» (Рыбак).

В 1920-х годах в короткий период до и после национального размежевания в Туркменистане установилась «золотая пора», когда не возбранялось открыто высказывать свое мнение, если даже оно расходилось с официальным³⁶¹. Вафаев, выражая мнение своих коллег, критиковал государственную политику в области народного образования, отмечая, что власти предпочитали больше открывать русских школ, нежели туркменских, и что в учебные заведения Средней Азии принималось мало представителей коренных национальностей. Туркменистан не может развиваться при существующем строе, считал он, ибо республика во всем, как в политических, так и в экономических вопросах, подчинена Центру, ущемляющему национальные интересы коренного населения. Основная масса населения настроена не в пользу советского строя и проводимой большевиками политики. По мнению Вафаева, советская власть в Туркменистане в своей нынешней форме продолжительное время существовать не сможет. Должно быть сформировано новое туркменское правительство, состоящее из национальной интеллигенции и торговой буржуазии³⁶².

О.Вафаев - глубоко верующий человек, с благоговением относился к исламу. Антирелигиозная политика Коммунистической партии вызывала у него резкий протест. «Религия должна занять подобающее место в жизни страны, - заявлял Вафаев. - Молодежь должна воспитываться в религиозно-национальном духе.... Нет ни одной нации, которая не имела бы своей

³⁶¹ Архив КНБТ, д.П48577, т.3, л.165. Такая ситуация продолжалась недолго. Большевики, укрепляя режим партийной олигархии, периодически проводили чистки, расправляясь с потенциальными диссидентами в партии и в народе. Критически мыслящего человека могли объявить «националистом» или «шовинистом», «оппозиционером» или «контрреволюционером», исключить из партии, уволить с работы, арестовать, сослать. По словам О.Вафаева, К. Бориев, работавший тогда директором Туркменгосиздата, прочитав в рукописи его стихотворение со словами «Нация пробудилась и идет к знаниям», посоветовал заменить слово «нация» на «пролетариат» или «трудящиеся», намекнув, что за одно только это слово могут обвинить в национализме (Там же, т.3, л.165).

³⁶² Там же, т.4, л.2,211.

религии. Она способствует сохранению и развитию лучших качеств в человеке. Уничтожение религии уничтожит все лучшее в человеке»³⁶³.

У Вафаева была своя точка зрения и на положение женщины в обществе. Он считал, что женщина - не работница и не общественный деятель. Она – мать, жена, хранительница семейного очага и потому не должна заниматься общественной работой, политикой, так как по своим физическим и умственным способностям не приспособлена к такому роду деятельности. Выдвижение женщин на общественную работу, по мнению Вафаева, не укрепляет семью, наоборот, способствует ее распаду, развращению хранительницы очага³⁶⁴.

Подобные взгляды, разумеется, никто открыто не поддерживал, а в партийных органах суждения «крамольника» с партийным билетом вызывали раздражение. Секретарь ЦК КП/б/Т Сахатмурадов обрушился на Вафаева серией статей, опубликованных в республиканской печати. Каких только ярлыков на него не навешивали: «пантюкист», «националист», «шариатист», «человек, примазавшийся к партии», «казы», «духовник», ничего не знающий, кроме Корана. Травля велась и в личном плане: дескать, соблюдает предписания адата и шариата, придерживается «отсталых, реакционных» обычаев и т.п.³⁶⁵.

Как известно, в 1918 году советская власть приняла декрет о свободе совести, проникнутый духом уважительного отношения к чувствам верующих. Но с годами этот документ предали забвению. В Туркменистане не составило труда разрушить все мечети, растащить по кирпичику памятники старины, предать огню старинные фолианты, рукописи, написанные на арабском, фарси, старотуркменском алфавите, а их владельцев расстрелять или сослать.

Помню как в моем родном селе из соседнего дома, где жил известный всей округе образованный человек Бекджан-молла вывезли на арбе целую гору старинных книг, рукописей, а самого хозяина арестовали. Никогда не забуду, как тяжелые книги в добротных массивных переплетах падали на раскисшую от дождя землю, прямо в грязь, а трое молодцов в кожанках, следовавших за повозкой, не пытались их поднять, наоборот, громко смеясь, прыгали по ним, как по кочкам, боясь запачкать начищенные сапоги. В городе Байрам-Али под рабочий клуб и танцплощадку был отдан храм святителя Алексея, после его заняли под общепитовскую столовую, а затем во вконец обветшавшем святилище долгие годы размещался склад. В

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Там же, л.212.

³⁶⁵ Там же, л.11.

Чарджоу чуть было не снесли шиитскую мечеть, построенную в 1915-1917 годах, но позже ее все же отдали под музей³⁶⁶.

В 1970-х годах город Кушку украшала красивая церковь, возведенная в конце XIX века. Однажды, кажется, в начале 80-х годов, приехав туда к вечеру, я встретился с первым секретарем райкома партии. Войдя в кабинет секретаря в новом двухэтажном здании, залитом ярким светом, после обмена приветствиями, шутя, спросил: не шокирует ли его, атеиста, соседство с церковью? Собеседник улыбнулся и с гордостью произнес: «А мы на том месте здание райкома построили».

– А церковь? – недоумевал я.

– Снесли, фундамент такой прочный был, и стены... Саперы подрывали. Понимаете, церковь старая была. Да кому она нужна?

Через год-другой случилось ЧП: взорвался один из гарнизонных складов, что по соседству с райкомом, где в тот момент шло заседание, и осколками оконного стекла ранило первого секретаря и его коллег. Вскоре он умер, говорят, от какой-то болезни, в народе же пошла молва: «Бог его наказал за то, что поднял руку на божий храм».

Административное введение в Туркменистане латиницы, а затем кириллицы оторвали туркмен от исторических корней, от многовекового слоя культурных памятников, созданных на основе арабской графике. Коран стал непонятен для многих поколений.

Смена алфавита, внедрение русского языка в качестве языка межнационального общения, ограничения в отношении национальных языков были составной частью имперской русификаторской политики, вольно или невольно ставившей крест не только на исламской вере, но и на национальном быте, народных обычаях и обрядах. Наступили времена, когда запрещалось думать, высказывать свое мнение, гордиться прошлым, историей своего народа, его культурой. Во всем видели проявление национализма. В 1930-х годах отдельные деятели культуры Туркменистана не без команды сверху выступали против «пережитков прошлого»: работники искусства ратовали за запрещение струнных народных инструментов, дескать, они не служат новой культуре; литераторы и филологи вели борьбу против фольклора, объявив его творением эксплуататорских классов, услаждавшим слух богачей, царей и падишахов.

Интересные наблюдения по этому поводу можно найти у молодого исследователя Р.Чарыханова. «В 30-е годы, - пишет он, - в Туркменистане выдвигалась идея отрицания всего старого, в том числе народной мелодии и музыкальных инструментов. На этой волне в далекой от искусства

³⁶⁶ Газета «Правда», 1993, 28 января.

чиновничьей среде велись самые серьезные разговоры об отказе от дутара, на котором якобы нельзя исполнять интернациональную музыку (Был специально заказан дутар, на котором «можно» было играть интернациональную музыку. Один из образцов такого дутара, изготовленного Бяшимом Нурали, сейчас хранится в музее краеведения Туркменистана). Только ценою невероятных усилий известных деятелей искусства удалось это пресечь»³⁶⁷.

У большевистских лидеров любое проявление самобытного, будь то отправление религиозных обрядов или соблюдение национальных обычаев, вызывало аллергию, разряжавшуюся увольнением с работы, исключением из партии, арестом, ссылкой и даже расстрелом. Глубоко верующего Эмира Хаджи Бердыева, дважды совершившего паломничество в Мекку еще до Октября, органы ГПУ сослали в Оренбург, лишили гражданских прав, а через три года его, разменявшего восьмой десяток, арестовали за принадлежность к «подпольной организации». Садыка Ишана Мусы оглы, обвиненного в джадидизме, как духовника также лишили избирательных прав. Ответственного советского работника Касыма Ишанова в 1930 году исключили из партии «за исповедование религиозных обрядов» (он имел неосторожность испробовать привезенную кем-то из Мекки «святую воду»)³⁶⁸.

«Страшное это было время, - вспоминал Ишан Узакбаев, работавший в конце 1920-х годов заведующим Красноводского районного отдела народного образования. - Люди не могли открыто совершать религиозные обряды, молиться, отдать дань уважения усопшему. Даже Кумышали Бориев и Мухаммед Гельдыев, чьих родственников в Джебеле было много, приезжая с соболезнованиями, переодевались в национальную одежду и по ночам украдкой посещали родичей покойных»³⁶⁹.

Под запретом оказались многие старинные национальные обряды и празднества, хотя народ продолжал их сохранять. С опаской соблюдали

³⁶⁷ Р.Чарыханов. Музыкальная культура Туркменистана (1917-1940 гг.). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ашхабад, 1994, с.116.

³⁶⁸ Архив КНБТ, д.П48577, т.1, л.20-21,340,344,347; т.5, л.8. Если прежде трудно было найти мечеть, муллу, то теперь в Туркменистане редкое село не имеет своей мечети. За последние годы построено свыше 200 мечетей, возводится еще 40. В школах изучается Коран. В Туркменском госуниверситете действует факультет теологии, на котором обучаются около 60 студентов. В учебных заведениях Саудовской Аравии, Сирии, Египта, в турецком медресе получают высшее теологическое образование свыше 130 туркменистанцев. На факультете теологии ТГУ предполагается обучать около 400 студентов, а в медресе при нем - еще около 600 учащихся (Газета «Нейтральный Туркменистан», 1996, 4 марта).

³⁶⁹ Из воспоминаний Узакбаева Ишана, записанных мною в поселке Джебел Балканского велаята в январе 1993 г.

обряды и представители интеллигенции, особенно когда это касалось исполнения похоронных обрядов.

Нередко туркменам навязывались чуждые их психологии, жизненному укладу ритуалы. Вплоть до 80-х годов по указанию партийных и советских органов по случаю смерти того или иного общественного или государственного деятеля создавались комиссии по похоронам, норотившие похоронить усопшего «по-европейски»: с митингом, под гром духового оркестра и непременно в гробу. Все же в большинстве случаев в туркменских семьях усопших хоронили с соблюдением национальных обычаев: без гроба, в саване и непременно лицом к святой Мекке.

Обряд обрезания также совершали несмотря ни на какие кары, хотя за это увольняли с работы, изгоняли с руководящих постов, исключали из партии.

"Вредными пережитками прошлого" считались праздники ураза-байрам и курбан-байрам. В дни этих праздников запрещалось резать жертвенных животных, устраивать собрания, слушать бахши и т.д. В 1920-х и даже в 1930-х годах дело доходило до того, что людей, собравшихся послушать известного бахши, могли обвинить в "участии в сборище контрреволюционной организации"³⁷⁰.

Трудно назвать иначе чем духовным террором деятельность комиссий, возникших в застойные годы. Они были созданы под руководством заместителя председателя Совета Министров республики, курирующего культуру. Подобные комиссии, куда вошли и представители интеллигенции, создавались при городских и районных Советах. Здесь сочинялись сценарии «народных празднеств», придумывались «новые» обряды и обычаи, составлялись списки «современных» имен с рекомендациями, какими именами следует и какими не следует нарекать новорожденных. С одобрения ЦК КПТ работа комиссий широко пропагандировалась в печати, по радио и телевидению. Но как показала жизнь, все эти надуманные новшества оказались недолговечными. Народные традиции и обычаи не изобретаются декретами властей, а складываются веками.

Деятельность этих комиссий напоминала аналогичные культурные мероприятия, проводившиеся на заре Советской власти. Об этом вспоминает бывший хяким Эсенгулийского этрапа Хаджихмет Мергенов: "Только из моего родного села, - говорит он, - в начале 1930-х годов ушли за кордон 50 семей лишь потому, что районные власти обязали проводить с дайханами и рыбаками культурно-массовые мероприятия с непременно участим в них женщин и девушек, и чтобы все танцевали на европейский лад - мужчины в

³⁷⁰ Архив КНБТ, д.П48577, т.5, л.27.

обнимку с женщинами. А родителей и мужей, не пускавших на танцы своих дочерей, жен и сестер, осуждали и третировали. Люди расценили это как безнравственность, ведущую к распущенности, как покушение на семейные устои. Многие, не вынеся такого позора и унижения, переселились в Иран, выразив тем самым протест против существующего режима".

Террор и массовая эмиграция, вызванная протестом против политики тоталитарной системы, тесно взаимосвязаны. Террор был прелюдией первой волны эмиграции, возникшей в ходе революции и гражданской войны и продолжавшейся позднее.

Вторая волна террора поднялась после первой и второй земельно-водной реформ 1921 и 1927 годов. Ее жертвами стали уцелевшие представители антибольшевистских слоев населения: крупные землевладельцы, баи, родовые вожди, духовенство, зажиточные дайхане, крупная буржуазия. Почти неизученный в этом плане советской историографией период отмечен безжалостным, поголовным уничтожением местного населения.

Третья волна террора пришлась на 1929-1931 годы, когда вместе с коллективизацией и советизацией западных и северных районов, Центральных Каракумов погибли те, кого органы ГПУ не успели уничтожить в ходе второй волны - баи, кулаки, представители духовенства, значительная часть середняков. Вторая и особенно третья волна террора по числу жертв и размаху репрессий, возможно, затмевают даже «Большой террор» 1936-1939 годов.

Четвертая волна террора приходится на 1932-1933 годы, она обрушилась в основном на интеллигенцию и служителей культа.

Жертвами пятой волны или «Большого террора» 1936-1939 годов стали все слои населения, включая интеллигенцию и старые большевистские кадры.

Шестая волна террора пришлась на конец 1940-х - начало 50-х годов, последние годы сталинского правления, когда в пучине насилия погибли демобилизованные воины, среди которых было немало рабочих, колхозников, представителей интеллигенции, воспитанных Советской властью. Уничтожив их, Сталин, вероятно, надеялся закрепить основные социальные и политические перемены, навязанные тоталитаризмом.

Террор и беззакония, творившиеся в советском обществе, были следствием не субъективных ошибок коммунистического руководства, а порождением кризиса политико-экономической системы тоталитарного режима. Проследивая историю СССР, можно заметить, что террор, к которому то и дело прибегала Советская власть, всегда возникал в переломные моменты, когда государственная машина давала сбой, тормозя поступательное развитие страны.

§ 4. ЛИТЕРАТУРА ПРОТЕСТА – ВЫРАЖЕНИЕ ОППОЗИЦИОННОСТИ ТУРКМЕНСКОГО ОБЩЕСТВА

Нелегкие испытания, моральные и физические, выпали на долю первых туркменских поэтов-шахиров. Одни из них основательно хлебнули горя в застенках ГПУ-НКВД, другие испытали на себе «демократизм» и «отеческую заботу» вождя, игравшего с деятелями культуры как кошка с мышкой. Но поэты не оставались в долгу. Скованные веригами социалистического реализма, они все же тайно или открыто создавали произведения, осуждающие тоталитарную систему.

Принято считать, что народный шахир Кйормолла (Суханберды Овезберды оглы, 1872-1934) своим стихотворением «Большевик» приветствовал Октябрьскую революцию. Однако в народе живет молва, что первоначальная версия этого произведения, написанная еще до революции, была посвящена дайханскому вождю-бунтарю Эзиз-хану. Там, например, повторялись строки: «Гутлы болсун алан юрдун, Эзиз-хан!» (Поздравляю с захватом земли, Эзиз-хан!) или «Гутлы болсун тутан ишин, Эзиз-хан!» (Поздравляю с началом дела, Эзиз-хан!). Рассказывают, что советские «идеологи», потребовав от поэта отклика на революционные события, ничего от него не добились и тогда, мол, сами переписали его стихотворение, заменив имя Эзиз-хана, объявленного к тому времени врагом советской власти, на слово «большевик». Правда, документальных подтверждений этому нет. Примечательно, однако, что Кйормолла, кроме стихотворения «Большевик», так и не откликнулся на большевистские реформы каким-либо другим стихом³⁷¹. Не проявление ли это протеста поэта, зачислившего себя в духовную оппозицию к советской власти? Словно подтверждая эти предположения, звучат строки Кйормоллы, услышанные мною в одном из народных вариантов: «Большевигин севдегэри уркачы, // Арзан алып гыммат сатды эркечи, // Галынг байлар ташлап гачды Аркачы, // Алан юрдынг, гутлы болсун, меньшевик.»³⁷² (Торговцы большевиков – это самки // Покупают козла дешево, а продают дорого // Крупные баи покинули Аркач, убежали // Поздравляю с захватом земли, меньшевик). Вполне допустимо, что Кйормолла мог посвятить стихотворение и «меньшевикам», на стороне которых выступили летом 1918 года против Советов туркмены, возглавляемые национальными лидерами.

³⁷¹ Кйормолла. Сайланан эсерлер. Ашхабад, 1967.

³⁷² Эти строки записаны со слов заместителя директора Национального института рукописей Аллаберды Оразтаганова.

Свое же отношение к царизму, русскому колониализму поэт выразил еще задолго до Октября. Подтверждением тому его «Песня о русских», записанная и переведенная (построчно) на русский язык академиком А.Н.Самойловичем, назвавшим Кйормоллу «поэтом-босьяком», певцом бедноты³⁷³. Стихотворение довольно-таки пространное и потому приведу его частично: «Если долго среди нас останется эта нация// Мало - помалу она наш народ от веры отлучит// «Джинам» словно подобные, как свиньи...//³⁷⁴. Бога они не ведают, идолов признают//. При себе ушастых собак допускают!//. У самих воинов нет - женщин признают!// От старейших, от святых они отлучат!// Половина наших собственный стыд теряют,// Неправду говорят, «водку-вино» пьют!// Бог мой от этих неверных избавит, друзья!...»³⁷⁵

Следует заметить, что в стихах поэта проявляются не только явные антипатии к русским, но и сложившееся превратное представление об этом народе неграмотной, невежественной части туркменского населения. А.Самойлович приводит записи генерала Гродекова, по которым можно судить, как тогда туркмены представляли себе русских: «Брака у русских нет, также как нет и семьи. Солдат разводят табунами женщин, в которые пускается несколько рослых, сильных и храбрых мужчин. Остальные же мужчины, входя к какой-нибудь женщине, должны перед входом втыкать палку и вешать на нее шапку, чем и дают знать другим, что место уже занято».

Не смею утверждать, что это стихотворение Кйормолла не был известн туркменским ученым, однако до сих пор никто из них не пытался его обнародовать или комментировать, вероятно, опасаясь быть обвиненным в национализме или русофобии.

Другим поэтом, выразившим свою оппозиционность существующему режиму, был один из зачинателей туркменской советской поэзии Молламурт (Аллаберен Ходжанияз оглы, 1885-1930). Ряд его стихотворений, к сожалению, не увидевших свет при жизни автора, посвящены запретным темам и личностям, которым претили большевистские идеалы. Через образ «лютовавшего и злобствующего злодея» Менгли-хана поэт показал весьма колоритную личность своего времени - Эзиз-хана³⁷⁶. Ему - «полномочному представителю Туркестана», поэт посвятил несколько стихотворений («Дессанлар санга», «Мубарек олсун», «Тутса герекир»), в которых автор сравнивал внешность Эзиз-хана с обаянием прекрасного Юсуфа - Иосифа, а его душевную щедрость и гостеприимство - с аналогичными качествами

³⁷³ Живая старина. Выпуск IV. Санкт-Петербург, 1907, с.215-225.

³⁷⁴ Н.Н.Гродеков. Война в Туркмении, т. I, с.86.

³⁷⁵ Живая старина. Выпуск IV, с.215-217.

³⁷⁶ Поэты Туркмении. Ленинград, 1971, с.529-530.

легендарного Хатам Тая. Это он - опора бедняцкая, защита народная, к которому люд стекается отовсюду, из Ирана и Турана³⁷⁷.

С открытым забралом выступал на страницах республиканской печати Оразмамед Вафаев (Араз ибн Вафа), осуждавший пороки существующего режима. «Чтобы воду брать - // слишком грязен арык.// Если глуп мираб - // все затопит поля.// И погубит посевы,// Людей насмешив.// Что же - будем мираба менять // или поле оставим стихии?» - писал он.

В этих стихах бдительный рецензент усмотрел «замаскированную вражью вылазку. Под мирабом господина Вафаева надо понимать Советскую власть, - предостерегал он. - Это уже не двусмысленная контрреволюция»³⁷⁸.

В другом стихотворении Вафаева предстает образ строящегося дома, обреченного на гибель без прочного фундамента. Стены обрушатся на головы людские, если под их основание камни класть как попало, утверждает поэт, ставя в пример возводимые основательно «дома Европы», и вопрошает: «А кто в Туркестане, не рискуя, посмеет подняться на крышу дома?»³⁷⁹

Это стихотворение также было расценено как националистическое, прозрачно намекающее на непрочность советского «дома». Тем более, верные стражи классовой теории получили четкую программу, определенную бригадой ЦК ВКП/б/ и ЦК КП/б/Т: художественную литературу в Туркмении надо четко разделять на два лагеря - буржуазно-националистических поэтов и писателей и пролетарско-колхозных³⁸⁰. Поэтому, когда Вафаев, принадлежавший к племени геоклен, предложил в основу общего литературного туркменского языка положить язык Махтумкули, который также принадлежал к этому племени, а в некоторых своих стихах излагал расходящуюся с официальной точку зрения на вводимый латинизированный алфавит и призывал учиться новой культуре не только у Москвы, но и у Европы и Турции, его объявили националистом и представителем антипролетарского течения в туркменской советской литературе, зараженным пантюркистскими идеями³⁸¹.

Третируемый и затравленный Вафаев, как уже говорилось, бежал в Иран, где прожил полтора с лишним года, занимаясь учительством и не оставляя литературного занятия, а также пристально следя за событиями, разворачивавшимися на родине. Его пребывание за границей пришлось на период начала летом 1931 года повстанческого движения в Туркменистане. На глазах у Вафаева отправлялись в Каракумы вооруженные отряды иомудов,

³⁷⁷ Газета «Халк сеси», 1992, 11 февраля; Газета «Яш коммунист». 1992, 28 марта.

³⁷⁸ Журнал «Туркменоведение», 1931, №5-6, с.55.

³⁷⁹ Там же.

³⁸⁰ Там же, №7-9, с.14.

³⁸¹ Архив КНБТ, д.48577, т.3, л.49-51.

он встречался и беседовал с участниками и очевидцами вспыхнувшего на Балканах восстания, зная, что в нем наряду с иомудами участвуют казахи и текинцы, в основном середняки и даже бедняки, пострадавшие от большевистского террора³⁸².

Сердце поэта не могло остаться равнодушным к трагедии родного народа, и он под псевдонимом "Балыкчы" (Рыбак) пишет героико-трагическую балладу «Балканда олен шехитлер хакда» (О праведниках, погибших на Балканах). Кстати, поэт не скрывал авторства, называя в конце баллады свое имя. Это волнующее произведение народ переложил на музыку, и люди открыто распевали эту песню по всей Туркменской степи в Иране и тайком - на советской территории в предгорьях Балкан: «Джигиты стали героями, погибшими за веру, // Хакмурад бесстрашно бросился в конную атаку, // И погиб он героем, подобно божьему льву. // Да поможет вам Бог, поборники веры! // Колодцы Чагыла захлебнулись кровью праведников, // Люди, рыдая в безутешном горе, собрались у Донгры, // Не счесть расстрелянных, кто потерял свое дитя, да будет Бог с вами...»³⁸³.

Такого изобличения не могли допустить те, кто скрывал правду от народа о повстанческом движении. В июне 1932 года поэта обманом вывезли на территорию Туркменистана, а в 1937 году после отбытия пятилетнего тюремного заключения Оразмамед Вафаев был расстрелян как «враг народа»³⁸⁴.

То, что сегодня рассказывают о народном поэте Дурды Клыче (1866-1950), звучит как легенда: случилось так, что тяжело заболевшего аксакала никто, кроме родственников, не проводывал. Так проходила неделя, другая... А он наивно мечтал: прознает о занедужившем шахире сам Сталин и пришлет в Ташаузский оазис своего соратника Ворошилова. Вождь мог бы и сам проведать больного - мало ли поэт ему строк своих вдохновенных посвятил. Да, Сталин - человек занятой, на его плечах заботы обо всей стране необъятной. На худой конец и маршал сойдет, лишь бы приехал.

Надолго приковало к постели Дурды Клыча. Однако не ехали к нему те, кого он так ждал, даже Союз писателей о нем забыл. Секретарь райкома и тот проведать не нашел времени. Зато к больному то и дело приходили вчерашние баи, раскулаченные, их дети, которых поэт в свое время нещадно

³⁸² Там же, л.164.

³⁸³ Там же. Подстрочный перевод баллады был обнаружен мною в 1991 г. в архиве КНБ Туркменистана. Баллада целиком опубликована в журнале «Дияр», 1993, №3, с.20-21. Ей предпослано вступительное слово писателя Аширберды Курта, а само произведение записано со слов известного ученого-литературоведа Аширпура Мередова.

³⁸⁴ Архив КНБТ, д.П48577, т.3, л.45-51; т.4, л.7; т.12, л.546.

бичевал в своих стихотворениях, и всякий раз ехидничали: «Ну что, шахир, часто навещают тебя твои благодетели-большевики?»

И тогда у поэта от обиды сложились строки: «Хичкимем халымдан хабар алмады// Сталина кэн гарашдым болмады,// Ин бэркиси Ворошиловам гелмеди,// Инди билдим большевигин кимдигин» (Никто не проведал меня// Сталина долго ждал напрасно// Даже Ворошилов и тот не пришел// Теперь я знаю, что за люди большевики).

Конечно, несколько наивно, что поэт ждал визита к себе Сталина и Ворошилова. Но я не оговорился, что эта история звучит как легенда. Так ли оно было на самом деле или иначе, но, как говорится, дыма без огня не бывает.

Несколько в иной редакции продиктовал некоторые строки поэта доктор филологических наук, профессор Бабыш Мамметязов: «Озал мен сойэрдим советлер йолун,// Инди мен надейин дунйэнин малын.// Москвадан сорап доктор гелмеди,// Языджылар менден хабар алмады,// Советлер кеселден халас этмеди»³⁸⁵ (Раньше я любил дорогу Советов,// Теперь мне ни к чему богатство мира.// Из Москвы не приехал доктор лечить меня,// Писатели не проведали меня,// Советы не избавили меня от болезни).

«Но самое «смешное и грешное» в том, что Дурды Клыч решил послать это стихотворение к нам в редакцию, - вспоминал народный писатель Туркменистана Дурды Халдурды, работавший в ту пору главным редактором литературного журнала «Совет эдебияты». - Я прочел его (о публикации и речи быть не могло) и спрятал подальше от греха и любопытствующих глаз».

Судьба поэта могла сложиться трагически, окажись на месте Дурды Халдурды бездушный карьерист и дай он ходу этой «крамоле».

История этого стихотворения, хотя оно в советское время нигде не публиковалось, весьма показательна. Строки поэта не умерли, не затерялись, ибо были созвучны людским мыслям, чувствам, выраженным во многих других безымянных произведениях, ставших поистине народными. Обычно подобные творения, уходя в народ, переживают свое второе рождение, там их нередко перефразируют, совершенствуют, обогащая новыми мыслями, идеями, созвучными эпохе. Так случилось не только со стихами Дурды Клыча.

Примечательно, что по многим произведениям, живущим в народе, можно определить его отношение к существующему режиму, реакцию на те

³⁸⁵ 20 сентября 1996 г. газета «Эдебият ве сунгат» напечатала стихотворение «Даш галды» («Инди билдим большевигин кимдигин»). Его со слов Джошана Эмекова записал и опубликовал профессор Б.Мамметязов. Это, по всей вероятности, один из многих вариантов стихотворения, ставшего народным.

или мероприятия властей, позицию в отношении политики, проводимой государством.

«Гайрадан гелйэн хек-хек, // Бойны йогын, гози гйок; // Бай-бай, онунг, парлайшыны, // Парсы билен созлэйшини» (С востока идет хек-хек, // Шея толстая, глаза голубые, // Бай-бай, как он летит, // И на непонятном говорит). Эти строки с неприязнью возвещают о приходе на туркменскую землю чужеземцев, будь то красные или белые. Или: «Ады йитмиш Николай, // Ак череги бол этди, // Яша, яша большевик, // Арпа наным бал этди»³⁸⁶ (Чтоб ты сгинул, Николай, // Белого хлеба вдоволь дал, // Живи, живи ты большевик, // ячменный хлеб ты превратил в мед). Сколько иронии, сарказма в этих словах, по всей вероятности, родившихся в пору «военного коммунизма» и продрозверстки.

О произволе и бесчинствах большевистских ставленников с горечью поведал некий Довлетклыч, оставивший на рукописи Махтумкули стихотворную запись, найденную доктором филологических наук А. Ашировым: «Ит донуз дийип бизе сйогуп башладынг, // Ярым сагат гуне гаршы окладынг, // Гаррыгала алып гидип хокм этдинг, // Иллер дилэп алды бизи Папышын»³⁸⁷ (Ты стал обзывать нас собакой и свиньей, // Бросил на солнцепеке на полчаса, // Отвел в Гаррыгала и осудил, // Народ нас выпросил на поруки, Папышын).

В туркменской литературе 1920-30-х годов особняком стоит так называемая басмаческая, вернее, повстанческая поэзия, выражающая протест против государственной политики насилия и террора. Советская власть, преследуя верующих, отбирая скот и имущество дайхан, силой загоняя их в колхоз, вынуждала брать в руки оружие или покидать родину. Чувства этих людей запечатлевались в стихах, которые, разумеется, не публиковались, но жили в народе, передавались из уст в уста, из поколения в поколение. С обретением Туркменистаном независимости была опубликована лишь небольшая часть этих произведений, все еще хранящихся в народной памяти³⁸⁸.

³⁸⁶ Приведенные четверостишия записаны со слов народного писателя Байрама Джутдиева, который услышал их от ныне покойного профессора Мяти Косаева, знатока туркменского фольклора.

³⁸⁷ А.Аширов. Магтымгулынын голязмалары. Ашхабад, 1995, с.187. Ученый обнаружил эту рукопись в районе Гаррыгала и установил, что она была переписана рукой некоего Молла Бяшима в 1924-1925 годах. Случай издевательства должностного лица над автором стихотворения можно датировать, вероятно, началом 20-х годов.

³⁸⁸ Сэхрада дорэн шыгырлар. Небитдаг, 1994; Тайлы шахыр. Небитдаг, 1994; Т.Уйшмеков. Туркмен ойи. Туркменбашы, 1994. Многие опубликованные в этих и других сборниках стихи ценны своей социальной заостренностью, правдивостью, искренностью чувств. Происшедшее передается через мироощущение самих участников и очевидцев событий.

С изобличающей прямоотой звучит «тюремная» поэзия, родившаяся за решетками камер и колючей проволокой ГУЛАГа. На Западе Туркменистана редко кто не слышал о родовом вожде Текедурды Узбекове, руководителе Казанджикского райисполкома, члене ЦИК КП/б/Т, ведшем по поручению правительства и ЦК КП/б/Т переговоры с Джунаид-ханом и заподозренным «в пособничестве врагу». И в самом деле Текедурды, несогласный с политикой властей в области коллективизации и советизации и считая их действия незаконными, помогал Джунаид-хану и его соратникам в формировании повстанческих отрядов. Узбеков отправлял в Каракумы им в помощь своих родичей, его люди доставляли из Ирана оружие и боеприпасы, готовясь совместно с объединенными отрядами Джунаид-хана выступить против 84-го кавалерийского полка Красной Армии, направлявшегося в поход для подавления повстанческого движения. Каруцкому, начальнику ГПУ ТССР, поручили арестовать Т.Узбекова³⁸⁹. Что с ним случилось позже не трудно догадаться - Текедурды расстреляли.

Не довольствуясь арестом самого Узбекова, карательные органы в 1931 году взяли под стражу и его сына Аразали Текедурды оглы, обвинив его в «басмачестве». В тюрьме Аразали не сидел сложа рук, писал стихи, стремясь донести на «волю» правду о сталинских застенках, о массовых репрессиях, обрушившихся на безвинных людей. Сыновней болью и обидой за пострадавшего отца, «восемь лет проведенного на побегушках у Советов», проникнуты его поэтические строки, изобличающие изуверство советских карателей, беспощадно расправлявшихся с мирными скотоводами, повстанцами: «Секиз йыл шуранын юмшуна йортып, // Абрай алмады жаныны сатып, // Бир гуя атдылар дерт адам эдип, // Дэдеми ят эдип, медет ислэрин» (Восемь лет провел на побегушках у Советов, // Жертвовал собою, но уважения не удостоился, // Их вчетвером бросили в колодезь, // Вспоминая отца, взываю к помощи). Или: «Шундан аман чыksam пэлимден гайтдым, // Уч инермин бирни садака айтдым, // Залымлар голунда хор болуп ятдым // Мада азар чекен илим аманмы?» (Если выйду отсюда живым, // Одного верблюда из трех принесу в жертву, // В плену у палачей мучаюсь, // Здоров ли мой страдающий народ?).

Приход советской власти на туркменскую землю и проводимую ею политику автор стихов расценивает как бедствие, несчастье, обрушившиеся на головы туркмен: «Ил башына улы говга душендир, // Зындан ичре акыл-хушум чашандыр, // Озини онгаран Эйран ашандыр, // Гунэсиз башымыз гунэли галды» (Большое несчастье обрушилось на голову народа, // В зиндане потерял я ум-разум, // Кто мог, тот перебрался в Иран, // Невинные наши

³⁸⁹ Архив КНБТ, ф.АЛД, д.275, ч.II, т.1, л.194; Ю.Папоров. Жизнь-пламень, с.190.

головы стали виновными). Или: «Гошун гелип Ойлегушлык илине, // Эл багланып душдум душман голуна, // Гуванардым балалармынг дилине, // Аглап марал гйозли дилберим галды»³⁹⁰ (Пришло войско в мой юрт Ойлегушлык, // И я попал в руки врага с завязанными руками, // Радовался речи своих детишек, // Осталась дома любимая с очами как у марала).

Как выражение протеста против большевистского засилья рождались в народе анекдоты, притчи, юморески, рисующие туркменских джигитов богатырями, храбрыми и отважными, а пришельцев - жалкими и трусливыми, побеждающими не умением, а числом и коварством: «Орта Азия муфлислер босды, // Ах дийгенни алмазлар дарлардан асды, // Орта Азия гелмегенде бу мусаллатлар, // Бейле рысва, бейле геда болмазды асла»³⁹¹ (В Среднюю Азию хлынули поганые, // Не дав никому пощады, вздернули на виселицах, // Если бы не пришли в Среднюю Азию эти нечестивцы, // То не было бы такого позора и бедствия).

С именем Эшши-хана (сына Джунаид-хана), наезжавшего из Афганистана в Туркменистан, связана родившаяся в народе легенда, будто он владел каким-то чудодейственным зеркалом, обладающим чуть ли не волшебством соломонова перстня, с помощью которого он мог даже посадить на землю летящий самолет. Или рассказывали, что Джунаид-хану помогает сам Пророк Али, который по воле хана доставлял его за одну ночь в любую точку Туркменистана. На севере республики я слышал притчу о 100-зарядном маузере и волшебной сабле Джунаид-хана, которыми он не пользуется, чтобы ненароком не погубить безвинных людей.

Но жизненные реалии были гораздо суровее самых красивых сказок, созданных народной фантазией. Органы ГПУ-НКВД безжалостно расправлялись со всеми, кто хоть немного проявлял недовольство Советами. Машина террора по-прежнему работала без устали. Те же, кто оставался в живых, не сдавались, затаив к палачам ненависть, которая выплескивалась словами протеста.

В Тедженском оазисе из уст известного всей округе старого охотника Дурды Непесова, чей отец Непес-ага Оре ходил в сотниках Эзиз-хана, мне удалось записать довольно-таки оригинальное стихотворение, авторство которого принадлежит Халлы Готыру из села Чаче. Халлы Готыр был вдохновителем Ата Бердынияза оглы, прозванного в народе Ата Мянели,

³⁹⁰ Стихи были написаны в 1931 г. в ашхабадской тюрьме. В сборе стихов А.Текедурды оглы и других произведений, необходимых для данной работы, активное содействие оказал кандидат филологических наук Аллаберды Оразтаганов, которому я выражаю свою глубокую признательность.

³⁹¹ Стихи записаны в 1970 г. Аллаберды Оразтагановым в Аккурганском районе Узбекской ССР, где тогда проживали высланные из Туркменистана раскулаченные баи и другие политически «неблагонадежные» лица.

выступившего в 1924 году против Советской власти. Со своим отрядом в 14 человек Ата Мянели действовал между Марыйским и Тедженским оазисами³⁹².

Стихотворное послание, по всей вероятности, родилось после разгрома отряда Ата Мянели и ареста некоторых его джигитов. Халлы Готыр, взятый под стражу как «басмаческий пособник», спешил из тюрьмы предупредить дайхан селений Мянэ и Чэче о нависшей над ними опасности ареста. Зная об их неприятии советской власти, автор стихов в несколько завуалированной форме советовал, как вести себя в случае, если нагрянет беда в их дома. Одного он подбадривал примером мужества Ата Мянели, взявшего в руки оружие, бросившего вызов Советам, к другому взывал быть благоразумным и затаиться до лучших времен, третьего призывал съехать из родного села пока его не схватили, четвертому посылал проклятия за его предательство. А некоему руководящему деятелю по имени Сары посвятил строки, полные презрения и осуждения за чиновное равнодушие к нуждам простых людей: «Йолдаш Сары гарашырын хатынга, // Тюрмэни аз горсенг, дыкай гйотинге!» (Товарищ Сары, жду твоего письма, // Если думаешь, что /мне/ тюрьмы мало, воткни меня себе в задницу!).

Народная поэзия, родившаяся в глубинах людских сердец, выражала не только человеческие переживания, но и пробуждала в людях протест против властей, облекая его в яркие образные формы. Туркменская поэзия, как и любая поэзия вообще - это высшее проявление человеческих чувств. Так было, так есть, так будет.

³⁹² Рассказывают строители социализма, с.261. Местное население поддерживало конный отряд Ата Мянели, вовремя предупреждало о приближении преследователей, снабжало продовольствием, фуражом и водой. В середине 1925 г. отряд повстанцев был разгромлен чекистами во главе с начальником Марыйского окружного угрозыска. Самого Ата Мянели по заданию органов госбезопасности заманил в свой дом и предательски умертвил Силап Каррыбаев (Там же, с.261-263). Ныне имя Силапа, прозванного Гирджик, стало в народе синонимом предательства.

ГЛАВА IV. ОППОЗИЦИОННАЯ БОРЬБА В ТУРКМЕНИСТАНЕ ПРОТИВ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА.

§ I. УЧАСТИЕ ТУРКМЕНСКИХ ОППОЗИЦИОНЕРОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ.

В 1924 году борьба Сталина и внутрипартийной бюрократии с оппозицией внутри РКП/б/ приняла открытые формы. Лидерами оппозиции были такие известные политические деятели как Троцкий, Зиновьев, Каменев, объединившиеся на определенном этапе в единый политический блок. Есть у туркмен поговорка, подходящая к данному случаю: грызущиеся между собой собаки, завидев волка, сбиваются в стаю.

Наиболее известным сторонником внутрипартийной оппозиции в Туркменистане был Махмуд Тумаилов³⁹³. Согласно архивным документам ОГПУ он еще в 1923 году «примыкал к троцкистской оппозиции». Это вполне вероятно, ибо в 1923-1925 годах Тумаилов учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока /КУТВ/, многие слушатели которого разделяли троцкистские идеи.

Вполне допустимо, что М.Тумаилов, как и его сокурсники-единомышленники, был обворожен личностью Троцкого, его широкой эрудицией, европейской культурой, блестящим ораторским искусством. Троцкий был кумиром тогдашней молодежи. Тумаилов был близок с троцкистом Мрачковским, который и устроил ему встречу с Троцким.

³⁹³ Архив ФСБ РФ, д.8057, т.11, л.427. Махмуд Сейфуджинович Тумаилов родился в 1902 г. в туркменском селе Малый Баскунчак Ставропольского края, по национальности туркмен. В компартии с 1920 г., активно участвовал в установлении советской власти в Туркменском уезде Ставрополя. В 1925 г. по окончании в Москве Коммунистического университета трудящихся Востока был направлен в ТССР заместителем заведующего орготделом ЦК КП/б/Т, затем был назначен заместителем наркома Рабоче-дайханской инспекции, избран членом Президиума ЦКК КП/б/Т. В 1927 г. за участие во внутрипартийной оппозиции («Заявление 83-х») был исключен из партии, уволен с работы. В 1929 г. после восстановления в партии ЦК ВКП/б/ направило его в Узбекистан, где работал на различных руководящих должностях. С 1933 г. - нарком финансов ТССР. В 1935 г. был зачислен в Институт красной профессуры. Перед отъездом на учебу Тумаилов за прежнее участие в оппозиции был исключен из партии, освобожден от занимаемого поста. Направлен сотрудником облфинотдела в Карачаевскую автономную область. 22 марта 1936 г. по постановлению особого совещания НКВД СССР арестован, сослан в Магаданскую область сроком на 5 лет. В начале 1938 г. «тройка» УНКВД Дальстроя приговорила его к расстрелу. Тогда же приговор был приведен в исполнение. В 1958 г. на запрос родственников Тумаилова Магаданское горбюро ЗАГСа солгало: умер от цирроза печени. 1 февраля 1957 г. посмертно реабилитирован (Архив ФСБ РФ, д.8057, т.11, л.427-428; ЦГАПДТ, ф.1/1, д.7, л.339-342, д.49. л.56-58,199-200).

В первой же беседе Троцкий поинтересовался, читал ли Тумаилов его работы, знаком ли с идеями и требованиями, выдвигаемыми оппозиционерами, и тут же ответил на ряд вопросов, возникших у собеседника. В свою очередь Тумаилов проинформировал, как решается национальный вопрос в Средней Азии, изложил свои взгляды, к которым Троцкий отнесся с одобрением. Он посоветовал туркменскому оппозиционеру встретиться с Г.Сафаровым, после беседы с которым они по совету Троцкого побывали у Зиновьева. Последний предложил Тумаилову «изложить свои установки по национальному вопросу на бумаге». Тумаилов выполнил задание. Один экземпляр написанного от руки текста вручил Троцкому, другой - Сафарову³⁹⁴.

В круг единомышленников Тумаилова входил и Н.Сапожников³⁹⁵, связанный с Зиновьевым и Каменевым. ОГПУ инкриминировало Сапожникову создание «контрреволюционной организации «Рабоче-колхозная демократическая партия», в которую он завербовал Тумаилова и других лиц». Тумаилов и Сапожников, чьи взгляды и убеждения совпадали по многим вопросам, не раз встречались в Москве, Ташкенте, Ашхабаде. Они были единомышленны в том, что в стране и во внутрипартийной жизни отсутствуют демократия, свобода волеизъявления, рабочие, по сути, отстранены от управления «рабоче-крестьянским государством». В партии главенствует диктатура «верхушки» в лице членов Политбюро и секретариата. Возникли два класса: руководителей и организаторов советской власти, с одной стороны, и исполнителей, то есть рабочего класса и крестьянства - с другой; распределение материальных ценностей осуществляется в пользу первых.

В мае 1927 года Тумаилова подписал «Заявление 83-х». В конце лета, получив какие-то материалы от Троцкого, он выехал в Туркменистан, где написал троцкистскую статью. Обвиненный во фракционной деятельности, Тумаилов был снят с работы и направлен в распоряжение Средазбюро ЦК ВКП/б/, где за отстаивание троцкистских взглядов во время беседы с

³⁹⁴ Архив ФСБ РФ, д.8057, т.II, л.151.

³⁹⁵ Там же, т.I, л.120. Николай Николаевич Сапожников, 1902 г.р., журналист, был осужден за «контрреволюционную деятельность» на 5 лет исправительно-трудовых лагерей, сослан на Колыму. Дата его смерти совпадает с датой расстрела М.Тумаилова (Там же, т.II, л.299). В материалах февральско-мартовского пленума ЦК ВКП/б/ «Рабоче-колхозная демократическая партия» называется «Народной демократической партией». Сапожников, как явствует из этих документов, в 1927 г. ставил вопрос об организации террористических актов, а в 1930 г. под руководством московского центра во главе с Бухариным, Рыковым, Томским создал в Воронеже группу «правых» (Журнал «Вопросы истории», 1992, №4-5, с.7,10,11). В «Заявлении» же Н.Н.Бухарина от 20 февраля 1937 г., адресованном всем членам пленума ЦК ВКП/б/, факт террористической деятельности Сапожникова отрицался, утверждение о задуманном дворцовом перевороте автор назвал «бреднями» (Журнал «Вопросы истории», 1992, №2-3, с.29).

Зеленским его исключили из партии. Но ЦК ВКП/б/, рассмотрев апелляцию, восстановил его в рядах партии и вновь направил в распоряжение Средазбюро³⁹⁶.

В Ташкенте, участвуя в октябре-ноябре 1927 года в окружной партконференции, в ответ на выступление Зеленского Тумаилов заявил, что «Зеленский извращает завещание Ленина» и что «у меня есть подлинник его, и я найду тысячи таких документов для распространения среди членов партии»³⁹⁷. С этими словами он передал документ Президиуму конференции. За этот поступок, расцененный как недостойный члена ВКП/б/, его вывели из зала заседания и вновь исключили из партии «за хранение не подлежащего опубликованию документа (завещания Ленина)»³⁹⁸.

Несмотря на преследования со стороны партийных органов М.Тумаилов не терял присутствия духа, продолжал переписку с московскими оппозиционерами - Троцким, Зиновьевым, Каменевым, Сафаровым и др. В архиве ФСБ Российской Федерации мне довелось познакомиться с копией единственного сохранившегося письма М.Тумаилова, адресованного Троцкому и Зиновьеву. Судя по содержанию Тумаилов регулярно обменивался с ними информацией³⁹⁹.

Посылая свою статью для обсуждения в Москву, Тумаилов сопровождает ее небольшим письмом, в котором сообщает, что его позиции «практические работники (наш пред. СНК и другие) пока неофициально одобряют полностью и целиком.... Статья вызовет большой шум, особенно со стороны тов.Зеленского, разумеется, ее не будут печатать, но партийная масса будет знать о ней». Здесь же автор возмущается введением в республике помимо сельхозналога нового налога и предлагает вести борьбу не только против подобных «нововведений», но и противодействовать политике Центра, не доверяющему «местным националам», насаждающего систему бюрократизма как в государственном, так и в партийном аппарате. Информировав лидеров внутривнутрипартийной оппозиции о предстоящем Объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП/б/Т, его повестке дня, Тумаилов

³⁹⁶ Архив ФСБ РФ, т. II, л. 152.

³⁹⁷ Там же. Н.А.Зеленский, присланный из Центра, прибыл в Среднюю Азию в июле 1924 г., а 30 октября того же года был назначен председателем Средазбюро (А.А. Росляков, Средазбюро ЦК ВКП/б/. Вопросы стратегии и тактики, с.88).

³⁹⁸ Архив ФСБ РФ, д.8057, т. II, л.353. Копию завещания В.И.Ленина, размноженную российскими оппозиционерами, Тумаилов, возможно, привез из Москвы. Сам Тумаилов на допросах об этом умалчивал. И вообще в ходе следствия Махмуд Сейфуджинович вел себя достойно, искренне, никого не оговаривал. Судя по архивным материалам, допрос Тумаилова проходил в спокойных тонах.

³⁹⁹ Там же, л. 357. Подлинник письма, ксерокопию которого мне любезно предоставили работники архивного Управления ФСБ РФ, находится в архивно-личном деле №1/3350 на Тумаилова Махмуда, хранящемся в ЦГАПДТ.

упомянул о непрекращающемся преследовании со стороны ЦК КП/б/Т. К примеру, «один из глупых работников» секретарь ЦК Ибрагимов настаивал на том, чтобы отправить Тумаилова в Ташауз, Зеленский предложил вывести оппозиционера из состава президиума ЦКК, «от партийной работы в ЦКК успели удалить». Тумаилов был полон решимости бороться и завершает письмо на оптимистичной ноте, прося Троцкого и Зиновьева «информировать и снабжать всем необходимым, иначе трудно вести работу», а Пармуксу и Мрачковскому дал советы о том, как лучше осуществить исполнение его просьб⁴⁰⁰.

Формирование объединенной троцкистско-зиновьевской оппозиции завершилось летом 1926 года. В мае 1927 года оппозиция выступила с важнейшим документом - «Заявлением 83-х», который можно рассматривать как альтернативный вариант так называемой «генеральной линии партии».

В разделе «Национальный вопрос» «Заявления 83-х» советский бюрократический режим обвинялся в том, что он оттесняет на задворки подлинно коммунистические элементы националов, нередко объявляя их «уклонистами», запугивая местным национализмом», преследует их во всех сферах общественной жизни, «Оппозиция обвинила сталинское окружение в отступлении от решений XII съезда РКП/б/, в насаждении великодержавного шовинизма. «Назначаемая секретариатом ЦК верхушка национального пролетариата берет на себя фактическое решение всех партийных и советских дел, отстраняя национальных работников как коммунистов второго разряда, которых привлекают к делу зачастую лишь для формального представительства...» Оппозиция призывала решительно отказаться «от командования националами, от назначенчества». В то время существовала порочная практика, когда в высшие эшелоны власти национальных республик и краев непременно назначали пришлые кадры, которые по праву считали себя «эмиссарами центра». Почти до конца 40-х годов в Туркменистане первым секретарем ЦК назначался кто угодно, но только не представитель туркмен, хотя к тому времени на этот пост были достойные кандидаты из «националов».

⁴⁰⁰ Там же, л.357-358.

§ 2. ВЫСТУПЛЕНИЕ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ В ТУРКМЕНИСТАНЕ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПРОТЕСТА ПРОТИВ ЗАСИЛЬЯ ЦЕНТРА. ОППОЗИЦИОННАЯ ПЛАТФОРМА ТУМАИЛОВА.

Трагедия внутрипартийной оппозиции заключалась в том, что ее представители наивно верили, что им удастся улучшить, быть может, изменить советскую систему. С этой надеждой, вероятно, пришли в политику и туркменские оппозиционеры, в том числе и их яркий представитель Махмуд Тумаилов.

В самый «пик» репрессий в марте 1937 года нарком внутренних дел ТССР Зверев, выступая на пленуме ЦК КП/б/Т, представил «анализ» своего ведомства «о контрреволюционных проявлениях, в том числе троцкизма» в республике. Он приводил мифические, порою анекдотические факты о «контрреволюционной» деятельности местных оппозиционеров. Оратор подробно остановился на случае, когда в 1935 году чекисты арестовали в Москве организованную группу туркменских студентов, ставивших перед собой цель совершить террористический акт. По словам Зверева, органы НКВД располагали материалами о троцкистах-националистах, воспитанных оппозиционной организацией Тумаилова, с начала 30-х годов замышлявших начать практическое осуществление террора. Замысел этот будто бы родился под влиянием видных троцкистов, командированных в 1926-1929 годах из Москвы в Туркменистан. Зверев, в частности, приводит фамилии москвичей Сапожникова, Андреевского, Острцова и других, которые через Тумаилова, сочетавшего троцкистскую деятельность с националистической и связанного с родственными организациями в Ташкенте, установили тесные контакты со своими туркменскими единомышленниками. В докладе называются также несколько имен ссыльных российских троцкистов, действовавших совместно с группами Тумаилова и Аманкули Чарыева. Пополнению местных троцкистско-зиновьевских кадров содействовало прибытие в республику группы бывших активных троцкистов и зиновьевцев, откомандированных из Москвы и Ленинграда после убийства С.М.Кирова.

Если принять на веру слова докладчика, контрреволюционными и оппозиционными организациями была наспигована вся Туркмения, начиная от аппарата Совнаркома и наркоматов и кончая учебными заведениями и хозяйственными организациями всех городов районов республики. Зверев сослался на В.М.Молотова, который в беседе с руководителями Туркменистана отрицательно отзывался о фильмах Ашхабадской киностудии.

Это послужило поводом, чтобы арестовать группу киноработников, в том числе и видного кинорежиссера Марка Мэя⁴⁰¹.

К.С.Атабаев, видимо обеспокоенный судьбой кинодеятелей, подал из президиума реплику: «Как по этому делу проходит Мелькумов?»⁴⁰² «Пока только как директор треста Туркменкино, - отвечал оратор. - На нем лежит обвинение в политической близорукости, в том, что под его носом проходили безобразные вещи, выпускались низкопробные картины, расходовались сотни тысяч и так далее. Тщательная соответствующая ревизия должна дать точные данные относительно идеологической стороны выпускаемых картин».

Но вернемся к группе туркменских студентов, обучавшихся в московских вузах и обвиненных в терроризме. По версии следствия Моджек Назаров, Нунна Мурадов и Керим Машрыков каким-то образом раздобыли удостоверение члена ЦК КП/б/Т, секретаря Тедженского райкома партии Алимова, чтобы пройти по нему на Красную площадь и «привести в исполнение свои гнусные замыслы». «Однако НКВД СССР, - победоносно докладывал Зверев, - разоблачил эту группу и соответствующим образом наказал участников»⁴⁰³.

Н.Мурадов и К.Машрыков давно находились под «колпаком» карательных органов: первый – как сын зажиточного торговца, второй – как сын родового вождя, имевшего звание полковника царской армии. Репрессированные троцкисты, судя по их показаниям, якобы намеревались совершить террористические акты и в первую очередь убить Сталина⁴⁰⁴.

Студенты, отсидев небольшой срок, вышли на свободу.

Нунна Мурадова, химика по образованию, в 1942 году снова арестовали, обвинив в антисоветской пропаганде. По словам Сары Юнусова, выступившего на закрытом заседании военного трибунала в качестве свидетеля, его обвинили в «антисоветчине», инкриминируя пренебрежительное отношение к простым людям, которых он будто бы называл «гарамаяками» (чернью, простолюдинами), говорил, что на фронт пойдет «чернь», а жизнями таких интеллигентов как сам Мурадов следует дорожить. Мурадов вышел из заключения лишь в 50-х годах после разоблачения культа личности Сталина.

⁴⁰¹ Марк Владимирович Мэй, в 60-70-х годах снявший по моим сценариям несколько документальных фильмов, рассказывал, что он был арестован по ложному доносу кинооператора В.А.Лаврова и провел в лагерях ГУЛАГа свыше десяти лет.

⁴⁰² ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.312, л.46-49. К.С.Атабаев, интересуясь «делом» бывшего краскома Мелькумова, которого близко знал, по-видимому, хотел как-то повлиять на ход следствия в пользу обвиняемого.

⁴⁰³ Там же, л.45.

⁴⁰⁴ Там же, л.44.

Не удалось избежать повторного ареста и Кериму Машрыкову (1909-1974), обучавшемуся в ленинградской аспирантуре. Его ученик, ныне академик Курбан Аманниязов в своих воспоминаниях пишет: «В 30-е годы по ложному обвинению, якобы причастного к убийству С.М.Кирова Керима Керимовича сослали в северные края, в лагеря ГУЛАГа. За Полярным кругом прошла его молодость»⁴⁰⁵. После войны он защитил докторскую диссертацию, руководил научно-исследовательским институтом геологии, был избран академиком, вице-президентом Академии наук Туркменистана.

«В те годы наше поколение жило под гипнозом любви к Сталину, - вспоминал К.Машрыков о своем аресте в Москве. - Видно, повинны в том наш провинциализм, безудержная официальная пропаганда, культ личности вождя. Многие мечтали хоть краешком глаза увидеть Иосифа Виссарионовича. И вдруг на нашу беду в Москве перед октябрьскими торжествами появился член ЦК, первый секретарь Тедженского райкома партии, родственник нашего сверстника Моджека Назарова. Мы «выкрали» у него удостоверение члена ЦК, наивно полагая пройти по нему на Красную площадь к демонстрантам и по очереди повидать дорогого вождя. Но не удалось. У одного из нас, кажется, Нунна Мурадова, оказался небольшой туркменский нож, его задержал бдительный милиционер. Схватили всех. Сначала сидели в каталажке, а после мы очутились на Лубянке, где поняли, что против нас затевается необычное дело. Там нас избили, спрашивая: «Признайтесь, кого собирались убить? Кто ваши сообщники? Чье задание исполняли?» Так из нас сделали «террористов», якобы собиравшихся совершить покушение на жизнь вождя. Тогда же в связи с убийством Кирова арестовали будущего профессора-географа Дурды Аманекова, обучавшегося в одном из вузов Ленинграда»⁴⁰⁶.

Однако оставим в стороне фантастические измышления следователей НКВД.

Что касается внутривластной оппозиции, впервые в республике обстоятельный и открытый разговор о ней зашел в сентябре 1927 года на VI Объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП/б/Туркменистана. Поводом послужило выступление московских оппозиционеров, принципиально не соглашавшихся с политикой верхушки ЦК ВКП/б/ по организационно-партийным, хозяйственным, национальным и другим вопросам, и особенно с диктаторскими действиями Сталина.

Оппозиция критиковала Сталина, в частности, за неправильный подход к решению национального вопроса, заявляя, что он ведет

⁴⁰⁵ Газета «Туркменская Искра», 1994, 6 июня.

⁴⁰⁶ Из воспоминаний бывшего вице-президента Академии наук Туркменской ССР К.К.Машрыкова, записанных автором в 1973 г.

архивбеспринципную политику, искусственно насаждает «правых» и «левых», чтобы столкнуть их лбами, а правильную национальную политику заменяет секретарской волей⁴⁰⁷. Это заявление вызвало большой общественный резонанс. Зиновьев, выступивший на Всесоюзном совещании национальных работников, заявил: «У нас не помогают коренным коммунистам-националистам выйти на дорогу, взять в свои руки дело, стать на ноги, у нас процветает командование и колонизаторство»⁴⁰⁸.

Это заявление, естественно, нашло отклик в республиках Средней Азии, прежде всего в Узбекистане, где «националистов» возглавил Р.Иногамов⁴⁰⁹, и в Туркменистане, где зарождавшаяся оппозиционная группа была связана с именем М.Тумаилова. Существование в Ашхабаде оппозиционной организации признавал и Шаймардан Ибрагимов, работавший первым секретарем ЦК КП/б/Т в 1926-1927 годах⁴¹⁰. Это была едва оформившаяся немногочисленная группа, поддерживавшая связь с

⁴⁰⁷ ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.50, л.11.

⁴⁰⁸ Там же.

⁴⁰⁹ Там же, оп.4, д.347, л.397. Рахим Иногамов (один из редакторов республиканской партийной газеты «Кизыл Узбекистан») и его единомышленники требовали предоставления узбекам права на самоуправление, полной автономии Узбекистана и ликвидации опеки Средазбюро ЦК ВКП/б/ над Туркестаном. Узбекская оппозиция ссылалась, в частности, на директиву ЦК от 12 июня 1919 г., направленную в адрес туркестанских большевиков: «На основании программы восточной политики рабоче-крестьянского правительства необходимо привлечь туземцев к государственной работе пропорционально с количеством туркестанского населения». Спустя семь лет председатель Средазбюро Зеленский критиковал Иногамова: «Некоторые товарищи понимают вопрос коренизации как пополнение государственных учреждений чиновниками и представителями туземцев. При обсуждении вопроса коренизации учреждений выдвигают принцип пропорционального количества чиновников и уполномоченных с количеством нации, представляющей большинство. Такая постановка вопроса неправильна» (Газета «Правда Востока», 1927, 28 января). Узбекская оппозиция считала, что ни партия, ни Советы не выполнили своих обещаний относительно коренизации Узбекистана, государственного управления и политику руководства краем осуществляли руками русских коммунистов (ЦГАПДТ, ф.1, оп.4, д.347, л.396). Мустафа Чокаев в журнале «Ени Туркестан», издававшемся в Турции, писал, что сегодня Центр преследует всех, кто выступает за национальную независимость, и что репрессии осуществлялись руками «повелителя и представителя Компартии в Средней Азии» Зеленского и «настоящего руководителя и начальника Узбекской Компартии» Иванова, по всей вероятности, первого секретаря ЦК КП/б/ Узбекистана. «Они фактически генерал-губернаторы Средней Азии. В своей речи, произнесенной в эти дни, Иванов сказал, что узбекизация госучреждений равносильна выходу Узбекистана из СССР» (Журнал «Ени Туркестан», 1927, №1). Иногамов и 18 его товарищей были исключены из партии, репрессированы, а их прогрессивные идеи преданы анафеме, так как они «вреднее, чем троцкизм» (ЦГАПДТ, ф.1, оп.4, д.347, л.397).

⁴¹⁰ ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.49, л.115. Любопытно, что Ш.Ибрагимов, будучи татарин по национальности, в графе «национальность» анкеты собственноручно записал «европеец», т.е. если и не русский, то во всяком случае не «туземец». Не потому ли он так поступил, что родом был из Москвы и прислан Центром, к тому же секретарем первого разряда (так тогда называли первых секретарей ЦК КП/б/Т) (Там же, д.106, л.76; Л.Лебедева. Революции предан. – Газета «Туркменская Искра», 1989, 27 апреля).

Москвой, собиравшая членские взносы и пополнявшая свои ряды, в основном, приезжими российскими оппозиционерами. Для проведения оппозиционной линии ее активисты (среди которых были член партии с 1906 года Острецов, члены партии с 1917 года Сапожников и Кутузов, члены партии с 1920 года Богомольный и Казанский и др.⁴¹¹) использовали аппарат ЦКК, РДИ и другие государственные учреждения и организации. Для связи с Москвой привлекались также беспартийные проводники поезда Полторацк (Ашхабад) - Москва. Характерно, что оппозиция, вовлекая в свои ряды новых членов, боролась за каждого человека, по утверждению отрекшегося от троцкизма Острецова, организовывала беспартийных, и эта организаторская работа проводилась в различных «формах и видах, которые перерастают в то, чтобы создать другую партию»⁴¹².

На пленуме К.С.Атабаев упрекнул Тумаилова в неискренности, будто тот скрыл свою принадлежность к оппозиции, хотя согласиться с таким обвинением трудно, так как, судя по письмам Тумаилова, Кайгысыз Сердарович был даже в курсе его переписки с Троцким и Зиновьевым. Кроме того, подпись Тумаилова стоит в числе других оппозиционеров в «Платформе 83-х», опубликованной в печати. В некоторых выступлениях говорилось о недозволенных методах, применяемых оппозицией для вовлечения новых членов в свои ряды. Если ревизия, проводившаяся по линии Рабоче-дайханской инспекции (РДИ), вдруг обнаруживала у кого-то определенные нарушения, будь то производственные или финансовые, то виновному предлагалось вступить в оппозицию, иначе, мол, его «делу» придадут официальный ход. Тот же Атабаев, ссылаясь на некоего Смирнова, выступившего на заседании городского актива, сообщил, что комиссия РДИ, обнаружив недостатки в работе Смирнова, будто бы предложила: «Вечером в Кеши заседание наше. Приходи или мы тебя законопатим». Все это предлагалось от имени Тумаилова аппаратом РДИ⁴¹³.

Спор в основном разгорелся из-за оппозиционной платформы, подготовленной и распространенной среди участников пленума М.Тумаиловым. По указанию руководства ЦК было сделано все, чтобы

⁴¹¹ Сапожников и Острецов были репрессированы, последний в 1927 г. отрекся от оппозиционных взглядов. (ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.312, л.43; Там же, оп.4, д.347, л.101).

⁴¹² ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.49, л.32-33,112.

⁴¹³ Там же, л.160. Из стенограммы пленума невозможно выяснить, от кого исходил шантаж - лично от Тумаилова или от работников аппарата РДИ, наркомом которой являлся Г.Кулиев. Кстати, Тумаилов, по натуре человек темпераментный, бескомпромиссный, вел себя на пленуме не очень корректно: перебивал ораторов, подавал реплики, порою грубые. На обвинение Атабаева бросил: «Ты врешь!» Таковы в ту пору были нормы «партийной этики». Ни один пленум, совещание или съезд будь то в Центре или на местах не обходился без реплик из президиума и зала, особенно к ораторам, чьи позиции расходились с официальным мнением.

принизить значение и извратить этот интересный и смелый для своего времени документ, осуждавший бюрократизм, засилье партийной верхушки, колонизаторские устремления Центра и в целом тоталитарный режим в стране. Умышленно распространялись слухи о приезде в Туркменистан по заданию Троцкого его единомышленника Зингера, будто бы собиравшего материал по национальному вопросу. Дескать, это и «вылилось в платформу Тумаилова, троцкисты хотят поиграть на туркменских чувствах: то, что не удалось в центре, может быть, удастся здесь, надежды их не оправдались, но задание выполнено».

Разумеется, этот документ туркменской оппозиции родился не без идейного влияния ее московских единомышленников. Однако платформа была вполне самостоятельной, подготовленной на основе туркменских материалов, и один из ее основных авторов М.Тумаилов был образованным, эрудированным, неординарно мыслящим человеком, глубоко убежденным в правоте своего дела. Это невольно признал на пленуме нарком РДИ Г.Кулиев: «Старый коммунист, подпольщик (представитель ЦК ВКП/б/ - прим. автора) уговаривал Тумаилова отказаться от своей платформы, взглядов. Тумаилов ему ответил: «А вы отказывались от борьбы с царским правительством, когда вас высылали, преследовали?!» - «Так нельзя говорить! - возмутился нарком. - Выходит пролетарская диктатура, все равно, что царское правительство?»⁴¹⁴.

«Что даст платформа оппозиции для Туркмении? (Предложения к предстоящим партконференциям)» - так назывался документ туркменских оппозиционеров, вызвавший бурную реакцию участников Объединенного пленума ЦК и ЦКК КП/б/Т⁴¹⁵. Партийные органы, стремясь принизить значимость «Платформы», утверждали, что ее авторство принадлежит лишь одному человеку - М.Тумаилову. В действительности в ее создании участвовали также журналист Н.Я.Сапожников и старый большевик с дореволюционным партийным стажем Острцов, имевший опыт написания оппозиционных документов такого рода еще в Ленинграде⁴¹⁶. Несомненно, основная роль в подготовке этого оппозиционного манифеста принадлежит

⁴¹⁴ Там же, л.32-33,112.

⁴¹⁵ Там же, л.139-140. Как бы ни была строга цензура тоталитарного режима, Тумаилов все же успел опубликовать этот документ отдельной брошюрой. Мне не удалось разыскать ни одного экземпляра этого издания, которое, вероятно, было конфисковано и уничтожено, но упоминание об этой книжке сохранилось в брошюре Г.И.Карпова Оппозиционный манифест по национальному вопросу или демагогия чистой воды. Ашхабад, 1927. Подлинник документа «Что даст платформа оппозиции Туркмении» находится в архивно-личном деле на Тумаилова Махмуда №1/3350, хранящемся в фондах ЦГАПДТ и по-прежнему засекреченном.

⁴¹⁶ ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.41-11, л.262.

Тумаилову, поддерживавшему тесные связи с Троцким, Зиновьевым и другими российскими оппозиционерами.

Об отношении к туркменской внутрипартийной оппозиции говорится в вводной части «Платформы», где подчеркивается значение внутрипартийной демократии, особенно Туркменистане, где до 1917 года никаких организационно оформившихся политических партий, состоявших из представителей туркмен, не существовало.

Первый раздел «Платформы» ставил вопрос: «Чего оппозиция добивается для национальных парторганизаций?» Ответ таков: прежде всего внутрипартийной демократии на деле, а не на словах. О какой демократии могла идти речь, если в республике руководство из туркмен существовало формально, а всеми делами управляли присланные из Центра кадры?! Возможно, под «внутрипартийной демократией» авторы подразумевали демократию не только в партии, но и во всем обществе. В ту пору слово «демократ» ассоциировалось с «буржуазным национализмом». Подобное толкование навязывалось сверху. Не случайно выступивший на III съезде КП/б/Т представитель ЦК ВКП/б/ Радус-Зенкович поспешил наклеить на Тумаилова ярлык «национального демократа», обвинив его в «национализме»⁴¹⁷.

Тумаилов в выступлении на пленуме заявил, что первый секретарь ЦК Ибрагимов, отесняя второго секретаря А.Сахатмурадова в решении принципиальных, узловых вопросов, по сути проводит колонизаторскую политику⁴¹⁸. В «Платформе» критикуется отозванный Москвой предшественник Ибрагимова В.И.Межлаук, высокомерно относившийся к национальным кадрам. Он в частности заявлял: «Мы (то есть посланцы Центра - прим. автора) являемся для вас политкомами».

Следует заметить, что вокруг первых секретарей республики В.И.Межлаука и Ибрагимова велась скрытая борьба. Первые лица Туркменистана Атабаев, Айтаков, Сахатмурадов, на словах осуждая оппозиционеров, на деле сами, борясь за власть, находились в негласной оппозиции к Центру, пытаясь противостоять его диктату, в частности, в вопросе назначения первого секретаря ЦК. На том же пленуме отмечалось, что лишь благодаря усилиям Сахатмурадова и Атабаева был снят Межлаук, не прошло и двух лет секретарства, как подал заявление об уходе Ибрагимов. На пленуме ЦК КП/б/Т в марте 1928 года один оратор заявил: «Сахатмурадов отстаивает классовую, партийную линию, а Атабаев - защитник байской линии, мелкобуржуазной, торгашеской, а получился блок между

⁴¹⁷ ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.41-11, л.16.

⁴¹⁸ Там же, д.49, л.110.

Сахатмурадовым и Атабаевым за то, чтобы снять Межлаука...»⁴¹⁹ Сахатмурадов и Атабаев, несмотря на неудавшиеся отношения, совместно поставили перед председателем Турккомиссии Ш.З.Элиавой вопрос об освобождении Межлаука, проявившего себя с отрицательной стороны: плох как секретарь, с людьми разговаривает «менторским тоном»⁴²⁰. Когда решался вопрос о направлении в Туркмению Ибрагимов, в Москву поехал Н.Айтаков. «Я имел беседу с тов.Молотовым, - заявил он на пленуме, - и говорил, что Ибрагимов не сумеет создать сплоченную организацию», не сумеет создать атмосферу дружной работы Сахатмурадова и Атабаева⁴²¹. Это отмечено и в «Платформе»: «Прогноз Айтакова оправдался». Понятно, что Айтаков выражал не только свое мнение, но и мнение Атабаева, который, судя по всему, был против командирования из Москвы секретарей первого разряда

Второй раздел «Платформы», озаглавленный «Вопросы сельского хозяйства», декларировал необходимость «подлинной поддержки» бедноты, сближения ее с основной массой середняков, чтобы организовать батрачество и бедноту в «самостоятельную классовую силу». Поднимался также вопрос об освобождении 50% хозяйств от налогов и отказе от водного налога. Для Туркмении это означало освобождение от налогов 56% хозяйств, имевших доход до 180 рублей, вместо освобожденных от налогов в 1927 году 21,8%.

Третий раздел «О Совете национальностей и промежуточных органах» резко критиковал партийный аппарат, не выполнявший решений XII съезда партии по национальному вопросу. До образования СССР, говорится в этой части документа, в Москве был Наркомат по делам национальностей, во главе которого стоял Сталин, а ныне в Верховном Совете СССР организована вторая палата, возглавляемая Кульбешировым (представитель Туркменистана - прим. автора). Кульбеширов сменил Сталина, на смену работавшему ни шатко, ни валко наркомату пришел вовсе бездействующий Совет национальностей. Поэтому права оппозиция, требующая в «Платформе 83-х» «превращения Совета Национальностей в работающий орган», призванный заинтересованно обсуждать вопросы текущего государственного и хозяйственного строительства национальных республик и областей и их дальнейшей перспективы. Оппозиция считала важным делом палаты Верховного Совета СССР заниматься такими проблемами как национализация госаппарата, подготовка национальных кадров.

Документ туркменской оппозиции указывал конкретные пути воспитания, выдвижения в госаппарат национальных кадров, к примеру,

⁴¹⁹ Там же, д.74, л.101.

⁴²⁰ Там же, л.115.

⁴²¹ Там же, д.49, л.141.

создание рабочих городов, центров для рабочих местных национальностей, вовлеченных в сферу материального производства. Оппозиция отмечала, что в связи с новой пятилеткой, планами индустриализации, рождением нового быта на повестку дня вставали вопросы развития национальной культуры, которые также должны быть в центре внимания Совета национальностей. Однако в республике не ощущалась его работа, забота о национальных кадрах, поэтому оппозиция настоятельно призывала съезд партии, ЦК ВКП/б/ положить конец подобному бездействию.

С особой остротой ставится вопрос о бюрократизме. Возникновение этого порока, по мнению оппозиции, «вытекает помимо объективных причин из несовершенства нашего аппарата», а также из «бюрократического посредничества между Центром и окраинами». Оппозиция предлагала ликвидировать «неконституционный орган» - Средазэконо (Среднеазиатское экономическое совещание), фактически дублирующий Среднеазиатскую секцию Госплана СССР, без ведома которой республики в разрешении какой-либо хозяйственно-экономической проблемы и шага ступить не могли. Это ненужное звено в бюрократической цепи управления сковывало хозяйственную инициативу республик. Зачастую Средазэконо «решало» вопросы в течение нескольких месяцев, а Москва позднее отменяла принятые решения. Так случилось с планами строительства железной дороги Чарджуй-Хива, прокладки Эрсаринского оросительного канала, которые не получили поддержки ни в Москве, ни в Ташкенте, где находился аппарат Средазэконо.

В своем выступлении на пленуме М.Тумаилов дополнил документ оппозиции новыми предложениями: не следует раздувать и без того разбухший бюрократический аппарат, в частности Средазэконо, который, рассматривая представленную республикой смету по ирригационным работам, исключил из нее большую сумму, выделенную на строительство оросителей, но не с целью экономии государственных средств, а чтобы содержать на эти деньги свой штат.

На одном из заседаний Средазэконо приглашенный представитель Казахстана между прочим заметил, что его республика не входит в него. На что К.С.Атабаев с горечью признался: «Вы очень счастливы, что не входите в Эконо»⁴²².

К излишней бюрократической надстройке Тумаилов относил не только Средазэконо, содержание, которого по его подсчетам обходилось в 140 тысяч рублей, но и Средазбюро ЦК ВКП/б/, на многочисленный аппарат которого уходило тоже немало средств. Правда, о ненужности этого партийного органа, стоявшего над всеми партийными и государственными органами

⁴²² Там же, л.226.

республик Средней Азии, в «Платформе» не говорилось прямо, но зато Тумаилов открыто заявил об этом в своем выступлении на пленуме. Он также представил целый список, по его мнению, излишних среднеазиатских организаций, ликвидация которых сэкономит республикам до пяти миллионов рублей в год⁴²³. Оратор обратил внимание на неудовлетворительное состояние торговли в Туркменистане и предложил торговать с приграничной иранской провинцией Хорасан напрямую, а не через центральные среднеазиатские органы, как это делалось в то время⁴²⁴.

Судя по архивным источникам, некоторые положения, изложенные в «Платформе», нередко совпадали со взглядами Атабаева, Айтакова и других государственных деятелей Туркменистана. Однако при обсуждении оппозиционного документа и чуть позже, когда решалась судьба самого Тумаилова, эти деятели почему-то ни слова не сказали в поддержку «обвиняемого», не поддержали и другие здравые предложения оппозиционеров, наоборот, выступили против них. Лишь Айтаков на пленуме как бы между прочим заметил: «В платформе товарища Тумаилова поднимаются вопросы, которые неоднократно обсуждались на съездах и конференциях, начиная с XIII конференции, а затем и на нескольких пленумах»⁴²⁵.

С середины 30-х годов Атабаев напоминал затравленного, загнанного волкодава, у которого сточились «зубы». Он уже не обладал прежними полномочиями. Однако о его совестливости, гражданственности, несогласии с указаниями «сверху» говорят протоколы последних пленумов ЦК КП/б/Т, на которых он смело выступал накануне ареста. Но безжалостные жернова тоталитарной системы поглотили и перемололи и его, и Айтакова.

Четвертый раздел «Платформы» - «Рабочий вопрос» затрагивал проблему привлечения туркмен в сферу материального производства, создания для туркменских рабочих жилищных условий в городах, которые помогут им освободиться от «аульного идиотизма». Оппозиция требовала пересмотреть систему планирования, заменить пятилетку 15-летним генеральным планом, учитывающим коренные интересы национальных республик и областей. Оппозиция обращала внимание на местные профсоюзы, в деятельности которых не следует игнорировать национальную специфику, отличающуюся от российской, а также призывала проявлять заботу о формировании, росте, воспитании кадров пролетариата из числа коренных национальностей.

⁴²³ Там же, л.104.

⁴²⁴ Там же, л.58.

⁴²⁵ Там же, л.140.

Здесь снова поставлен вопрос о секретарях первого и второго разряда. «Платформа» считала, что эти и другие узловые кадровые вопросы решаются несправедливо, с позиций великодержавного шовинизма, недоверия к местным национальным работникам. Масло в огонь подлило и выступление Тумаилова, подтвердившего с трибуны пленума этот тезис платформы оппозиции.

Секретарь второго разряда Х.Сахатмурадов, оправдывая существование системы двух секретарей, без обиняков обвинил Тумаилова в подрывной деятельности, будто бы восстанавливающей национал-коммунистов против ВКП/б/. «Такой постановкой вопроса, - заявил Сахатмурадов, - во-первых, ты сеешь рознь между туркменами и европейцами, во-вторых, льешь воду на мельницу националистов, отрывая КП/б/Т от ВКП/б/...». А когда Тумаилов попытался вставить реплику: «Непосредственное влияние было товарища Сталина...», Сахатмурадов перебил его демагогической тирадой: «Вообще у нас в партии нет влияния одного человека. Ты не прав, ты ошибаешься, у нас есть партия рабочего класса. Влияние ЦК ВКП/б/ идет через Средазбюро...»⁴²⁶

В отличие от Сахатмурадова, Атабаева, Саулита (первого заместителя наркома РДИ) и других, резко критиковавших «Платформу» и самого Тумаилова, секретарь первого разряда Ибрагимов выступил несколько сдержаннее, хотя в действиях лидера туркменской оппозиции тоже усмотрел намерение «столкнуть лбами местных и присланных работников» и обвинил его в том, что тот не признает диктатуру пролетариата, «пролетарское руководство»⁴²⁷.

Почему оппозиция, как говорил докладчик Тер и другие, «выступила против пролетарского руководства, то есть руководства наиболее молодыми организациями республик и областей»?⁴²⁸

Оппозиционеры, прежде всего такие их лидеры как Тумаилов и Сапожников, по всей вероятности понимали, что диктатура пролетариата - это всего лишь политическая фикция, ибо после Октября собственность перешла в руки государства, власть в котором принадлежала организации бывших профессиональных революционеров, среди которых, кстати, почти не было промышленных рабочих.

Оппозиция считала, что такому «руководству» не до нужд народа и потому проявляла заботу о национальных кадрах, ставила вопросы о

⁴²⁶ Там же, л.103.

⁴²⁷ Там же, л.121.

⁴²⁸ Тер завершил свое выступление умозаключением: «Каждому сознательному члену партии, каждому сознательному пролетарию и дехканину ясно, что без помощи пролетарской России не только Туркменистан, но и Узбекистан не могли бы прожить ни одного дня» (Там же, л.16).

повышении роли профсоюзов, в которых видела организацию, представляющую интересы рабочего класса. Она была озабочена низкой заработной платой рабочих: производительность труда, отмечалось в «Платформе», стала выше довоенного уровня, а зарплата не соответствует росту производства, она ниже, чем до гражданской войны. В жарких климатических условиях Туркменистана рабочие в среднем получали 31 рубль. Оппозиция резонно требовала: если говорить об укреплении диктатуры пролетариата, о движении страны по пути к индустриализации, то следует позаботиться об увеличении зарплаты, повышении материального благосостояния рабочих.

В пятом, заключительном разделе «Платформы» подводятся итоги всему сказанному выше. Резюмируя этот документ, а также устные заявления лидеров туркменской оппозиции, следует отметить, что многие их положения, мысли и предложения не только верны, перспективны, но и созвучны идеям независимости. Требуя, к примеру, ликвидации надстроечных, «промежуточных» хозяйственных и политических органов или же отмены института секретарей первого и второго разрядов, оппозиция сумела опередить время, заглянуть на несколько десятилетий вперед, когда сама коммунистическая партия осудила порочность такой практики⁴²⁹.

Ретивые руководящие головы старались российский опыт партийного, советского, хозяйственного строительства перенести на туркменскую почву, против чего выступали хорошо знавшие местную специфику руководители. К примеру, С.Аманеков, руководитель «Туркменкошчи», сопротивлялся слепому копированию в Туркменистане действенных в российской деревне форм работы комитетов бедноты и взаимопомощи, эффективных в пору хлебной монополии. В туркменском ауле бедняк преобладал, его призывали «вести борьбу против кулачества в союзе с середняком» да еще «под руководством пролетариата». Откуда возьмешь середняка, которого, по сути, уже не было, он был разорен раскулачиванием. А во время проведения земельно-водной реформы, говорил в 1926 году на IV Пленуме ЦК КП/б/Т Аманеков, середняки перешли на сторону баев, бедняки оказались в меньшинстве⁴³⁰. Когда к баям применили репрессии, они эмигрировали. В Керкинском округе богачи ушли в Афганистан, бедняки от того не стали богаче, хотя 60 процентов хозяйств освободили от сельхозналога. В этом округе насчитывалось 406 середняков и почти 2800 бедняков⁴³¹.

Между тем секретарь ЦК первого разряда Ибрагимов выступал за использование российского опыта на туркменской земле: «Для Туркмении

⁴²⁹ Там же, л.216-230.

⁴³⁰ Там же, л.21.

⁴³¹ Там же, д.28, л.142.

новой принципиальной линии выдумать не можем, - категорично заявлял он, - мы должны брать за основу решения партсъездов». Рисуя радужную картину «роста экономики аула, его политической активности», он все же был вынужден признать, что «пока не имеем полного союза между бедняком и середняком» и, пытаясь рассеять сомнения Аманекова и других участников пленума, призывал во всем подражать центру, приводил неудачную параллель между социальными группами туркменского аула и губерний РСФСР и «находил» много «совпадений», дескать, там - кулак, бедняк, середняк, и у нас они есть, и потому между нами «много общего»⁴³². Тут, конечно, была явная натяжка, и секретарь ЦК то ли умышленно, то ли по недомыслию предавал забвению особенности и различия в психологии, быте, жизненном укладе туркменского дайханина и русского крестьянина.

Далее Ибрагимов, отвергая утверждения Тумаилова, привел примеры «интернационалистского» решения кадровых вопросов: в исполбюро (бюро ЦК КП/б/Т) - пять туркмен и четыре европейца; туркмены составляли большинство в ЦК и ЦИК⁴³³. Однако оппозиция обращала внимание на то, что многое не зависело от членов ЦК или ЦИК, которые больше представляли, нежели занимались решением государственных проблем. Узловые вопросы, в том числе кадровые, решали не ЦК и бюро, а партаппарат, в частности, секретариат. В 1928 году в него входили (обратим внимание на национальный состав): Ибрагимов, Веллеков, Паскуцкий, Шишков, Каруцкий. В 1929 году Паскуцкий был заменен Аронштамом. Заведующим организационно-партийным отделом, занимавшимся подбором и расстановкой кадров, был Шишков. Семин заведовал отделом по работе в ауле, во главе женотдела стояла Татьяна Платоновна Перимова. Ни один из них, в том числе и Аронштам, избранный секретарем ЦК, не знали туркменского языка, выступали на пленумах на русском языке, их переводили, так как большинство членов ЦК помимо своего родного другими языками не владело. Заместитель председателя Совнаркома Гальперштейн, курировавший сельское хозяйство и часто выступавший на пленумах о положении дел в туркменском селе, тоже не обходился без переводчика.

Не потому ли многие серьезные вопросы решались поверхностно, формально? Наглядный тому пример - заседание секретариата ЦК 4 мая 1929 года, на котором были заслушаны доклады Вельтнера «О политико-просветительной работе в ауле», Семина «О сельхозкооперации», Фрай «О предстоящем обследовании работы парторганизации по раскрепощению женщин». Заседание секретариата вел Шишков, в его работе участвовали

⁴³² Там же.

⁴³³ Там же, д.49, л.121.

заведующие отделами и инструкторы ЦК Перимова, Вельтнер, Смирнов, Давыдов, Желанная и Ата Ниязов, от ЦКК присутствовали: Гладков, Голодович, Беркович, из 11 человек приглашенных туркмен было лишь трое. По докладам высказались Голодович, Смирнов, Перимова, Шишков⁴³⁴. Как правило, на пленумах ЦК и ЦКК основными докладчиками выступали Тер, Саулит, Аронштам, Гальперштейн. Справедливости ради отмечу, что среди «европейцев» были коммунисты, свободно владевшие туркменским языком, например, Фомкин, Свободин, Карабанов, но таких были считанные единицы.

Межэтнические столкновения, происшедшие в начале 90-х годов на среднеазиатской земле - суровый приговор несостоявшейся национальной политике большевиков в Туркестане. Если бы чиновникам из Средазбюро была дорога и хоть немного знакома история туркменского и казахского народов, они бы определили по-иному и судьбу Мангышлака, правильно решили бы вопрос, кто имеет на него больше законных прав, чьей исторической родиной он является.

Недобрую память сохранили народы о земельно-водной реформе, подтолкнувшей массовую эмиграцию. Согласно одному архивному источнику, в те годы только в Афганистан ушло 40 тысяч человек⁴³⁵. А «хозяева жизни», став вдруг обладателями воды и земли, не умели и потому не хотели на ней хозяйствовать.

Не смею утверждать, что в «Платформе» все идеально. Размноженная на ротапринте, она в иных местах носит на себе следы языковой, стилевой небрежности, которые сказались на четкости формулировок, ясности мысли и т.д. Оппозиция, справедливо критикуя засилье Центра, пороки партийного и государственного управления, не сумела разглядеть главного: все беды порождались самой тоталитарной системой.

В действиях и заявлениях оппозиции было немало противоречий, как объективных, так и субъективных. Заявляя, что Центр (то есть сталинское руководство) ущемляет, ограничивает самостоятельность национальных республик и областей, оппозиция была, конечно, права. Однако она зачастую не учитывала, что в Средней Азии все еще сохранялся феодально-патриархальный уклад, поэтому регион не располагал достаточно подготовленными, образованными кадрами. С другой стороны, оппозиционеры, стремясь к решению национальных проблем в молодой туркменской республике, не всегда были бескорыстны в своих действиях, и подобно своим российским единомышленникам боролись за влияние и власть⁴³⁶.

⁴³⁴ Там же, д.120, л.2-3.

⁴³⁵ Там же, д.49, л.213.

⁴³⁶ Там же, д.50, л.157-158.

Пленум, как следовало ожидать, ни одного пункта «Платформы» не принял. Здравый голос Айтакова, заметившего, что документ оппозиции поднимает ряд проблем, о которых ранее говорилось на многих собраниях, потонул в хоре ораторов, стремившихся доказать свою верноподданность и благонадежность.

Сахатмурадов заявил, что Тумаилов в своем выступлении несправедливо обвинил ГПУ Туркменистана, которое якобы борется не с контрреволюцией, а с честными рабочими и дайханами. «Ты знаешь, что багирские и геокчинские контрреволюционеры сидят»⁴³⁷, - эта полуутвердительная, демагогическая фраза секретаря ЦК, обращенная к Тумаилову, прозвучала не только как угроза, но и как повод, чтобы бюро ЦК, готовясь к очередному III съезду Компартии Туркменистана, намеченному на ноябрь 1927 году, приняло решение, развязывающее руки карательному аппарату. Позволю себе привести этот документ полностью:

«Исполбюро считает необходимым: одобрить репрессии, произведенные ГПУ ТССР в отношении бывших помещиков, крупных землевладельцев, родовых ханов, злостных реставраторов и наиболее активных баев, вредно влияющих на соваппарат, тормозящих советизацию аула, принижающих активность бедноты и ведущих антисоветскую агитацию и работу. Считать, что только репрессии способны обеспечить устойчивое политическое положение в районе, дать твердую почву для организации бедноты и массовой работы и предложить ГПУ продолжать репрессивную политику в отношении указанных выше элементов»⁴³⁸.

Оппозиция не складывала оружия. На состоявшемся через два месяца III съезде КП/б/ Туркменистана было оглашено заявление ашхабадских оппозиционеров, протестующих против решения ЦК ВКП/б/ об исключении из партии Зиновьева, Троцкого и выведении оппозиционеров из состава ЦК и ЦКК. Оппозиция осуждала линию ЦК ВКП/б/ и его «верхушки» в лице Сталина и Бухарина, которые своими преследованиями толкали оппозицию на раскол, на создание второй партии. Ашхабадские оппозиционеры, ссылаясь на Ленина, утверждали, что Сталин будет преследовать «старую

⁴³⁷ Там же, л.157-158. Дело багирских и геокчинских «контрреволюционеров» было сфабриковано ГПУ. На том же объединении пленуме ЦК и ЦКК КП/б/Т Атабаев по-своему истолковал причину, побудившую Тумаилова вступить в ряды оппозиции: «Обижен... исключительно на почве создания престижа, чтобы стать более или менее популярным». Тумаилов, продолжал оратор, ставил передо мной вопрос о назначении его первым заместителем наркома РДИ, вместо товарища Саулита. «Я ему не постеснялся сказать, что он не вырос для этого дела и не справится с работой». Тумаилов такой разговор отрицал. И тем не менее его, исключенного из партии, а затем восстановленного, в 30-х годах выдвинули на должность заместителя, а затем и наркома финансов ТССР. На этом посту он проработал почти до момента повторного исключения из партии.

⁴³⁸ Там же, д.46, л.143.

гвардию» ленинцев, исключит их из ЦК и, злоупотребляя властью, возьмет под свое единоличное руководство партию и государство. Кутузов, Богомолов, Сапожников и Тумаилов, подписывая послание оппозиции, указывали, что «заявляют свой протест против решения ЦК ВКП/б/ и тем самым предрешают свою судьбу членов партии»⁴³⁹.

Нетрудно представить реакцию зала, заряженного общим психозом борьбы с оппозицией, которая в сознании многих ассоциировалась с контрреволюцией, вредительством, вылазками классовых врагов и т.д. и т.п. Участники съезда требовали немедленного исключения из партии авторов заявления, но президиум съезда счел необходимым решить судьбу членов оппозиции после XV съезда ВКП/б/.

Оппозиционеров одного за другим исключали из партии, освобождали от занимаемых должностей, арестовывали, заключали в тюрьмы, ссылали... Не миновала сия горькая чаша и их ни в чем неповинные семьи, жен, детей, близких и дальних родственников и даже тех, кто по случайности жил с ними по соседству или общался.

К примеру, ашхабадца М.Григорьева обвинили в «антисоветской троцкистской деятельности» за то, что он хранил у себя труды Зиновьева, Сафарова, Авербаха, Каутского. Вместе с ним арестовали З.Храповского, восхищавшегося красноречием Троцкого и личностью Бухарина. Особое совещание при НКВД СССР приговорило их к восьми годам лишения свободы. Нину Сергеевну Тумаилову-Батрову тоже «уличили в троцкизме», но главная ее «вина» была в том, что она была женой троцкиста М.Тумаилова. Над ней «смилоствовали», дали лишь 5 лет исправительно-трудовых лагерей, но свободу она получила лишь в конце 50-х годов, то есть спустя без малого 20 лет.

Борьба с троцкизмом с новой силой вспыхнул в середине 30-х годов в период «большой чистки». Секретарь ЦК КП/б/Т Анна Мухаммедов, докладывая в январе 1936 года пленуму ЦК КП/б/Т итоги проверки партийных документов, победоносно заявил, что в результате проверки были разоблачены «охвостья националистов, троцкистов и зиновьевцев». Из партии были исключены 10 троцкистов и зиновьевцев, из них 7 - в Ашхабадской парторганизации и 3 - в районных. Среди исключенных: нарком финансов ТССР Тумаилов, начальник управления кадров Наркомпроса Пабст, директор финансово-экономического техникума Махтум Эсенов, группа Терещатова-Германа и т.д. В красноводской парторганизации были вычищены из партии оппозиционеры Журавлев и Семенов, приехавшие

⁴³⁹ Там же, д.41-11, л.187-190.

в Туркмению после убийства Кирова⁴⁴⁰. Большинство этих «оппозиционеров и троцкистов» было лишено свободы, сослано или расстреляно.

В начале 50-х годов МГБ ТССР выявило антисоветские настроения одного из ярких представителей туркменской интеллигенции Оразмамед Абдалова. Произведя у него на квартире обыск, чекисты обнаружили дневник, начатый молодым О.Абдаловым в июне 1934 года, когда он учился в Москве. Как констатировал следователь, в дневнике содержался ряд заметок, статей «со злобными антисоветскими выпадами, клеветой на руководителя Советского государства». Отрицая наличие в стране демократии, Абдалов записал в своем дневнике: «Выборы в Советском Союзе носят формальный характер, кандидатов в депутаты назначают сверху»⁴⁴¹. Автора дневника обвинили в национализме за фразу: «настоящая туркменская опера может быть создана только туркменом - это мое убеждение». Одновременно его обвинили и в троцкизме за хороший отзыв о «враге народа» К.Радеке. «Радек для меня - это огромная титаническая мысль, это редкая лаборатория человеческой мысли, это гибкость ума... Радек – это олицетворение в одном человеке всего сегодняшнего», - писал О. Абдалов⁴⁴².

Еще в 20-х годах, когда О. Абдалов учился в Ташкенте, с ним в одной комнате общежития жил некий Чарыев, у которого во время обыска были обнаружены антисоветские троцкистские листовки. Абдалов вместе со своим сокурсником Чарыевым встречали и провожали на ташкентском вокзале высланного в Алма-Ату Троцкого и его сына Л.Седова. Это тоже было поставлено в вину О.Абдалову, приговоренному военным трибуналом к 25 годам лишения свободы с конфискацией имущества и поражению в правах на пять лет⁴⁴³.

§ 3. БОРЬБА С «УКЛОНАМИ» КАК МЕТОД ПОДАВЛЕНИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ.

В докладе первого секретаря ЦК Аронштама, сделанном на пленуме ЦК КП/б/ в феврале-марте 1929 года говорилось о самоубийстве узбекского деятеля Хидыра Алиева, оставившего после себя письмо: «Страну стихийно наводняют русские, а перед Москвой это скрывают, в конечном счете, перенаселена Фергана». Эту фразу докладчик расценивал как «голо националистическую» и туманно намекнул, что в посмертном письме «есть

⁴⁴⁰ Там же, д.284, л.15.

⁴⁴¹ Архив КНБТ, ф.П47884, д.931, т.П, л.96, 99.

⁴⁴² Там же, л.90-91.

⁴⁴³ Там же, л.128, 258.

ряд чрезвычайно любопытных формулировок, говорящих о своеобразном проявлении правого уклона в Средней Азии»⁴⁴⁴. Заявление, как видим, достаточно туманное.

Интересно, что подобная завуалированность пронизывает материалы всех пленумов, заседаний бюро ЦК КП/б/ Туркменистана, проходивших в 1927-1930 годах, на которых бурно обсуждали «рецидивы правого уклона», «правого оппортунизма» в деятельности партийной организации республики.

О каком же «своеобразном проявлении правого уклона в Средней Азии» рассуждал Аронштам? В действительности это своеобразие заключалась в том, что в республике «правого уклона» как такового не существовало, и частое упоминание в докладе об «уклонах» вызывало у членов ЦК недоумение и раздражение. Но тех, кто осознавал, что шумная кампания борьбы с «правым уклоном» прикрывает расправу над честными людьми, и пытался этому противодействовать, немедленно подвергали остракизму, увольняли с работы и исключали из партии.

Так случилось с заместителем председателя правления республиканского Сельхозбанка Ниязом Мурадовым, заявившим, что «правый уклон», возможно, опасен в Москве, но не на туркменской периферии, где его не существует. Подобную же «крамолу» допустил председатель Кизыл-Арватского учкопрофсожа Клевцов, заявивший, что невозможно быть носителем «правого уклона», оппортунизма, не имея понятия об этих оппозиционных течениях⁴⁴⁵. Руководящие работники активно искали проявления «правого уклона», чтобы шагнуть в ногу с директивами Центра. Аронштам утверждал: «Этот уклон у нас... есть»⁴⁴⁶. К проявлениям «уклона» относили и пьяную выходку хулиганов, сорвавших в клубе самодеятельный спектакль, и «издевательство рабочих-европейцев над рабочими-туркменами», обзывавших последних уничижительными кличками «зверь», «дикарь», «большая шапка» и т. п.

Участники пленума, прослушав доклад Аронштама и выступления в прениях руководящих работников, так и не поняли, что же все таки представляет из себя «правый уклон». Например, некий Зиновьев говорил, что вопрос об «уклонах» не ясен для большинства присутствующих, что Аронштам своим докладом лишь «запутал партийные слои, которые не могут понять, в чем же заключается правый уклон. Какая разница между правым и левым уклонами, какой опаснее, какой хуже?» Сославшись на предыдущего оратора, Зиновьев отметил, что сейчас важно не искать «уклоны», так как в

⁴⁴⁴ ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.106, л.141.

⁴⁴⁵ Там же, д.130, л.252.

⁴⁴⁶ Там же, д.51; л.16.

Туркмении, особенно в аулах, их нет, а заниматься насущными проблемами туркменского села⁴⁴⁷.

Участники пленума отмечали, что в туркменской партийной организации «гоняются за модой». Вскрыл, к примеру, ЦК ВКП/б/ «смоленский гнойник», тут же в Туркмении поспешили создать «мервское дело», раздули случай с рабочими-выдвиженцами, которые играли в казино, выпили и пошумели в общественном месте.

Формализм партийных органов возмущал даже тех, кого трудно заподозрить в оппозиционности или нелояльности к властям. «Я не представляю, - говорил Меред Клычев, - что это за правый уклон? От каких слоев он больше всего исходит - от крестьянства или служащих?» Выступивший на пленуме член ЦК Гладков заявил, что случаи проявления антисемитизма со стороны руководителей в Чарджоу, Мерве нельзя относить к «правому уклону», это – не что иное как свидетельство разложения партийной верхушки⁴⁴⁸.

Однако наиболее рьяные партийные активисты, несмотря на явные натяжки, пытались выявить «правый уклон», видя его в недостаточно тщательной чистке аульных партячеек, в которых еще оставались «чуждые элементы», в недооценке работы с беднотой, «не сумевшей порвать с классовым врагом», и даже в существующем у коммунистов «среднем настроении между правым и левым уклонами», который классифицируется как «средний уклон»⁴⁴⁹.

В классификации «уклонов» дело доходило до абсурда. На многих пленумах и съездах, совещаниях и семинарах какие только не назывались уклоны: мещанский, байский, кулацкий, ползучий, идеологический, бедняцкий, середняцкий и т.д.

Доказательством проявления «правого уклона» называлось, например, проявление грубости врача страховой кассы Ушакова по отношению к ответственной работнице-туркменке, пришедшей за больничным листом. Врач в присутствии некоего руководящего деятеля стал грубить, выгонять из кабинета женщину, которая с ожиданием поглядывала на коллегу, надеясь, что тот защитит ее. Но он, посмеиваясь, снисходительно приговаривал: «Раз доктор говорит, слушайся, уходи...» Женщина со слезами покинула кабинет⁴⁵⁰. Этот случай грубого отношения к женщине на пленуме расценили как «правый уклон», не понятно, правда, с чьей стороны.

⁴⁴⁷ Там же, л.29.

⁴⁴⁸ Там же, д.78, л.28.

⁴⁴⁹ Там же, л.63, 72.

⁴⁵⁰ Там же, д.78, л.35.

Верхушка ЦК упрекала партийные и советские органы на местах, что те не сумели с самого начала «взять жесткую линию»⁴⁵¹. Под разным предлогом давалось «добро» на то, чтобы бить и терзать всех и вся - байско-кулацкие элементы, духовенство, тех, кто «искривлял» политику хлебозаготовок, собирался эмигрировать, отдал детей учиться мулле или сам молится, осуждал политику Советов, высказывал «чуждые антипролетарские взгляды», оказывал влияние на молодежь, пытаясь «тащить партию назад от решений XIV съезда», отрицая необходимость наступления на капиталистические элементы деревни, или требовал свертывания нашей индустрии, считая нынешние темпы ее развития губительными»⁴⁵².

В 1927 году ЦК КП/б/Т разработал жесткие меры борьбы с мусульманским духовенством. Был созван специальный пленум, отметивший «крайнюю некультурность туркменских священнослужителей по сравнению с духовенством других республик». В борьбе с духовенством предполагалось быть «крайне решительными»: ликвидировать основные очаги религиозной активности, медресе, готовившие мулл, ишанов, ограничить их влияние и предупредить проникновение в общественные и государственные организации. Справедливости ради следует сказать, что в решении было оговорено: «борьба с духовенством... должна вестись решительно, но с учетом общих политических условий и настроения дехканства»⁴⁵³. Настроений этих, однако, никто не учитывал, наоборот, среди участников пленума раздавались призывы воздействовать на духовенство в административном порядке⁴⁵⁴.

Так и поступали. Расправлялись не только с духовенством, но и с интеллигенцией, прежде всего с образованными людьми, обучавшимися в Хиве, Бухаре, Казани, Турции, избавлялись от учителей-джадидов. Некий Байрам Мурадов на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП/б/Т в октябре 1928 года, призвав к изгнанию учителей-джадидов из учебных заведений Туркмении, заявил, что «они не переварились в нашем социалистическом котле на сто процентов», и их надо заменить молодыми учителями, которых начали выпускать местные техникумы⁴⁵⁵.

Между тем учительских кадров в школах не хватало, Туркменистан пока еще не имел своих высших учебных заведений, подготовка интеллигенции велась в Узбекистане, России. В 1928 году в Среднеазиатский госуниверситет, находившейся в Ташкенте, из Туркмении отправили на учебу

⁴⁵¹ Там же, д.74, л.102, 115; д.49, л.120.

⁴⁵² Там же, д.51, л.7,10,16-19.

⁴⁵³ Там же, д.49, л.253-259.

⁴⁵⁴ Там же, л.267.

⁴⁵⁵ Там же, д.78, л.116.

только 10 человек, в основном детей состоятельных родителей, которым чинили всяческие препоны из-за их «чуждого» социального происхождения. Была возможность послать гораздо больше юношей и девушек в высшие и средние учебные заведения Ташкента, Москвы, Ленинграда, Казани и других городов страны, но всякий раз этому препятствовали охранители «классовых интересов». К примеру, член ЦК Артыков, проверявший работу средних учебных заведений Красноводска, Ашхабада, Гинзбурга (Каахка), считал ненормальным, когда «наряду с сыновьями бедняков учатся идеологически невыдержанные элементы, сыновья лишенных избирательных прав», предлагал «не пускать» их в вузы, «освободиться от таких элементов, чтобы успешно вести борьбу на идеологическом фронте» школы⁴⁵⁶.

Пленум предложил райкомам партии выявить такие «элементы» и незамедлительно прислать сведения в ЦК, ибо предварительная проверка показала, что в составе районных работников половина «идеологически невыдержанных», которых необходимо освободить от занимаемых должностей⁴⁵⁷.

Кошунственно заявление члена ЦКК Панова на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП/б/Т в ноябре 1928 года. Призывая к непримиримости в отношении «классово-чуждых элементов», он сравнивал борцов-партийцев с плотником, который, дескать, не возьмет на работу зазубренный топор, пока не подточит, не заострит его. Если мы хотим проводить в ауле свою линию, то есть классовую борьбу, говорил Панов, а инструмент, с помощью которого собираемся осуществить большевистскую политику, «имеет в себе людей, чуждых нам», то они «составляют объект для товарища Каруцкого (председателя ГПУ Туркмении - прим. автора). «Непроведение очистки аульных ячеек» Панов расценивал как проявление «правого уклона»⁴⁵⁸.

В середине 1929 года в республиканской газете «Туркменистан» была опубликована статья председателя Центральной комиссии по чистке госаппарата К.Л.Голодовича, озаглавленная «Как не надо бороться с чуждым элементом». О чем же говорится в публикации? «Все, что имеется у нас грамотного, хотя бы социально-чуждого, но активно не восстающего и добросовестно выполняющего свои обязанности, нужно сохранять, беречь, - писал Голодович. - Это старая истина...» При проведении чистки, предлагал автор, надо учитывать не только индивидуальные, но и национальные особенности каждого подвергаемого проверке, не забывать о вчерашнем прошлом народа, испытавшем на себе колонизаторскую политику царизма,

⁴⁵⁶ Там же, л.109.

⁴⁵⁷ Там же, л.110.

⁴⁵⁸ Там же, л.184.

необходимо бережно относиться к национальным кадрам, особенно к интеллигенции, не забывать о гуманности.

Если мы терпимо относимся к бывшим матерым русским белогвардейцам, говорилось далее в статье, лишь потому, что они при советской власти и за ее счет успели приобрести специальность и считаются «труднозаменимыми», то тем более осторожно нужно подходить к интеллигентам-туркменам. Настаивать на изгнании из аппарата честно работающих интеллигентов только за то, что они сыновья или дочери ханов, ишанов, баев и т.п., равносильно признанию собственной глупости и безграмотности.

К.Л.Голодович, обращаясь с газетных страниц к проверочным комиссиям, призывал учесть его советы, исправить ошибки там, где они имели место, не определять судьбу проверяемого лишь по его социальному происхождению, а подходить к каждому в отдельности, исходя из ценности, честности, деловых качеств в настоящее время⁴⁵⁹.

Эта газетная публикация вызвала гневную реакцию партийных органов. На бюро ЦК о ней доложил Шишков (секретарь и, одновременно, заведующий организационно-партийным отделом ЦК), расценивший выступление Голодовича в печати как «извращение линии партии в вопросе использования национальных кадров работников и интеллигенции». Шишков поставил вопрос о возможности дальнейшего пребывания Голодовича на должности председателя Центральной комиссии по чистке госаппарата⁴⁶⁰. За публикацию статьи спросили и с редакции газеты: редактору Лусаинову было объявлено строгое партийное взыскание, ответственный секретарь освобожден от работы. Самого Голодовича вскоре изгнали из аппарата, вывели из состава ЦК, а затем арестовали, тем более, что он оказался «старым большевиком», на которую Сталин устроил настоящую охоту.

§ 4. ОБРАЗОВАНИЕ ВНУТРИПАРТИЙНЫХ ГРУПП И ГРУППИРОВОК - ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ БОРЬБЫ ЗА ЛИДЕРСТВО В ПАРТИИ

Повестка дня пленума ЦК КП/б/Т в марте 1928 года, вынесшего на обсуждение доклад первого секретаря ЦК Ибрагимова «О развитии национальной культуры», была многообещающей, но серьезный, деловой разговор о культуре не состоялся. После речи Сахатмурадова, посвященной

⁴⁵⁹ Там же, д.120, л.22-23.

⁴⁶⁰ Там же, л.2-3.

главным образом групповой борьбе в партийной организации, верхушка партийного руководства все шесть дней, в течение которых шел пленум, была занята выяснением личных отношений.

В Туркменистане шла внутривнутрипартийная борьба, но об истинной ее подоплеке умалчивали, опасаясь быть обвиненными в «местном национализме» или «великорусском шовинизме».

Противоборство это зародилось еще в начале 20-х годов, после установления советской власти в Закаспии. Впервые оно стало заметно во взаимоотношениях Атабаева и Сахатмурадова. Правда первоначально между ними не наблюдалось прямых столкновений и соперничества. Атабаев - видный партийный и государственный деятель Средней Азии, председатель Совнаркома Туркестанского края в сравнении с Сахатмурадовым, вторым секретарем Закаспийского обкома партии, в служебной иерархии занимал более высокое положение. Однако Атабаев в силу своих убеждений или будучи более гибким политиком поддерживал председателя Закаспийского облисполкома Чары Пирлиева, который, по утверждению Сахатмурадова, выражая интересы байской верхушки, выступал против земельно-водной реформы, срывал ее проведение⁴⁶¹.

Противостояние этих двух личностей, за которыми стояли определенные круги не только партийных и государственных работников, но и общества в целом, особенно заметно обозначилось после образования Туркменской ССР, когда Х.Сахатмурадова назначили секретарем ЦК, а Г.Атабаева - председателем Совнаркома Туркменистана.

К сожалению противоречия между этими двумя государственными деятелями приобретали столь острый характер, что они не останавливались ни перед чем: использовали высокую трибуну партии и государства, выступали в печати, не давая спуска друг другу. Сахатмурадов писал доносы Центру и Средазбюро ЦК ВКП/б/, обвиняя Атабаева в либерализме, сочувствии байской верхушке, расценивая его позицию как «беззубую», препятствующую проведению земельно-водной реформы, которая, по мнению председателя СНК Атабаева, якобы подобна овчинке, не стоящей выделки.

Действительно, Атабаев критически относился к ряду мероприятий советской власти, предлагая в частности ограничиться лишь землеустройством, а земельно-водные отношения решить путем сооружения в республике Большого канала. Он имел свою точку зрения и на проведение классовой линии в туркменском ауле, в котором, по его мнению, «байские прослойки не имеются», а если они и есть, то уже не представляют опасности

⁴⁶¹ Там же, д.74, л.61-62.

для советского строя. Атабаев считал, что туркменское сельское общество пребывает в стадии феодально-родовых отношений, где еще не сформировалась торговая буржуазия и нельзя проводить четкую грань между баями, ишанами и дайханами, ибо все они принадлежат к одному сословию - трудовому дайханству, поэтому их всех без исключения следует наделять землей и водой. Будучи председателем комиссии по земельно-водной реформе Атабаев отстаивал эту позицию и во время проведения реформы, но бюро ЦК КП/б/Т не согласилось с ним, предложило ему вернуться в Теджен и «искать байские элементы», которых он «нашел немного» и без большого желания⁴⁶².

В вину Атабаева ставилось и его отношение к национальным воинским формированиям, в которых он видел зародыш национальной армии. «Каждый народ должен иметь свою армию, - писал он, - и поэтому туркменский народ тоже должен организовать свою армию для своей защиты»⁴⁶³. По мнению Сахатмурадова, подобное утверждение - «националистическое, не большевистское», ибо армия должна быть классовой, а туркменские формирования призваны стать частью единой пролетарской классовой армии, а не народной⁴⁶⁴. В ту пору слова «нация», «национальная» ассоциировались с понятиями «контрреволюция» и «национализм».

Весной 1924 года в Иране вспыхнуло туркмено-курдское восстание, охватившее Хорасанскую и Астрабадскую провинции, где на огромной территории Туркменской степи проживали туркменские племена. Активной силой восстания были йомуты-джафарбайцы, которые, объединившись с другими туркменскими племенами, создали несколько повстанческих отрядов, овладели рядом населенных пунктов и дорогой, ведущей на Тегеран и Мешхед, с переменным успехом вели бои с правительственными войсками⁴⁶⁵.

В Туркменистане, да и во всей Средней Азии это выступление не осталось незамеченным. Но партийные и государственные руководители отнеслись к нему неоднозначно, хотя часть общества с сочувствием встретила вооруженное восстание, явившееся не только ответом на дискриминационную социально-экономическую политику иранского правительства в отношении туркмен, попытку иранских властей разоружить туркменские племена, но и свидетельством «зарождения внутри племен

⁴⁶² Там же, л.62.

⁴⁶³ Там же, л.63.

⁴⁶⁴ Там же.

⁴⁶⁵ В.Березкин. В Гюргенской долине. Очерк туркмено-курдского восстания в 1924-1926 годах. Москва-Ташкент, 1931, с.22.

туркменской буржуазии, развития их национального самосознания и нарастания среди туркмен национально-революционных идей»⁴⁶⁶.

20 мая 1924 года в селении Амин-чали (Омчали) вблизи Кумышдепе был созван съезд племен джафарбай, атабай, геоклен, провозгласивший их отделение от Персии и образование независимой Туркменской республики. Ее президентом избрали видного родового вождя Осман-ахуна, высокообразованного, скорее светского, нежели духовного деятеля, признанного в качестве лидера и за пределами Ирана. При нем учредили особый орган - Совет аксакалов⁴⁶⁷.

Необученные повстанцы с трудом сдерживали натиск правительственных войск, командование которых, стремясь любой ценой подавить это выступление, захватывало заложников, казнило их, подкупало родовых вождей, путем интриг сеяло между ними раздоры. Восставшие организовали военную школу для подготовки командного состава, куда в качестве преподавателей пригласили турецких офицеров, служивших у Энвер-паши и после его гибели прижившихся в Туркменской степи. Одним из военных наставников в этой школе служил Ляля-хан Йомудский⁴⁶⁸.

Почти два с половиной года родовые вожди Непес-сердар, Геок Софи-хан и Алляяр-хан, собрав под свои знамена свыше 1,5 тысяч бойцов, продолжали вооруженную борьбу. Правительственные войска, применяя против повстанцев бомбовые удары с самолетов, тяжелые орудия и пользуясь предательством некоторых родовых вождей, перешедших на сторону властей или бежавших за границу, захватили Ак-кала, Кумуш-депе, Гумбет-Кабуз - опорные базы туркмен.

Иранские войска, захватывая туркменские населенные пункты, действовали так же, как повстанцы в иранских селениях, совершали насилие, грабежи, избиения. Туркменское население, в основном женщины, дети, старики, бежали на советскую территорию; мужчины, способные держать оружие в руках, уходили в повстанческие отряды⁴⁶⁹.

⁴⁶⁶ Там же, с.23.

⁴⁶⁷ Там же, с.29-30.

⁴⁶⁸ Там же, с.33; М.Айдогдыев. Туркмены зарубежья. Ашхабад, 1992, с.18. Ляля-хан - один из двенадцати сыновей Н.Н.Йомудского, из которых семеро, включая Ляля-хана, получили военное образование в России и стали офицерами русской армии. В гражданскую войну Ляля-хан, воевавший на стороне белогвардейско-националистического правительства, командовал чеченским отрядом, действовавшим в горах Копетдага. После восстановления советской власти в Закаспии в начале 1920 г. он эмигрировал в Иран, поддерживал тесные связи с турецким офицером Кадыром Эфенди, проживавшим в Кумышдепе. Позднее Ляля-хан стал офицером турецкой армии. Умер он в 1930 г., похоронен в Гасанкули. (Архив КНБТ, д.ПФ60, л.1-2,50,60,349).

⁴⁶⁹ В.Березкин. В Гюргенской долине, с.51.

Постепенно восстание шло на убыль. Не поступали известия из Турции, куда за помощью был послан один из турецких офицеров. Судьба республики иранских туркмен не волновала и Советское правительство. Повстанцы собирались направить своего делегата к правительству Туркменской ССР с просьбой помочь им и присоединить иранских туркмен и их земли к территории СССР. Но от этой идеи отказались: до восставших дошли слухи, что Советский Союз не нарушит принципа невмешательства в дела соседнего государства⁴⁷⁰.

Однако не все в Туркменистане были равнодушны к судьбе своих соотечественников за рубежом. Г.Атабаев намеревался направить в Гурген на помощь повстанцам Сеидмурада Овезбаева. «Руками этого классового врага, - заявил на пленуме Х.Сахатмурадов, - он хотел вмешаться в компетенцию союзной республики»⁴⁷¹.

Есть основания предполагать, что иранские туркмены все же неофициально посылали ходяков к Г.Атабаеву или Н.Айтакову с просьбой оказать им помощь. Возможно, этим объясняется и настойчивость Атабаева, поставившего перед бюро ЦК вопрос о необходимости вооруженной помощи восставшим. В ответ на возражения, что это противоречит партийным принципам, интересам диктатуры пролетариата, Атабаев якобы заявил: «Как не встать на защиту родных братьев. Мы должны им помочь. Туркмены не должны быть жертвой какой-то пролетарской политики»⁴⁷². За это предложение на бюро голосовали только Атабаев и Айтаков. Насколько они были правы или ошибались в своих суждениях и действиях - это другая сторона медали.

Бюро ЦК большинством голосов осудило поведение Атабаева как «националистическое», отметив, что непартийные поступки он совершал «под влиянием буржуазных интеллигентов С.Овезбаева и Бекки Бердыева». Этим замыслом, заявил бдительный Сахатмурадов, мы помешали, ибо к сложившейся ситуации в Персии Атабаев подошел с «непартийной позиции»⁴⁷³.

Восстание потерпело поражение. Повстанцы во главе с Осман-ахуном, Геок-Софи, Аллаяр-ханом, Ляля-ханом и Непес-сердаром перешли на территорию Советского Туркменистана. Три тысячи иранских туркмен были

⁴⁷⁰ Там же, с.30.

⁴⁷¹ ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.74, л.64.

⁴⁷² Там же, л.63. В работе пленума, обсуждавшем его позицию, Атабаев не участвовал. Вся критика в его адрес звучала в отсутствие Атабаева.

⁴⁷³ Там же, л.63-64. Подробно о восстании туркмен Гургена см.: Х.Атаев. Национально-освободительное движение в Хорасане. Ашхабад,1963; Х.Атаев. Освободительное движение туркмен Ирана. Ашхабад,1970; М.Айдогдыев. Арачэгин, анырсындакы аркадашлар. Ашхабад, 1992 и др.

расселены в приграничных туркменских селах. Позднее многие из них были репрессированы и высланы⁴⁷⁴.

В годы тоталитаризма излюбленным оружием политиков было обвинение в «местном национализме» или «великорусском шовинизме». Эффективнее срабатывало первое обвинение, вероятно, поэтому противостоящая Г.Атабаеву группировка часто прибегала к нему. В то же время непримиримый к национализму председатель Средазбюро ЦК ВКП/б/ Зеленский зачастую закрывал глаза на шовинистические и другие аморальные поступки представителей «старой гвардии». Так, он примиренчески относился к «пьющим партийцам», если за плечами у них был «20-25-летний стаж классовой борьбы»⁴⁷⁵. Не случайно за три года сменилось три первых секретаря Ашхабадского горкома компартии. Замалчивалось безобразное поведение секретаря горкома Константинова, которого ЦК без огласки освободил от занимаемой должности, а партийные организации некоторое время находились в неведении: есть ли у них руководитель или нет. Константинова сменил также присланный из Центра Селиванов, который целыми днями слушал граммофоне и ждал, когда его пригласят на пост наркома⁴⁷⁶.

Еще не забылась «позорная история с Селивановым, - возмущался с трибуны пленума Чары Веллеков, - как выбранный только что новый секретарь горкома, напившись после конференции, избивает жену, дебоширит, бьет стекла, пьет третий день запоем. Его пытались утихомирить, а он прикрывается большим партстажем». Оратор привел и другой пример с присланным из Центра членом партии с 1905 года, только что назначенным руководителем стеклозавода, но уже успевшим организовать на производстве коллективную пьянку⁴⁷⁷.

Отсутствие гласности в деятельности секретариата ЦК вызывало в партийных организациях негативные настроения, порождало недовольство политикой руководства партийных органов республики и Средазбюро, все заметнее входивших во вкус административно-командных методов,

⁴⁷⁴ М.Айдогдыев. Арачэгин, анырсындалы аркадашлар, с.19; В.Березкин. В Гюргенской долине, с.51. Загадочна история с Ляля-ханом Йомудским, умершим, как говорилось выше, своей смертью. Он, по всей вероятности, репрессиям не подвергался, в то время как Осман-ахун, Непес-сердар и многие другие бесследно исчезли и дальнейшая их судьба до сих пор неизвестна. Есть основания предполагать, что Ляля-хан успел отличиться перед Советами, возможно на помощь ему пришли его родные братья Сердар и Караш, служившие секретными сотрудниками ОГПУ, первый под псевдонимами «Степь» и «Горский», второй – «Марат» (Архив КНБТ, д.ПФ60, л.250,250,268,297).

⁴⁷⁵ ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.74, л.115.

⁴⁷⁶ Там же, л.91-92.

⁴⁷⁷ Там же, л.98.

препятствовавших выдвижению национальных кадров и отдававших предпочтение назначенцам, присланным из Центра.

Часть партийного и советского актива, в основном поддерживавшая Атабаева и Айтакова, предлагала: при приеме в партию определяющим должно быть не социальное происхождение вступающего, а прежде всего его личные и деловые качества - грамотность, инициативность, честность и т.д. Следует учитывать и национальную принадлежность будущего коммуниста, представителей коренной национальности в партии должно быть больше, чем европейцев. При формировании аппарата, советовал Атабаев, следует исходить из того же принципа, что и при приеме в партию: «конструировать партийный и советский аппарат не по классовому признаку, а по личным способностям товарищей, кто бы они ни были, лишь бы - члены партии». И непременно учитывать национальные особенности, не забывать о представительстве туркменских родов и племен. Он даже написал инструкцию для судов, которым рекомендовал при «разрешении в аулах каких либо спорных вопросов исходить не из классового принципа, а из сути дела, не предавая при том забвению национальные традиции и родоплеменные отношения». Эту линию Атабаев стремился проводить на бюро ЦК и в Средазбюро и принципиально ее отстаивал.

Против «националистической» позиции Атабаева резко выступал Сахатмурадов, обвиняя оппонента в связях с буржуазными интеллигентами, которым, считал он, ни в коем случае не следует доверять руководство идеологическими и культурно-экономическими организациями, дабы они не могли оказывать влияния на туркменские массы. Он осуждал Атабаева за то, что благодаря его опеке бывший член белогвардейского правительства Бекки Бердыев возглавил Государственный ученый совет республики, а бывший царский офицер С.Овезбаев руководил просвещением. Председатель СНК, мол, не видит в этих людях никакой опасности, а «к нашим замечаниям относится с иронией или объясняет их личными счетами». ЦК все же настоял на своем, «с помощью Зеленского и после нажима Средазбюро нам удалось снять с ГУСа чуждого нашей идеологии буржуазного интеллигента»⁴⁷⁸.

Сахатмурадов, стремясь опорочить Атабаева, заявлял, что последний, направив С.Овезбаева к Джунаид-хану для ведения мирных переговоров, якобы преследовал преступную цель - выдать лидеру повстанцев время начала военной операции против «басмачества». Секретарь ЦК ссылаясь при этом на докладную председателя ГПУ Каруцкого «О политическом состоянии туркменского аула», содержащую материалы, компрометирующие

⁴⁷⁸ Там же, д.71, л.65. Новым председателем ГУСа бюро ЦК КП/б/Т утвердило Кумышали Бориева (Там же, д.51, л.30). В 1932 г. он был арестован и впоследствии расстрелян за принадлежность к подпольной организации «Туркмен Азатлыгы».

Атабаева⁴⁷⁹. Это заявление дает основание утверждать, что в то время политическая полиция вела слежку за партийными и государственными деятелями, особенно за такими неординарно мыслящими личностями как Атабаев⁴⁸⁰.

В Туркменистане были созданы Северная и Южная комиссии по борьбе с повстанчеством. По рекомендации Средазбюро их возглавили Сахатмурадов и Атабаев. Создание комиссий, разъяснял пленуму Сахатмурадов, было вызвано политической необходимостью бить Джунаид-хана не только руками одних европейцев⁴⁸¹. Сахатмурадов воспринял новое назначение как «боевое задание партии» и выехал в Ташауз, чтобы немедленно приступить к исполнению своих обязанностей. «Я и многие другие товарищи, в том числе и товарищ Чары Веллеков работали, расстреливали совместно с [членами] центральной комиссии байские верхушки деревни... Мы, как ты знаешь, - говорил Сахатмурадов, обращаясь с трибуны пленума к Ч.Веллекову и косвенно упрекая «бездействовавшего» Атабаева, - ...в Ташаузе не сидели дома, здорово насолили байским и духовным элементам»⁴⁸².

Обвиняя Атабаева в непростительной пассивности в борьбе с басмачеством, в стремлении угодить всем прослойкам аула, независимо от их классовой принадлежности, Сахатмурадов подобное поведение председателя СНК объяснял его примиренческим отношением к классовому врагу Джунаид-хану, которого тот считал национальным героем, выразителем народных интересов. «В этот горячий момент, - сетовал секретарь ЦК, - под видом, что готовится к докладу на съезде, Атабаев просиживал в Фирюзе. Члены комиссии (вместо Атабаева – прим. автора) вынуждены бывали подписывать списки подлежащих расстрелу баев и их пособников»⁴⁸³. Оратор ссылался на председателя Казанджикского райисполкома, члена Южной комиссии, жаловавшегося секретарю ЦК, что Атабаева очень трудно склонить к таким решительным мерам как расстрелы, что подтверждали многие товарищи. «Повторяю, - продолжал Сахатмурадов, - подпись у

⁴⁷⁹ Там же, д.74, л.69-70. Тайну готовившейся операции против Джунаид-хана разгласил Ораз Тачназаров, поставивший в известность о секретном постановлении бюро ЦК руководство Ташаузского окружкома, после чего оно стало всеобщим достоянием. Об этом на пленуме заявил сам Зеленский (Там же, л.116).

⁴⁸⁰ В свою очередь выступления, реплики участников пленумов и различных совещаний переключивались в оперативные разработки, следственные материалы ГПУ-НКВД, которые затем использовались в качестве доказательств обвинения.

⁴⁸¹ Там же, д.74,, л.71.

⁴⁸² Там же, л.70-71.

⁴⁸³ Там же, л.71.

товарища Атабаева удавалось вырвать с большим упорством. В этой борьбе он был чрезвычайно пассивным»⁴⁸⁴.

Зато члены Южной комиссии Каруцкий, Казанский и другие, действовавшие в районе Кизыл-Арвата, хорошо «поработали», приняв на себя «всю тяжесть расстрелов».

Верхушка ЦК КП/б/Т и в первую очередь Средазбюро не могли смириться с относительной самостоятельностью советских органов, все больше проявлявшейся в деятельности председателя СНК Г.Атабаева. Особенно болезненно воспринимал это Сахатмурадов, который, цитируя сидящего в президиуме пленума Зеленского, выражал недовольство советским аппаратом, пытающимся в последнее время выйти из под контроля партийного руководства, «эмансипироваться от парторганизации». Секретарю ЦК вторил К.Сахатов, также ссылавшийся на Зеленского: «Сейчас советский аппарат вырвался из-под партийного руководства, потому что авторитет стал самодовлеющей вещью». Он, явно намекая на Атабаева, заявлял, что, дескать, нельзя обо всех открыто говорить, дабы не подорвать чьего-либо авторитета. Оратор признал наличие среди руководства республики групповой борьбы, которая отрицательно сказывается на деле, низовые работники не знают как себя вести, не решаются принять самостоятельное решение: «шагнешь в одну сторону, побьют с той стороны, шагнешь в другую - побьют с другой...»⁴⁸⁵.

Существование группировок как в республиканских органах, так и на местах признавали и сами руководители Туркменистана. Об этом, хотя и стыдливо, говорилось на пленумах, съездах и совещаниях. Жертвой групповой борьбы стал присланный Центром секретарь первого разряда И.И.Межлаук, против которого объединилась две группировки, возглавляемые Сахатмурадовым и Атабаевым. Их действия партийные органы оценили как «некоммунистические, оппортунистические»⁴⁸⁶.

Однако это не помешало группировкам вновь объединиться и выжить очередного, также назначенного Москвой Ибрагимова, успевшего проработать в качестве 1-го секретаря ЦК лишь два года. Однако надежды лидеров группировок занять освободившийся пост не оправдались: ЦК ВКП/б/ не замедлил вновь прислать своего человека.

⁴⁸⁴ Там же, л.70-71.

⁴⁸⁵ Там же, л.73,96-98. Желание видеть в проявлении чувств национальной гордости лишь «местный национализм» характерно и для других выступлений Сахатова. На очередном пленуме ЦК КП/б/Т в ноябре 1928 года он выступил против использования выражения «Я - сын туркменского народа». Считая употребление «такой формулировки недопустимым», Сахатов призвал оградить школы республики от «такого воспитания», которое, по его мнению, разовьет в туркменских детях «национализм» (Там же, д.78, л.135).

⁴⁸⁶ Там же, д.74, л.82.

Борьба за право выдвигать национальные кадры на руководящие должности, особенно в аппараты ЦК и СНК республик, была одной из форм противоборства внутрипартийных группировок с политикой Центра. Как уже говорилось, впервые против этого открыто выступил М.Тумаилов. К.Атабаев, знавший о существовании туркменской оппозиции, первоначально намеревался поддержать ее, в частной беседе с Тумаиловым даже дал «добро» его «Платформе». Но убедившись, что оппозиционеры по всей стране терпят поражение, многие из них исключены из партии, он «перестроился» и на объединенном пленуме ЦК и ЦКК КП/б/Т в сентябре 1927 года обрушился на оппозицию, в частности на самого Тумаилова, с уничтожающей критикой. В отличие от многих своих серьезных, деловых выступлений Атабаев на этот раз грубо обвинил Тумаилова в нечестности, дескать, тот пытается сравнить местных и европейских работников, хотя сам Атабаев противодействовал засилью Центра и присылаемых им кадров⁴⁸⁷.

В групповую борьбу вольно или невольно оказывались втянутыми и европейские кадры во главе с первым секретарем ЦК, хотя он и увещевал своих коллег: «Ваше дело - проводить линию партии и никаких группировок не допускать»⁴⁸⁸. Все это противоборство, кажущееся ныне мышшиной возней, во многом отражало внутрипартийную борьбу, затеянную в Центре, но с разницей в масштабах, с «привкусом» провинциализма и межплеменных отношений. К примеру, против О.Тачназарова, присланного Ашхабадом в Ташауз, выступала сформировавшаяся ташаузская группировка, которая, по всей вероятности, выдала Джунаид-хану тайну готовившейся против него военной операции. Ч.Веллеков, вместе с Сахатмурадовым рьяно расстреливавший священнослужителей, баев и их пособников, упрекал Ибрагимову в «необъективности», дескать, он повинен в том, что Атабаев не участвовал в расстрелах людей, поскольку Ибрагимов «меньше бил Атабаева, не призывал к порядку, защищал его и Айтакова и держит курс против Сахатмурадова»⁴⁸⁹.

Ибрагимову приходилось лавировать между двумя противоборствующими группировками, в чьих взаимоотношениях помимо соперничества было немало наносного, субъективного, исходящего от личных симпатий и антипатий того или иного лидера. Например, если первый секретарь ЦК предлагал на бюро исключить из партии нечистого на руку секретаря партколлегии ЦКК В.Сахатова, Сахатмурадов противился этому,

⁴⁸⁷ Там же, д.49, л.156-161; д.50, л.210; д.74, л.95.

⁴⁸⁸ Там же, д. 74, л.83.

⁴⁸⁹ Там же, л.90. Ибрагимов, которого обвиняли в потворстве группировке Атабаева, видимо, действительно поддерживал его, а не прямолинейного Сахатмурадова, чьи сверхреволюционные речи и действия приносили больше вреда, чем пользы.

так как Сахатов был «его» человеком⁴⁹⁰. Если заходила речь о деятельности комиссии по земельно-водной реформе Мервского округа, где председателем являлся Атабаев, то сторонники Сахатмурадова утверждали, что из-за сочувственного отношения Атабаева к байской прослойке реформа в Мервском округе была спущена на тормозах, а землеустройство проводилось формально. У священнослужителей, имевших 30-60 танапов, землю никто не отбирал. Большинство баев, лишенных одно время земли и воды, получили их обратно. Благодаря «высокой опеке» (намек на Атабаева) в Байрамали вольготно живет «бандитам» (вероятно, родовым вождям, старейшинам родов, сердарам), имеющим под началом по 200-400 вооруженных всадников. На бумаге их лишили земли, воды и избирательных прав, а на деле они продолжают обрабатывать по 100-150 десятин земли⁴⁹¹.

Ата Ниязов, обвиняя первого секретаря ЦК Ибрагимова, «не сумевшего сплотить вокруг себя туркменский и европейский актив», заявил, что, дескать, рыба гниет с головы, и назвал имя Артыка Рахманова, заместителя председателя ЦИК ТССР, чья квартира «превращена в «красный уголок», где сколачивается группировка ответственных работников». Это – явный намек на Айтакова, председателя ЦИК республики, единомышленника Атабаева.

Когда же обсуждали итоги земельно-водной реформы в Ашхабадском округе (председателем комиссии был Сахатмурадов), то руководящие работники, проводившие «линию» Атабаева, старались выставить оппонента в неприглядном свете, обвиняя его в превышении прав, свержении революционности, вредящей делу. В Ашхабадском округе наряду с изъятием у байства земель произвели их урезку и у середняков, чем восстановили эту часть дайханства против советской власти. ЦК, как заявил его первый секретарь, был введен в заблуждение недостоверной информацией, будто середняки «с удовольствием отдают землю». Объединению аула никак не способствовал ультрареволюционный призыв Сахатмурадова: «Тот работник-коммунист, который не имеет в ауле со стороны байства и кулачества врагов, - это не коммунист». Если так будем подходить к вопросу, тогда сумеем провести решение нашей партии в отношении аула»⁴⁹².

Многие ораторы, подтверждая существование группировок в высших эшелонах власти республики, старались выискать друг у друга промахи, выставлявшие их лидеров в неприглядном свете. Один из сторонников Атабаева, критикуя деятельность Геокдепинского райкома партии, изобличал его инструктора, «руководившего антисоветским движением», но благодаря

⁴⁹⁰ Там же, д.74, л.78.

⁴⁹¹ Там же, л.107.

⁴⁹² Там же, л.153.

опеке высокого партийного руководителя восстановленного в партии. Не оставалась в долгу и противная сторона, подвергая критике председателя ЦИК Айтакова и его заместителя Базарова, амнистировавших «байские элементы», «исключенных из партии» и даже родственника самого Айтакова⁴⁹³.

Межгрупповая борьба, по признанию участников пленума, создавала нервную обстановку, вредила делу, мешала подбору и выдвижению новых способных работников, потому что группировки выступали против любой кандидатуры, выдвинутой противной стороной. В конечном счете это противоборство тормозило социально-экономическое развитие Туркменистана⁴⁹⁴.

Причины возникновения группировок назывались разные. Одни видели их в не сложившихся личных взаимоотношениях между Атабаевым и Айтаковым, с одной стороны, и Сахатмурадовым и некоторыми членами бюро ЦК - с другой. Некоторые, в частности Айтаков, осуждая групповщину, говорил о пользе обмена мнениями и споров, способствующих устранению ошибок. «Единогласие - утверждал он, - вредит делу, не помогает исправлению недостатков»⁴⁹⁵. Атабаева, несомненно, тяготила опека аппарата ЦК, направляемого ортодоксальным Сахатмурадовым, поэтому председатель СНК, по своей натуре инициативный, пользуясь правом главы правительства, стремился проявлять самостоятельность, в которой его заметно ограничивали.

Можно осуждать Атабаева за некоторую пассивность и малодушие, проявленное в последние годы его жизни. Видимо, он начал понимать, что Сахатмурадов – исполнитель воли Центра, и в конечном счете осознал обреченность, свое безвыходное положение. Именно этим можно объяснить его поведение в ситуации с Тумаиловым.

И все же К.С.Атабаев - это государственный деятель, глубоко чувствовавший свою ответственность перед народом. Он был на целую голову выше своих противников. Кайгысыз Сердарович отличался острым умом, талантом, обладал даром прозорливости, пользовался в народе громадным авторитетом. Сейчас мало кто помнит Х.Сахатмурадова, Ч.Веллекова, а имена двух признанных лидеров – Атабаева и Айтакова у всех на устах, и игнорировать это - значит перечеркнуть нашу историю.

Стоит отметить также, что на сплочении оппозиционных сил пагубно сказывалось существование межплеменных и межродовых трений, которые препятствовали не только объединению оппозиции в единую организацию, но и тормозили консолидацию туркменской нации.

⁴⁹³ Там же, л.72-73.

⁴⁹⁴ Там же, л.86-88.

⁴⁹⁵ Там же, л.109-110.

ГЛАВА V. ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1931 ГОДА - БОРЬБА ВООРУЖЕННОЙ ОППОЗИЦИИ ПРОТИВ ПОЛИТИКИ ТОТАЛИТАРИЗМА

§ I. СОВЕТИЗАЦИЯ - ОРУДИЕ ПОДАВЛЕНИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ И СТРЕМЛЕНИЯ К НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Советизация Туркменистана начиналась с карательных мер. 1925 год только наступил, а секретариат оргбюро ЦК КП/б/Т свои первые шаги начал с создания постоянной комиссии по борьбе с басмачеством, в которую вошли руководители партийных, советских органов и карательных служб (от начальника ГПУ и до прокурора республики)⁴⁹⁶. Судя по всему, власти намеревались решительно бороться с басмачеством.

С трибун съездов, пленумов и других высоких совещаний все чаще раздавались призывы скорее советизировать скотоводческие районы, где слаба политическая дифференциация кочевников и сильно влияние родовых вождей. Кулаки здесь владели отарами овец от 200 до 1000 голов, а в маломощные, бедняцкие хозяйства - до тридцати. Власть же на местах существовала лишь на бумаге, в форме аулсоветов, но они не обеспечивали советизации кочевий⁴⁹⁷.

Партийное руководство, подходившее к решению проблем с «классовых позиций», беспокоило то, что у туркмен, обитающих в глубине обширных степей, все еще сохранялись родовые формы общественных отношений, бедняки зависели от кулаков, баев, родовых вождей. «В силу изолированного положения кочевых районов, население остается наиболее темным, невежественным и руководствуется в личной и общественной жизни старыми обычаями, традициями, целиком противоречащими советским законам. Влияние мулл и ишанов над кочевым населением остается непоколебимым; в частности, духовенство, вытесненное из земледельческой полосы, в данное время находит радушный прием в кочевых районах... В условиях классовой борьбы, когда родовые вожди фактически стали опорой для всякого рода антисоветских настроений, в данное время больше чем когда либо необходимо заострить внимание партии на борьбе с родоначальником как главным противником Советской власти и вместе с ним перекочевавшими в степь байскими и кулацкими элементами, муллами и ишанами, представляющими собой готовые антисоветские кадры»⁴⁹⁸.

⁴⁹⁶ Там же, д.2, л.84.

⁴⁹⁷ Там же, д.28, л.200,220.

⁴⁹⁸ Там же, д.74, л.158.

Партийные и советские органы на местах были ориентированы на политическую изоляцию родоплеменных вождей: требовалось дискредитировать их власть любыми путями, не допускать сборов налога в пользу вождей, сплачивать скотоводов вокруг аулсоветов и ревкомов. ЦК ВКП/б/ и Средазбюро выражали неудовлетворение тем, что, несмотря на строгие циркуляры, советизация кочевых районов Туркменистана к концу 20-х годов не только не завершилась, но даже не была развернута сколько-нибудь широко⁴⁹⁹. По мнению партийных руководителей, до конца 1931 года глубинные районы пустынь Каракум и Кызылкум оставались почти не советизированными⁵⁰⁰.

На степных просторах Западного Туркменистана издревле обитали тысячи туркменских семей, сохранивших свои своеобразные традиции. Здесь, как и во многих регионах Средней Азии и Казахстана, сохранялся патриархально-феодальный строй, опиравшийся в основном на кочевое или полукочевое скотоводство. У этих туркменских племен и родов основной общественной единицей был кочевой аул, состоявший из представителей близких родов, разветвленных на *тире*, которые, в свою очередь, объединяли большие патриархальные семьи. Созданные новым режимом ревкомы, Советы существовали здесь формально, что признавали и сами большевистские лидеры.

Можно понять стремление властей поскорее прибрать к рукам скотоводческие районы, богатые сырьевыми ресурсами, приобретавшими важное значение в экономике республики. На территории с необозримыми пастбищными угодьями проживало не менее 15% коренного населения. Животноводство занимало в народном хозяйстве второе место после хлопководства, обеспечивая, по неполным данным, более трети валового дохода сельского хозяйства и 21% - валового дохода всего народного хозяйства республики. Удельный вес туркменских скотоводов в обеспечении союзной промышленности шерстью достигал почти 16%. Однако власти не устраивало то, что значительная часть поголовья скота находилась в частных руках, то есть была изъята из «системы социалистического животноводства».

Коллективизация в скотоводческих районах означала неизбежную перемену традиционного образа жизни, переход к оседлости и частичному земледелию. Осуществить эту задачу было трудно: требовалось строительство жилищ, общественных зданий, обеспечение инвентарем – и это тогда, когда ресурсы страны были подчинены выполнению программы

⁴⁹⁹ А.А.Росляков. Средазбюро ЦК ВКП/б/. Вопросы стратегии и тактики, с.177-178.

⁵⁰⁰ ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.74, л.157; А.А.Росляков. Средазбюро ЦК ВКП/б/. Вопросы стратегии и тактики, с.246.

индустриализации. Чтобы сделать процесс менее болезненным, он должен был проходить, по крайней мере, постепенно.

Но большевики не хотели ждать. К каким только ухищрениям не прибегали на местах, чтобы в рекордно короткие сроки выполнить указания Центра. Комиссия ЦК КП/б/Т, проверяя ход коллективизации, докладывала, что при проведении агитационной работы сознательно затушевывался вопрос обобществления рабочего скота, укрупнения колхозов и т.д. Скотоводов обманом вовлекали в колхоз, а затем принуждали обобществлять продуктивный скот, запрещали продавать его, нельзя было продавать даже птицу⁵⁰¹.

Советизация Западного Туркменистана пришлась на период массового недовольства дайхан, их ухода в басмачи, откочевки за кордон. Одной из причин этого послужило жесткое проведение в жизнь установки ЦК и СНК ТССР о внедрении в сельскохозяйственное производство монокультуры хлопка. По сути эта установка означала запрет на выращивание любых других культур кроме хлопчатника. Это мотивировалось необходимостью борьбы за «хлопковую независимость страны». Обязательное возделывание хлопчатника было введено по всей республике, а площади, «самовольно» засеянные колхозниками и дайханами-единоличниками зерновыми культурами, перепаживались. Так, нарком земледелия ТССР Хаджи Атабаев, прибывший в Чарджуйский округ в качестве уполномоченного ЦК, распорядился запахать уже выколосившуюся пшеницу, которой были заняты большие площади. Подобные действия вызвали массовое возмущение дайхан и послужили поводом для ухода многих из них в пески. Один престарелый дайханин из Керкинского округа заявил приехавшему туда Н.Айтакову: «Я живу на свете семь десятков лет, жил при старом режиме, испытал угнетение при царизме, но таких чудес, как сейчас, не видывал.... Какой из тебя падишах, если позволяешь такое бесчинство?»⁵⁰²

Действительно, Н.Айтаков, как и другие руководители республики, был осведомлен об истинном положении на местах, о настроении дайхан. В феврале 1927 года на президиуме ЦИК ТССР был заслушан отчет о работе комиссии по обслуживанию скотоводов отгонных пастбищ Марыйского округа. «Скотоводы имеют очень смутное представление о Советской власти, о ее целях, - говорилось в отчете. - Раз или два в год ездят они на базар... Председателя сельсовета они видят один или два раза в году, не чаще, да и то во время сбора налога. Зато басмачей знают очень хорошо. Они по сорок, по сто всадников два-три раза в год совершают налеты на скотоводов, грабят их.

⁵⁰¹ Журнал «Туркмен архиви», 1993, №1, с.54-65.

⁵⁰² Архив КНБТ, д.П48485, л.91.

Как свидетельствуют жители села Гулджа Тахта-Базарского района, за семь-восемь лет басмачи угнали оттуда свыше 90 тысяч голов скота»⁵⁰³.

Подобная обстановка складывалась и в отдаленных кочевых районах Западного Туркменистана с прочными очагами родового уклада, где распространять советское влияние, развивать советское строительство в силу высокого авторитета аксакалов и родовых вождей было гораздо труднее, нежели в оседлых, земледельческих районах. Поэтому здесь требовалась особая тактика, особый подход к решению проблем советизации.

В урочище Акгуйы Красноводского района был сформирован подрайком и подрайисполком «для развертывания хозяйственно-политической и культурной работы среди скотоводов». Но благие намерения, с которыми были созданы эти учреждения, остались на бумаге. Работники подрайкома и подрайисполкома, засучив рукава, приступили к раскулачиванию баев, родовых вождей и, пользуясь служебным положением, конфискованный скот и имущество присваивали себе. За короткое время в Акгуйы, Джебеле, Красноводске они построили или обзавелись многоквартирными домами, приобрели овец, верблюдов, жили на широкую ногу.

Райком партии поручил ответственному работнику Кульджикову перегнать во вновь созданный колхоз 600 голов конфискованных верблюдов, а тот «презентовал» секретарю райкома А.Бегенчеву десять голов, а остальные распределил между своими родственниками. Позже на заседании партколлегии ЦКК наркомата РДИ от 14 июня 1933 года Бегенчев признался в содеянном, но с небольшой поправкой, дескать, не десять взрослых голов он присвоил, а лишь 5 верблюдов с пятью верблюжатами в придачу, чтобы летом чал-молоко пить.

При попустительстве районных властей председатель сельпо разбазарил два вагона дефицитного строительного леса, а переводчик добровольческого отряда, ставший затем его командиром, занимался вымогательством, присваивал конфискованный скот, мануфактуру, рис, другое имущество⁵⁰⁴. Между тем в селах этого и соседнего районов люди умирали от голода, кооператив не выдавал населению положенные нормы хлеба и продуктов, частный торговый сектор был свернут, на базарах Красноводска, Казанджика торговать сельхозпродуктами было строго запрещено⁵⁰⁵. На базарах у торговцев отбирали молоко, масло, печеные лепешки. Изъятые «актировалось», но в заниженном количестве. Часть

⁵⁰³ А.Чуриев. Халкын совер оглы. – Газета «Совет Туркменистаны», 1964, 15 июня; А.Чуриев. Навечно в памяти. – Газета «Туркменская искра». 1989, 27 октября.

⁵⁰⁴ Архив КНБТ, д.П46686, т.1, л.5-6,112; т.4, л.1-3.

⁵⁰⁵ Там же, т.2, л.742; д.П48577, т.12, л.356.

отобранного реализовывалась через кооперативы по ценам в 2-3 раза выше рыночных, другая часть присваивалась должностными лицами⁵⁰⁶.

Еще большие бесчинства творились от имени государства на дальних колодцах. В начале 1931 года Красноводский райком партии направил в пески для «сбора и мобилизации финансовых средств» члена партии, заместителя заведующего Джебельской сольмельницей Мамеднияза Полатова. В райисполкоме его строго проинструктировали: собрать с байских хозяйств культсборы, индивидуальное обложение, налоговые недоимки, не забыв при этом взыскать и пени, набежавшие с момента объявления размера обложения. Скидок никому и никаких не делать. Вместе с финансовым представителем, выехавшим под охраной милицейского отряда, к колодцу Коймет направились и агенты Госторга и Мясосоюза, которым кочевники продавали скот, а вырученными деньгами уплачивали налоги.

В урочище Коймет, где располагался Бага-Бехелькинский аулсовет, съезжались скотоводы с окрестных колодцев Чагыл, Акгуйы, Ирикли, Чешме и других. Узнав о непомерных размерах налогов, они открыто роптали, были особенно недовольны взиманием пени за прошлые годы и просили отсрочки уплаты, но им отказали. К голосу протеста кочевников не прислушались и тогда, когда они под руководством старейшины рода Дурдыклыча Даудова толпой собрались у аулсовета и потребовали продлить срок уплаты налогов⁵⁰⁷.

«Произвол творился на каждом шагу, - вспоминал старожил колодца Акгуйы Хан Туваков, - Поборы государства были столь непосильны, что поневоле откажешься от своих овец и верблюдов и вступишь в колхоз. Каждый финагент, представитель власти толковал закон по-своему, взимал налоги, как ему заблагорассудится, будь то мясом, шерстью, кожей или деньгами. К примеру, каждый верблюд в хозяйстве облагался налогом в три тонны дров. Если у тебя десять голов, то считай 30 тонн саксаула ты обязан наломать, собрать, погрузить на верблюдов и за сотни километров доставить в Джебел и сдать в заготовительный пункт. Хорошо, если у тебя пять-шесть сыновей взрослых, да и то не под силу. Как столько соберешь, да и не навозишься. Вот и восстал народ от такого издевательства»⁵⁰⁸.

Непосильные налоги, обрекавшие дайханские хозяйства на разорение, взимали во многих районах - как скотоводческих, так и земледельческих. В Байрам-Алийском районе финансовые органы, пользуясь потворством партийного и советского аппаратов, произвольно облагали хозяйства

⁵⁰⁶ Там же, д.102390, л.270.

⁵⁰⁷ Там же, д.П46686, т.1, л.440.

⁵⁰⁸ Из воспоминаний Хана Тувакова, 1912 г.р., ныне проживающего в совхозе «Балкан» Балканского ваята.

сельхозналогом, водным сбором и вместо 90 тысяч взыскали 143 тысяч рублей. Выколачивались налоги и с инвалидов, сирот, семей погибших красноармейцев и других маломощных хозяйств, подлежащих освобождению от сборов. Не единичны случаи, когда с некоторых хозяйств налог взимался дважды, причем в принудительном порядке вплоть до описи и продажи имущества⁵⁰⁹.

Инспектора горрайфинотдела Байрам-Али Антонов, Мелькумов, Муравцев, Тюриков, Анфимов угрозами вымогали взятки, обыскивали безвинных людей, отбирали отрезки на платья, муку, ботинки, калоши, приобретенные в кооперативе, и даже осьмушку махорки. Обыскиваемых они разували и раздевали, затем для проформы составляли акт, указывая не все, что было отобрано. С санкции райисполкома была устроена облава на железнодорожной станции. У людей отбирали дыни, арбузы, чуреки, с поезда снимали пассажиров, у некоторых изымали вещи, ценности, отобранное присваивалось, деньги пропивались⁵¹⁰.

В городах и селах Туркменистана царил атмосфера морального и физического террора. В Бугдайли Эсенгулийского района организовали 24 колхоза, но вскоре, сочтя их байскими, разогнали, а дайхан «вычистили», причислив к «чуждым элементам»⁵¹¹. «Вычищали» и бедняков с середняками, середнякам даже установили твердые принудительные задания: исполнять гужевую повинность (перевозка саксаула, хлеба и т.д.), платить культсборы, приобретать госзаймы. Беды этих маломощных хозяйств усугублялись еще и тем, что было плохо организовано снабжение хлебом, промтоварами, заготовительные организации и потребкооперация несвоевременно оплачивали сданный скот, шерсть и т.д.⁵¹²

О произволе, чинимом властями, в несколько сдержанном тоне свидетельствует Кумышали Бориев, вернувшийся из командировки по Западному Туркменистану: «В связи с последними событиями в песках, - пишет Бориев в своей докладной на имя секретаря ЦК и председателя ГПУ Туркменистана, - для нужд войсковых частей в милиции нам приходится мобилизовывать верблюдов, лошадей, иногда и людей в качестве *дукешей* и отбирать седла, арканы, бурдюки и др. Набор всего этого производится всегда в спешном порядке и неорганизованно у населения, расположенного недалеко от линии железной дороги и занимающегося извозным делом, доставкой саксаула, трав и т.д. Так как транспорт и предметы к нему заготовителями берутся бесплатно, то это вызывает нарекания со стороны местных жителей и

⁵⁰⁹ Архив КНБТ, д.102390, л.269-270.

⁵¹⁰ Там же, л.270-273.

⁵¹¹ Там же, д.П46686, т.1, л.110.

⁵¹² ЦГАПДТ, ф.1, оп.8, д.32, л.60.

вся тяжесть борьбы с басмачеством возлагается на беднейшее население. Бывает, что мобилизованный скот пропадает и не возвращается его владельцам. Так, по Казанджикскому району пропало 30 верблюдов, 10 лошадей, стоимость их владельцам до сих пор не возвращена...». Считая подобное положение, бытующее также и в Красноводском районе, ненормальным, автор предлагает, чтобы войсковые части все же расплачивались с *дуюкешами*, а также за конфискованных верблюдов и другие транспортные средства⁵¹³.

Даже законопослушные граждане, в том числе и коммунисты, были недовольны политикой властей. Беззаконие царило во всех слоях общества, в городе и на селе. Человека могли преследовать за то, что он мулла или родился в семье аульного старшины, лишиться работы, не послать на учебу за родственные связи с баем или бывшим офицером, иногда даже общение или знакомство с «чуждым элементом» возводилось в криминал. Партийный и советский аппарат поощрял анонимки, порочащие безвинных людей, доносы осведомителей, сексотов, зачастую непроверенные, тенденциозные, принимались за чистую монету. Людей брали под стражу и по «сигналу» газеты, даже анонимной заметки, напечатанной под псевдонимом⁵¹⁴.

Скотоводы, естественно, отвергали систему, навязывающую им коллективизацию, чуждую сложившейся веками форме ведения хозяйства, несовместимую с психологией жизни кочевника. К тому же коллективизацию нередко проводили русские, что придавало возникшему противостоянию оттенок межнационального конфликта⁵¹⁵.

Примечательно, что волна повстанческого движения в Туркменистане поднималась после каждого крупного мероприятия Советов, так или иначе затрагивавшего интересы дайхан. Власти своими действиями сами давали повод для антисоветских выступлений. Стоило Советам провести в начале 20-х годов земельно-водную реформу, как с конца 1921 - начала 1922 годов в Чарджуйском и Ташаузском округах, в Мервском, Серахском и других районах стали возникать повстанческие отряды, за оружие взялись Ходжакули-хан, Байрам Лагар и другие. Советам пришлось срочно формировать части особого назначения, отряды добровольческой милиции.

Образование Бухарской республики послужило толчком для зарождения антисоветского повстанческого движения в вошедших в нее Чарджуйском и Керкинском округах, в долине Амударьи, в пограничном Кизыл-Аякском районе.

⁵¹³ Там же, л.61.

⁵¹⁴ Архив КНБТ, д.П46686, т.1, л.104,110,112,173; т.2, л.449,580.

⁵¹⁵ Там же.

Земельно-водная реформа 1925-1927 годов ознаменовалась новой волной антисоветских выступлений. Для руководства операцией по борьбе с повстанческим движением были образованы две комиссии: одна в Ташаузском округе, другая - в районах, прилегающих к Среднеазиатской железной дороге. Были созданы также ревкомы Северных и Южных Каракумов. Несмотря на эти меры к 1930 году численность повстанцев резко возросла, особенно в Ташаузском округе⁵¹⁶.

В 1931 году вновь разгоревшееся пламя повстанческого движения охватило многие кочевые районы республики.

§ 2. ВОССТАНИЕ СКОТОВОДОВ И ДАЙХАН ЗАПАДНОГО ТУРКМЕНИСТАНА И СЕВЕРНЫХ КАРАКУМОВ.

В начале 1980-х годов Туркменистан посетила афганская делегация, в составе которой оказался мой давний знакомый Бахтияр-хан. Сопровождая его в соседний Таджикистан, где жили родственники афганского гостя, я узнал, что от рук душманов погиб сын Бахтияр-хана. В Душанбе делегация посетила краеведческий музей, где мы лицезрели колоритный портрет басмаческого курбаши Ибрагим-бека. Местные экскурсанты, равнодушно взглянув на него, проходили мимо. В ту пору официальная пропаганда преподносила басмаческое движение как антинародное, а «басмачи» ассоциировались в нашем сознании с «бандитами» и «убийцами».

В соседнем зале я заметил отсутствие Бахтияр-хана, только что внимательно разглядывавшего увеличенную фотографию басмаческого предводителя. Я тут же вернулся назад и увидел старого афганца, застывшего возле портрета Ибрагим-бека и не сводившего с него влюбленных глаз.

- Бахтияр-ага, - не без удивления окликнул я его. - Пойдемте. Мы ждем вас.

- Обожди, друг мой, - умиленно проговорил он. - Хочу навсегда запомнить этот светлый образ.

- Что светлого-то?! Басмач он, как и ваши душманы...

- Нет, брат, - твердо возразил Бахтияр-хан. - Ибрагим-бек - народный вождь, он был истинным борцом за исламскую веру. А душманы... Не все они и душманы.

Слова мудрого афганца надолго запали мне в душу...

В мою задачу не входит обстоятельное освещение повстанческого движения, спровоцированного коллективизацией. Это – тема отдельного и

⁵¹⁶ Басмачество: социально-политическая сущность, с.94-96.

более глубокого исследования⁵¹⁷. Но поскольку повстанчество есть вооруженная оппозиция, чьи действия переросли в партизанскую войну, я вкратце остановлюсь на этой теме в ракурсе трагических событий, происшедших в Западном Туркменистане.

1 февраля 1930 года ЦК КП/б/Т принял постановление об изъятии у байских и кулацких хозяйств скота, инвентаря и т.д. и передаче их бедноте. Там же предлагалось усилить классовую борьбу бедноты, батрачества и середняков против байства в Каракумах, немедленно национализировать колодцы и пастбища и т.д.⁵¹⁸

10 июня 1931 года вышло постановление ЦИК и СНК ТССР, объявившее национализированными все колодцы и пастбища, расположенные в кочевых районах Туркменистана. Все водные источники с прилегающими к ним пастбищами отбирались у отдельных лиц и родов и передавались в безвозмездное пользование животноводческим колхозам, кооперативным стадам, совхозам и т.д.⁵¹⁹

На исходе зимы 1931 года в поисках прибежища прикочевали с Мангышлака к колодцам Туар, Чагыл и Коймат казахские скотоводы. Туркмены поделились с ними кровом, водой и пастбищами, но оградить их от произвола властей были бессильны. Вскоре за казахскими кочевниками пожаловали незваные гости - бригада ЦК КП/б/Т и Правительственная комиссия Казахстана, сопровождаемые отрядом 85-го дивизиона войск ОГПУ СССР и добровольческим отрядом милиции, «для проведения следствия организаторов и вдохновителей этой откочевки и неподчинения распоряжениям Советской власти»⁵²⁰. Вооруженные отряды прибыли, среди прочего, для острастки туркменских кочевников. Вскоре чекисты арестовали сорок родовых вождей, авторитетных аксакалов, объявив их классовыми врагами, и под усиленной охраной милицейского отряда отправили в Казанджик, чтобы оттуда доставить в Ашхабад.

15 марта того же года в урочище Коймат собралось совещание-маслахат туркменских и казахских скотоводов, обеспокоенных произволом властей. Маслахат возглавили Илли ахун (в миру Ильмамед Нами оглы) и казахский духовный деятель Бекеш Дерментаев. Участвовали также сподвижник Джунаид-хана Дурдыклыч Овез оглы, туркменские родовые вожди Атан Клычмамед, Гахан Чагыл оглы, Сары Таган, Байрам Хаджи и др.,

⁵¹⁷ Кандидат исторических наук Д.Аннаоразов разрабатывает эту сложную тему в подготавливаемой к защите докторской диссертации «Антисоветское движение в Туркменистане (1918-1935 гг.)».

⁵¹⁸ Коллективизация сельского хозяйства Туркменской ССР, т. II, с. 62-66.

⁵¹⁹ Там же, т. II, с. 315-318.

⁵²⁰ На страже мирного труда, с. 102.

представители казахских племен, в том числе сын Бекеша - Аушан (Омар) Дерментаев. Обсудив создавшееся положение, участники маслахата решили поднять вооруженное восстание. Руководителем избрали Илли ахуна. Одновременно выработали план разоружения отряда 85-го дивизиона ОГПУ и освобождения арестованных. Было решено призвать кочевья к неповиновению властям⁵²¹.

Вскоре повстанцы напали на отряд войск ОГПУ, выступивший вслед за добровольческим отрядом милиции, конвоировавшим 40 арестованных скотоводов. Бой шел трое суток, чекистский отряд был почти полностью уничтожен. Повстанцы захватили богатые трофеи: боеприпасы и оружие, в том числе три пулемета⁵²².

Весть о победе повстанцев облетела ближние и дальние кочевья. К восставшим присоединились все аулы Бага-Бехелькинского аулсовета. Их возглавил Аtdан Клычмамедов, ставший одним из видных руководителей повстанческого движения. Скотоводы, независимо от социального положения, взялись за оружие, хранившееся еще с 1916 года, когда туркмены выступили против карательной экспедиции царского генерала Мадритова. Вооружались и винтовками, оставшимися со времен Гургенского восстания 1924-1926 годов.

Успех воодушевил повстанцев, был создан руководящий центр. Илли ахун со своими сподвижниками, в том числе с Бекешем Дерментаевым, ездил по кочевьям и урочищам, стремясь объединить разрозненные отряды, добиться организованности и согласованности в их действиях. В начале апреля 1931 года Илли ахун в урочище Акгуйы созвал совет старейшин, а в июне у колодца Коймат собрал предводителей повстанческих отрядов и поставил перед ними задачу: «Любым путем привлечь в свои ряды как можно больше населения, разгонять колхозы и совхозы, уничтожать, где только есть возможность, советский аппарат». Илли ахун призвал к мужеству и самопожертвованию, объявив, что «каждый убитый в бою будет считаться шехидом – святым». По официальной информации советских органов, на собрании зачитывались инструкции и воззвания, «полученные из-за кордона»⁵²³. В действительности, в отработанных мною архивных документах, а также в работах, посвященных басмаческому движению, помимо голословных утверждений я не встретил ни одной инструкции или воззвания, присланных из-за кордона.

Поездки Илли ахуна сопровождались формированием отрядов, назначением сердаров, которых выбирали в основном сами повстанцы.

⁵²¹ Архив КНБТ, д.113790, т.1, л.12-14.

⁵²² Там же, д.П46686, т.4, л.40; На страже мирного труда, с.102-103.

⁵²³ Архив КНБТ, д.П46686, т.2, л.449; На страже мирного труда, с.102-104.

Отряды возникали повсюду. С благословения Курбанниаза ахуна Оде и других духовных деятелей повстанческие отряды возглавили Аннадурды Ходжа, Дурдыклыч Даудов, Бабыл Гарагул, Ходжанефес, Беки Мамедаман Дурды и другие.

В ряды повстанцев вступали целыми семьями, но иногда отец и сын оказывались по разные стороны баррикад. Так, М.Полатов командовал красным добровольческим отрядом, а его родной аул Ирикли весь ушел к повстанцам, среди которых были его отец, родной брат, не считая двоюродных, впоследствии расстрелянных. Те, кто не взял в руки оружие, бежали в Иран⁵²⁴.

Власти, обеспокоенные размахом народных волнений, предпринимали и мирные шаги, пытаясь затушить очаги движения. На переговоры с лидерами восставших посылались Ораз молла Овезов, Анна молла Ходжаев, Ишан молла, Абдыреим Ходжаназаров и другие, которые призывали сложить оружие, но никаких других гарантий, кроме устных обещаний, дать не могли. «Беднякам-басмачам, если сдадутся, возможно, ничего не будет, - заявляли красные парламентары, - а баям и духовенству никаких обещаний дать не можем». Некоторые из парламентаров, чьи симпатии были на стороне повстанцев, по секрету советовали: сдаваться не следует, лучше уйти за кордон, ибо все восставшие будут расстреляны⁵²⁵.

Волна вооруженных антисоветских выступлений к лету перекинулась на Центральные и Северные Каракумы. 24-25 июня 1931 года вспыхнул мятеж в Куния-Ургенчском районе. Каплей, переполнившей чашу терпения, послужило решение властей выселить за пределы республики 450 байских семей⁵²⁶. Восставшие овладели райцентром, разрушили телефонную связь, сожгли несколько административно-хозяйственных зданий. Части Красной Армии выбили повстанцев из района, и они отступили в пески⁵²⁷.

К августу 1931 года «басмаческое» движение охватило почти все основные районы республики: Мервский, Байрам-Алийский, Ашхабадский, Бахарденский, Казанджикский, Джебель вплоть до Красноводска, а также долины Сумбара и Атрека, словом, почти всю территорию нынешних Балканского, Дашогузского, Ахалского и Марыйского велаятов. На 1 сентября 1931 года в республике, по данным ГПУ ТССР, насчитывалось 3210 басмачей, из которых значительная часть «закордонного происхождения»⁵²⁸.

⁵²⁴ Архив КНБТ, д.П46686, т.1, л.440-441; т.2, л.448.

⁵²⁵ Там же, т.1, л.407.

⁵²⁶ Басмачество: социально-политическая сущность, с.99. Всего в августе-ноябре 1931 г. из Туркменистана выселили 2553 байских хозяйства (Там же).

⁵²⁷ Там же, с.100.

⁵²⁸ На страже мирного труда, с.107.

По подсчетам И.Г.Иванченко, ссылающегося на архивные документы того же ведомства (которые мне разыскать не удалось), действовало не менее 3000 вооруженных басмачей⁵²⁹, в том числе и казахов. Советские ученые-историки приводят цифру чуть меньшую – 2700 повстанцев, из которых не все были вооружены⁵³⁰.

Возникает вопрос: почему такое относительно небольшое число повстанцев, к тому же не всегда вооруженных, вызывало серьезную озабоченность властей, которые, не ограничившись крупным контингентом войск ОГПУ, прибегли к помощи регулярных частей Красной армии? Очевидно официальные органы занижали число участников повстанческого движения. Этому было несколько причин. Во-первых, руководство республики боялось разгневать верхушку ЦК ВКП/б/ и лично Сталина, предпочитавших победные репортажи о сплошной коллективизации сводкам о боевых действиях в песках. Во-вторых, власти стремились скрыть истинные масштабы народных волнений. Тем более, что согласно лицемерному утверждению советской историографии советизация Каракумов осуществлялась не столько силой оружия, сколько массово-политической работой⁵³¹. Это, конечно, не соответствует истине.

Для более эффективной борьбы с повстанческим движением Средазбюро ЦК ВКП/б/ создало так называемую Политическую комиссию в лице первого секретаря ЦК КП/б/Т Я.А.Попка, председателя СНК ТССР Г.Атабаева, полномочного представителя ОГПУ СССР в Средней Азии Е.Г.Евдокимова и командующего Среднеазиатским военным округом П.Е.Дыбенко. Состав комиссии говорил о сложности ситуации, сложившейся в Туркменистане. Об этом свидетельствовал и небывалый размах вооруженного выступления дайхан и скотоводов. Исследователь М.Дурдыев, ссылаясь на данные ГПУ-НКВД, утверждает, что к весне 1931 года, когда развернулась сплошная коллективизация, басмаческое движение насчитывало примерно 30 тысяч всадников, то есть с этим движением было связано 150-180 тысяч человек!⁵³² Движение было более массовым и организованным на западе Туркменистана.

Власти стянули в республику крупные армейские силы. Не вдаваясь в детали тактических действий войск, которые велись по всем правилам

⁵²⁹ И.Г.Иванченко. Разгром басмачества в Туркменистане, с.428.

⁵³⁰ Коллективизация сельского хозяйства Туркменской ССР, т.1, с.635.

⁵³¹ Басмачество: социально-политическая сущность, с.100. Это ложное представление присутствует и в моей исторической трилогии «Предрабасмаческие призраки пустыни», «Тени «желтого доминиона», «Легион обреченных», многие страницы которой посвящены событиям 20-30 годов в Каракумах.

⁵³² М.Дурдыев. Унесенные ветром. – Газета «Туркменская Искра», 1993, 23 августа.

военного искусства, попытаемся разобраться в вопросе о численности личного состава и техники, задействованных в этой грандиозной операции.

Авторы коллективной работы «На страже мирного труда» явно занижали цифры, утверждая, что для участия в операции привлекалось лишь 4173 человека, 94 автомашины, авиабригада и два бронепоезда⁵³³. Видимо, вдохновителям подавления повстанчества было неловко признаться, что против 3210 участников повстанческого движения были брошены намного превосходящие их по численности армейские формирования.

Более достоверные цифры дают И.Г.Иванченко и Н.Г.Лященко, будущий генерал армии, герой Великой Отечественной войны, участвовавший в подавлении басмачества в качестве командира взвода. Первый откровенен в силу уверенности, что его секретный труд никогда не станет достоянием гласности, второй - по причине своей солдатской прямолинейности, желая похвалиться «ратными победами» над кочевниками.

По сведениям этих авторов, на подавление повстанческих сил было брошено шесть кавалерийских полков, одна кавалерийская бригада, сводный (десантный) отряд, состоявший в основном из курсантов Объединенной Среднеазиатской военной школы им. Ленина. Всем им были приданы отдельные специальные подразделения, боевая техника, автомашины и другие транспортные средства⁵³⁴. К примеру, Узбекский кавалерийский полк был усилен эскадром горно-стрелковой дивизии, одним авиаотрядом, бронемашинами, полуротой саперов. В распоряжении 83-го кавполка под командой М.Самокрутова, сосредоточившегося в Джебеле, находились 35-ый авиаотряд и 3-я авиаэскадрилья. Среднеазиатской военной школе придавался 85-ый дивизион войск ОГПУ СССР, рота танкеток, рота бронемашин, саперная рота, две автороты. Сводный отряд, сформированный в основном из курсантов военной школы, делился на два: конный отряд и мотоотряд. Им придавались два парохода и несколько самоходных барж для переброски войск по Каспию. Конников возглавлял начальник и комиссар школы А.Малышев, в распоряжении которого были сабельный эскадрон, конно-горная батарея, пулеметный и гранатометный взводы. Мотоотрядом командовал И.И.Ламанов. 84-ый кавалерийский полк под началом И.Петрова был усилен двумя дивизионами войск ОГПУ СССР⁵³⁵. По свидетельству генерал-майора в отставке А.В.Терентьева и ныне покойного генерал-майора в отставке Б.А.Атаева, в каждом кавалерийском полку насчитывалось около

⁵³³ На страже мирного труда, с.109.

⁵³⁴ И.Г.Иванченко. Разгром басмачества в Туркменистане, с.428-433; Н.Г.Лященко. Годы в шинели. Фрунзе, 1974, т.1, с.57-58.

⁵³⁵ Там же.

1200 сабель. В кавалерийской бригаде под командованием Я.А.Мелькумова было 4 полка, насчитывавших в своих рядах 3 тысячи сабель. В каждом полку, не считая приданных им подразделений, были положены по штату артиллерийская батарея (4 орудия) и пулеметный эскадрон на тачанках. В каждом приданном дивизионе - по 2-3 сабельных эскадрона и до 12 орудий. Уже тогда на вооружении Красной Армии имелись 76-мм пушки, отличившиеся на полях сражений минувшей войны. Частям Красной Армии и ОГПУ помогали отряды «краснопалочников», сформированные из коммунистов, комсомольцев, батраков и бедняков, выполнявшие роль разведчиков и осведомителей. К концу 1931 г. только в одном Ташаузском округе их насчитывалось до 12 тысяч человек⁵³⁶. Общее же руководство всей чекистско-войсковой операцией осуществляли Евдокимов и Дыбенко.

К началу сентября 1931 года, пишет Иванченко, общая обстановка в Туркменистане достигла особого напряжения. В этом нет ничего удивительного: такое скопление войск вызвало в республике нервную атмосферу, чувство неуверенности, поэтому в Каракумы откочевала значительная масса скотоводов, в основном бедняки и середняки. О баях и духовенстве и говорить не приходится. Это с оговоркой признает и Иванченко: «Ореол непобедимости, обещания всяких благ населению, шантаж и угрозы, демагогические лозунги привели к значительной откочевке в басмаческие становища бедняцко-середняцких масс скотоводов»⁵³⁷.

Сейчас нетрудно догадаться, какие распоряжения отдавал командующий войсками округа Дыбенко, но подступы к урочищам, где заняли оборону вооруженные кочевники, и сами кочевые аулы были затоплены морем огня с земли и с воздуха. На людей обрушились бомбы, снаряды, гранаты, их обстреливали из ручных и станковых пулеметов. Стрельба велась не только по позициям повстанцев, шквал огня ударил по юртам, жилым и хозяйственным постройкам, где прятались дети, женщины и старики. Побойще довершалось сабельной атакой кавалерийских эскадронов.

Об этом с нескрываемой гордостью вспоминает генерал Лященко: «Схватки идут у юрт, внутри них. Разносятся выстрелы, шум, крики. Лишь белый песок молча впитывает потоки человеческой крови, скрипит под ступнями сотен человеческих ног...»⁵³⁸ Да, красноармейцы, командиры и курсанты старательно исполняли приказ командования: «Ни одной зря пущенной пули и снаряда! Каждый выстрел должен обязательно уменьшать

⁵³⁶ Коллективизация сельского хозяйства Туркменской ССР, т.1, с.636.

⁵³⁷ И.Г.Иванченко. Разгром басмачества в Туркменистане, с.433.

⁵³⁸ Н.Г.Лященко. Годы в шинели, с.77.

ряды врага. Когда враг сломлен, не давать ему уйти, начатый бой доводить до конца: преследовать, вылавливать, уничтожать всю банду без остатка»⁵³⁹.

Слова генерала-карателя подтверждает очевидец этих трагических событий Курбанмамед (Курбанмолла) Назгулы оглы, в 2000 году проживавший в поселке №7 близ Авазы, что на восточном побережье Каспия.

«Мне, восемнадцатилетнему юноше, - вспоминал Курбанмолла-ага, - запомнилось самое ужасное: бомбежка аэропланами мирного урочища Гёоклэн-гуйы и колодца Коймат. За оружие скотоводы взялись после этого, когда увидели свои разбомбленные жилища, убитых жен, детей, родичей, рассеявшиеся по пустыне отары овец и верблюдов, отравленные красноармейскими отрядами колодцы. В кровавом побоище, устроенном красными отрядами в урочище Коймат, только в одной нашей семье погибли три родных брата и шестеро близких родственников. Мой старший брат Эрмеджан был полуслеп, ходил с помощью поводыря, и когда два младших брата Бегенчмамед и Мамедаман пришли за ним в обстреливаемую кибитку, чтобы увести его из опасного места, сзади раздалась пулеметная очередь, и все трое упали замертво. Лишь через два месяца скотоводам разрешили вернуться на разоренные урочища, превращенные в пепелища. Среди множества трупов мы едва отыскали обезображенные останки братьев. Двух старших отличили по бородам и усам, а третьего - молодого и безбородого - определили приблизительно. В этой страшной кутерьме наша семья, а у отца было три жены, которые родили ему 22 сыновей и дочерей, лишилась целой отары овец и 70 верблюдов. Такая участь постигла многие скотоводческие хозяйства. Скот коллективизировали силой, много поголовья порезали, поели красные полки и чекистские отряды».

Трагедия скотоводов на этом не закончилась. Все, кто спасся от бомбежек и расстрелов, побросав дома, имущество, отары, рассеялись по дальним колодцам. Особенно много народа собралось в урочище Дахлы, где вооруженные скотоводы дали бой красноармейцам, длившийся день и ночь и закончившийся бойней, расстрелом детей, женщин и стариков, укрывшихся в суходоле, где, по свидетельству немногих оставшихся в живых, кровь текла ручьем.

С болью и горечью поведал о побоище в Каракумах известный писатель, главный редактор казахстанского журнала «Парасат» Смагул Абат-улы Елубай, чьи родители бежали в Туркменистан, где надеялись укрыться от насильственной коллективизации, обрести покой, сохранить свой образ жизни, ибо казахи всегда были кочевниками. 10 сентября 1931 года, пишет он,

⁵³⁹ Училище имени В.И.Ленина. Ташкент, 1958, с. 117. Военная школа, принимавшая участие в подавлении повстанческого движения в Каракумах, со временем была преобразована в военное пехотное училище.

у колодца Чагыл чекистский отряд с земли и воздуха разгромил 10-тысячное соединение казахских и туркменских повстанцев. Бомбы спускали в юрты через отверстие *шанырака* (*туйнука* - верхней части юрты), чтобы уничтожить всех без исключения и покончить с кочевьем - этим «пережитком» прошлых веков⁵⁴⁰.

В урочище Дахлы бой длился десять часов, у колодца Чагыл - четырнадцать. Чем объяснить, что многочисленные армейские части, хорошо вооруженные и обученные, так много времени потратила на уничтожение «басмаческих банд», которые, судя по официальным документам, были относительно немногочисленными.

Готовя диспозицию будущей операции в пустыне, командование войск рисовало Каракумы как «труднодоступную преграду», а повстанцев - замаскировавшимися на «песчаных буграх кустами саксаула», да так искусно, что их «не было видно ни с земли, ни с воздуха». Оказывается, кочевники, ничего не ведавшие о фортификационной науке, создали «большой оборонительный район... с неприступными оборонительными сооружениями»⁵⁴¹. Бумага все стерпела. Таким образом руководители операции пытались создать у вышестоящего начальства преувеличенное представление о трудностях предстоящей операции.

Регулярным частям и чекистским отрядам, уже имевшим опыт усмирения подобных выступлений, не составило особого труда подавить сопротивление необученных кочевников, мужественно защищавших свой очаг, свою пустыню. Красные каратели больше времени и сил затратили не на бой, а на кровавую резню: в урочищах и кочевьях яростное сопротивление пришельцам оказали все от мала до велика: женщины, старики, подростки. Безоружные, они отбивались от незваных гостей насаженными на палку длинными ножницами для стрижки овец, железными кольями, палками.

«Гызыл эсгеры (красногвардейцы) врываются в кочевые аулы на трупах повстанцев, - вспоминал Хан Туваков, старожил с колодца Акгуйы, - прямо в юртах в упор расстреливали мирных скотоводов. Закалывали штыками, убивали из пулеметов, забрасывали гранатами целые людские скопища, не щадя ни старого, ни малого. В урочище Чагыл порешили детей до семилетнего возраста. Здесь эсгеры и гепэушники расстреляли восьмерых моих родственников, в кочевьях уничтожали целыми семьями. И только тогда, когда в Джебел приехали Атабаев и Айтаков, кровавая вакханалия вроде унялась. Впрочем, больше некого было убивать»⁵⁴².

⁵⁴⁰ Газета «Туркменская Искра», 1993, 28 мая; Журнал «Ашгабат», 1993, №6, с.71-72.

⁵⁴¹ Н.Г. Лященко. Годы в шинели, с.56.

⁵⁴² Из записанных мною воспоминаний Хана Тувакова, проживающего в совхозе «Балкан» Балканского ваялята.

Целый месяц длилась в Каракумах эта кровавая трагедия. Командование докладывало Центру: «В итоге всех военно-политических мероприятий к октябрю 1931 года главные силы басмачества были разгромлены»⁵⁴³.

Но на этом кровавый беспредел не прекратился. Войска еще долго применяли варварскую тактику окружения и уничтожения туркменских и казахских кочевий и аулов. И скотоводы, естественно, на насилие отвечали насилием. Очевидцы кровавых событий утверждают, что во время повстанческого движения в Западном Туркменистане погибло от 10 до 20 тысяч человек.

В этой бойне не различались мирные или немирные кочевья - уничтожалось все подряд. Так не поступал даже царский генерал Скобелев - покоритель текинской твердыни Геокдепе, прозванный в народе Кровавые глаза (Гозиганлы). А тем временем К.Атабаев от имени ЦК и правительства республики просил Кирова и Куйбышева содействовать выделению на завершение борьбы с басмачеством 150 тысяч рублей⁵⁴⁴. Сумма эта предназначалась лишь на местные нужды. Войну же с повстанцами вело само союзное правительство, бросив на их подавление русских, украинских, татарских и башкирских парней, для которых эта бессмысленная бойня тоже была драмой.

Пока нет точных данных о количестве расстрелянных повстанцев и членов их семей. До сих пор неизвестно и число репрессированных, вывезенных эшелонами из Красноводска, Джебела, Казанджика, Кизыл-Арвата, Ташауза... О масштабах этой трагедии косвенно позволяют судить некоторые архивные материалы. Так, в ноябре 1931 года ЦК КП/б/Т был вынужден признать, что во многих районах имеются в наличии пустующие кибитки, а после военной операции в Каракумах «во многих хозяйствах отсутствуют трудоспособные члены семей, и значительная часть середняцких хозяйств потеряла сырье и часть стада». В том же документе ЦК обязывает Наркомздрав немедленно послать в Казанджик и Красноводск врачебно-питательные отряды Красного полумесяца для оказания медпомощи больным и раненым чарводарам»⁵⁴⁵.

В обвинительном заключении по «делу о контрреволюционном выступлении баев и феодалов в 1931 году» сказано, что басмачами убито 44 и ранено 7 работников партийных органов республики, разграблено 84 кооператива, 7 магазинов, 5 складов, совершено 3 крушения поездов и т.д. Материальный ущерб, нанесенный народному хозяйству ТССР, составил

⁵⁴³ На страже мирного труда, с.115.

⁵⁴⁴ Ю.Папоров. Жизнь - пламень, с.136.

⁵⁴⁵ Коллективизация сельского хозяйства ТССР, т. II, с.342-343.

около полутора миллионов рублей⁵⁴⁶. Таковы далеко неполные данные о человеческих и материальных потерях в результате войны в Каракумах.

Населению приходилось кормить повстанцев, снабжать их водой, фуражом. Но и войсковые части Красной Армии, чекистские отряды кормились и снабжались таким же образом. Как и Красная Армия, повстанцы карали отступников, тех, кто сотрудничал с противником. Полномочный представитель ОГПУ СССР в Средней Азии, описывая бухарские события начала 20-х годов, сообщал: «Отношение населения к басмачеству таково, что басмачество считают за власть, приказания эмира считаются обязательными для нас. Считать, что население поголовно поддерживало басмачество, было бы неправильно, но что оно с ним считается, боится его и поддерживает в большей мере, чем Красную Армию - это так»⁵⁴⁷.

Повстанцы, отстаивавшие свои традиционные устои жизни, осознавали, что им не сравняться в силе и в боевом мастерстве с регулярной армией и чекистскими отрядами. Но они продолжали борьбу, выражая этим протест тоталитарной системы, несущей народу унижения и страдания.

Сопротивление режиму вызывает восхищение, если оно праведное. Однако привлекательность освободительной борьбы кончается там, где она перерождается в бессмысленное смертоубийство, в гражданскую войну, в которой с обеих сторон гибнут люди, дети остаются сиротами, уничтожается народное добро, безвозвратно исчезают духовные ценности. В ту смутную пору народу было безразлично, кто правит Туркменистаном: Эзиз-хан с Джунаид-ханом или Атабаев с Айтаковым, лишь бы жить спокойно, растить хлеб, умножать отары, воспитывать детей... Философия дайханов сакраментально проста: «Что же получается, - рассуждал он, - Джунаид-хан или его сын хочет утвердить над туркменами свою власть, а Атабаев, у которого за спиной жестокий Сталин – свою. Два коня лягаются, а между ними ишаку подышать?!»

В стороне от массового повстанческого движения остались вчерашние буржуазные лидеры, национальная интеллигенция, которые, по всей вероятности, были напуганы набиравшей силу репрессивной политикой государства. Они не только не возглавили повстанчество, но и сами оказались на службе тоталитарного режима.

Стихийно выступившие дайхане и скотоводы не обратились за помощью к Турции, как это сделали их гургенские собратья, пославшие туда своего ходока. На результатах движения отрицательно сказалась существовавшая межродовая и межплеменная рознь, препятствовавшая

⁵⁴⁶ На страже мирного труда, с.115.

⁵⁴⁷ Цит. по: В.Медведев. Басмачи - обреченное воинство. – Журнал «Дружба народов», 1992, №8, с.145.

внутреннему сплочению, единству повстанчества. Почти каждый родовой вождь метил в верховные ханы. Амбициозностью предводителей повстанческих отрядов пользовалось ГПУ, засылавшее в их ряды провокаторов и осведомителей, которые, играя на человеческих слабостях, сеяли среди повстанцев раздоры, нередко приводившие к трагедиям, кровавым междоусобицам. Подобным методом чекистам удалось уничтожить или рассеять многие отряды противника.

Отдельные отряды и группы повстанцев своей неоправданной жестокостью по отношению к части мирных жителей, занимавших нейтральную позицию или стоявших на позиции официальных властей, отталкивали от себя население, которое в конечном итоге из двух зол выбрало одну: тайно сочувствуя повстанчеству, все же переходило на сторону советской власти, искусно применявшей политику кнута и пряника.

§ 3. ФАБРИКАЦИЯ ДЕЛА МИФИЧЕСКОЙ АНТИСОВЕТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ТУРКМЕН АЗАТЛЫГЫ» - ФОРМА БОРЬБЫ РЕЖИМА С ДУХОВНОЙ ОППОЗИЦИЕЙ.

В начале 1932 года ГПУ ТССР доложило в Москву о проведении операции по пресечению «контрреволюционной деятельности» действовавшей в Туркменистане крупной подпольной антисоветской организации «Туркмен Азатлыгы». Размах и значение этого дела не раскрыты и по сей день. Суть же официальной версии сводилась к следующему.

В 1925 году Сеидмурад Овезбаев, братья Какаджан и Бекки Бердыевы, Мухаммед Гельдыев, Кумышали Бердыев, Б.Перенглиев и другие известные туркменские общественные деятели приступили к созданию подпольной националистической контрреволюционной организации, которую назвали «Туркмен Азатлыгы» (Свобода туркмен). Новая антисоветская организация создавалась на базе тедженской торговой компании «Докузлар», являвшейся до этого филиалом контрреволюционной организации «Милли Иттихад», активно действовавшей в том числе и на территории Туркменистана. Этой компанией, служившей прикрытием и добывавшей деньги для контрреволюционной деятельности, руководил третий брат Бердыевых – Баппы, который создал ее по образцу и подобию ташкентского торгового общества «Туран». В «Докузлар» входили Б.Кербабаев, К.Бурунов, председатель волисполкома Ораз Арыков, председатель уездного исполкома А.Оразов и другие активные участники вооруженной борьбы против Советов, ранее воевавшие в составе отрядов Эзиз-хана.

Руководящим органом организации был Центральный Комитет, кандидаты в состав которого подбирались с учетом их политического прошлого. Так, бывший штабс-ротмистр и представитель царского правительства при персидском шахе С.Овезбаев и бывший турецкий офицер Оразмамед Вафаев ведали военными делами; бывший член белогвардейского правительства в Закаспии К.Бердыев и бывший министр того же правительства его брат Б.Бердыев поддерживали связь с иностранными разведывательными службами и добывали средства для организации; К.Бориев, выступавший на страницах печати в защиту Кокандской автономии, а в 1919 году ездивший с Н.Н.Иомудским в ставку Деникина с просьбой помочь белогвардейскому правительству в Закаспии, отвечал за идеологическую подготовку кадров подпольной организации.

Ряды «Туркмен Азатлыгы», пополнявшиеся за счет вербовки новых членов из числа баев, мулл, раскулаченных, бывших офицеров и рядовых, служивших в царском Текинском полку, националистических частях Закаспийского правительства, были объединены в законспирированные боевые группы – «пятерки» и «девятки», члены которых знали лишь своего непосредственного руководителя. Организация имела программу и устав, вступающим при приеме вручались специальные членские билеты и металлические значки. Филиалы антисоветского подполья создавалось во многих городах и районах республики, в войсковых частях, учебных заведениях, в него вступали сельские жители, кочевники, кооператоры, торговцы, служащие, творческая интеллигенция.

Для легализации деятельности «Туркмен Азатлыгы» было организовано Туркменское научно-литературное общество (ТНЛО), которое под прикрытием изучения старой туркменской литературы и народных традиций культивировало националистические идеи, пропагандировало религиозные произведения дореволюционных поэтов и философов.

Организация установила связи с контрреволюционными силами Азербайджана, Крыма, Татарстана, вышла на эмигрантские круги в Турции, Персии, Франции и Германии, откуда получала инструкции и литературу по организации антисоветского движения. На связь с антисоветским подпольем вышел и некий английский агент, который через С.Гафурова, проживавшего в пограничном селе Маныш, передал 700 тысяч рублей, предназначенные для подкупа родовых вождей, на приобретение оружия, на сооружение в Каракумах баз, новых колодцев, имеющих жизненно важное значение для будущего повстанческого движения, о местонахождении которых должны были знать только предводители басмаческих отрядов.

Антисоветская организация особое внимание уделяла снабжению Мешхеда и Парижа информацией о хозяйственно-политической жизни СССР,

о важнейших мероприятиях Советов в республиках, о настроении местного населения и его отношении к политике большевиков. Для сбора сведений, интересующих иностранные разведывательные службы, использовалось должностное положение работавших в советском и хозяйственном аппарате членов организации: заместителя председателя ЦИКа ТССР Б.Назарова, ответственного работника Госплана С.Овезбаева, наркома торговли С.Арыкова, наркома просвещения К.Бориева, являвшегося односельчанином председателя ЦИК ТССР Недирбая Айтакова и вхожего к нему. В ряды «Туркмен Азатлыгы» был завербован личный секретарь председателя ЦИК республики М.Нагдов, добывавший важные сведения.

Английское консульство (АНКО) в Мешхеде предложило оппозиционерам совершить террористический акт в отношении начальника ГПУ Туркмении Каруцкого, гарантируя помощь оружием и деньгами. Аксию поручили Оразмамеду Вафаеву, но он не сумел выполнить задание, так как не имел связей в ГПУ. Для выполнения задания ему было предложено внедриться в органы ГПУ. К совершению теракта решили привлечь и женщину, зная слабость Каруцкого к этому полу⁵⁴⁸.

Какаджан Бердыев получил от английского консула 1200 тысяч рублей. Консул пообещал еще 2,5 миллиона рублей, если в 1931 году организация сумеет поднять вооруженное восстание. Военная ячейка «Туркмен Азатлыгы» «планировала организовать будущей весной басмаческий мятеж в Каракумах, ведет переговоры с националистическими организациями Казахстана и Таджикистана для совместных вооруженных выступлений против Советской власти»⁵⁴⁹.

К.Бердыев, поддерживавший контакты с зарубежными разведслужбами, в январе 1931 года вышел на связь с эмиссаром английской разведки Лоуренсом, проникшим на территорию Туркменистана. Английский резидент, инспектировавший готовность организации к вооруженному выступлению, вновь указал на необходимость начать восстание «в течение 1931 года». Летом того же года в Туркменистане развернулось массовое повстанческое движение. Правда, Великобритания с обещанной интервенцией не спешила...

Тридцать пять активных членов «Туркмен Азатлыгы», включая ее лидеров, были взяты под стражу, многих приговорили к длительным срокам тюремного заключения, а тех, кто уцелел в начале 30-х, «меч революции» покарал в 1937 году: К.Бориева, С.Овезбаева, Б.Назарова и других расстреляли.

⁵⁴⁸ Архив КНБТ, д.ФП48577, т.1, л.118. Из показаний К.Бердыева.

⁵⁴⁹ Там же, т.7; л.382. Из показаний Шевки Бекторе.

Такова официальная версия, не соответствующая исторической правде. В 1931 году повстанческое движение было разгромлено не потому что органы ГПУ вовремя изолировали членов «Туркмен Азатлыгы» (их арестовали гораздо позже) и не потому, что из-за кордона не вторглись иностранные войска, на которые рассчитывало «антисоветское подполье». Само подполье, о котором шла речь выше, к повстанческому движению никакого отношения не имело. Ни один филиал, ни одна боевая группа, ни один активист «Туркмен Азатлыгы» в вооруженном повстанческом выступлении участия не принимали по той причине, что организации «Туркмен Азатлыгы» не существовало. Не было ни связных, ни эмиссаров, ни исполнителей, ни руководителей, ни нелегальных встреч и переходов границы - все это имело место лишь в больном воображении оперативников и следователей ГПУ Туркменской ССР.

Операция по ликвидации «Туркмен Азатлыгы» - основанная на вымыслах фальсификация, за которой последовали щедрые правительственные награды и присвоения очередных званий работникам ГПУ Затуранскому, Лубину, Диментману, Вольбергу, Барковскому, Розенфельду, Каценбергу и др. Среди множества поощренных работников ГПУ я не встретил ни одного туркменского имени. По всей вероятности, в стенах этого учреждения туркмены, за редчайшими исключениями, появлялись лишь в качестве арестованных. Допустить сотрудников-туркмен к следствию «по делу «Туркмен Азатлыгы», вероятно, считалось невозможным.

Дело «Туркмен Азатлыгы» - плод фантазии, обретший с годами чудовищную плоть. «Завязка» его, как уже говорилось, началась с агентурной разработки «Просвещенцы», направленной против «националистически настроенных представителей туркменской интеллигенции».

Первоначальные цели агентурной разработки были «скромными». Основанием для негласного надзора послужили настроения, бытовавшие в среде туркменской интеллигенции. Не секрет, что поработанные тюркские народы царской России стремились к сближению с новой Турцией, ставшей для них в начале XX века примером для подражания. Общность судеб колониальных народов, угроза этнической деградации, потери языка и национальной культуры подтолкнули образованных представителей татарского, казахского, туркменского, узбекского и других тюркских народов к идее объединения и консолидации. Стремление лидеров Бухарской Народной Советской Республики и Туркестанской Республики, намеревавшихся провести в жизнь пантюркистские идеи, натолкнулось на противодействие Советов, и они были репрессированы.

Однако идеи сплочения тюркских народов не умерли. Их сторонниками выступали эмигрировавшие за рубеж интеллектуалы. До них чекистам было далеко, но они решили арестовать «своих» интеллектуалов, которые хотя и не поддерживали никаких контактов с эмиграцией, но мыслили нешаблонно, расходились во взглядах с официальными кругами, особенно в вопросах национальной политики.

Остается загадкой «признание» существования организованного подполья. На первом же допросе Какаджан Бердыев сделал устное, а затем и письменное заявление, что он еще с 1926 года «принялся за создание контрреволюционной организации и целый год работал по выявлению лиц для вовлечения в нее»⁵⁵⁰.

Но вскоре Бердыев, опровергая свои предыдущие показания, утверждал: «Не было той организации, о которой я показал, всё это - плод моей фантазии»⁵⁵¹. На последующих допросах он уточняет: «Схема организации строилась по типу известной мне из прессы политической организации «Промпартия». Моя схема была построена под влиянием крайне возбужденного нервного состояния»⁵⁵². Отдельные детали в его показаниях свидетельствуют о давлении следствия на подсудимого. «И караванный транспорт, и связь, организованная с английской миссией - все это выдумка, - записано в протоколе допроса. - Уполномоченный ГПУ говорит, что ему известно, будто организация получала крупную сумму денег (от АНКО). Я вначале назвал одну сумму. Уполномоченный говорит, ему известно, что больше, я прибавил еще. Не помню, какую сумму назвал»⁵⁵³.

Следователям, применявшим к арестованным различные средства давления, удалось вырвать у Бекки Бердыева (брата Какаджана) признание в существовании подпольной организации⁵⁵⁴. Но на следующем допросе Бекки от своих предыдущих показаний отказался. Впрочем, это несколько не смутило чекистов. Они по-прежнему продолжали вести следствие по заранее составленной схеме.

Подследственные на допросах излагали свою точку зрения на политику советской власти, выражали свое отношение ко многим мероприятиям партии и правительства. Эта откровенность была на руку следователям, выдвигавших одно обвинение за другим.

Бекки Бердыев говорил, что всегда выступал против того, чтобы Средняя Азия являлась сырьевым придатком России. Несмотря на

⁵⁵⁰ Там же, т.1, л.32-33.

⁵⁵¹ Там же, т.1, л.323; т.2, л.62-63.

⁵⁵² Там же, т.3, л.214-215.

⁵⁵³ Там же, л.216-219.

⁵⁵⁴ Там же, т.1, л.207.

свершившуюся революцию, она как была поставщиком хлопка, шерсти, шелка, так и осталась им. Правда, Советы создали промышленность, но ее «для идеи нашей экономической независимости недостаточно», поэтому передовые представители туркменского народа хотели бы видеть Туркмению «политически, экономически и культурно независимой»⁵⁵⁵. Провозглашенную в 1924 году Туркменскую ССР в составе СССР независимым государством Б.Бердыев не считал. Став республикой, рассуждал он, Туркменистан пока лишь «является остовом для самостоятельного государства»⁵⁵⁶.

Братья Бердыевы, как и многие их современники, в ряде вопросов, особенно в национальном, занимали особую позицию. Извращенная тоталитаризмом политическая культура не признавала в ту пору таких понятий, как демократия, многопартийность, инакомыслие. Даже после долгих лет страданий, испытав "прелести" ГУЛАГа, беспартийный Бекки Бердыев не побоялся в 1956 году заявить следователю-коммунисту: «Лично я считал, что при однопартийной системе, когда в числе членов партии наряду с истинными коммунистами находились люди с нечистой совестью, одни вошли в партию, чтобы устроить свою личную жизнь, а другие - чтобы двурушничать в ее рядах. В таких условиях, считал я, национальный вопрос Коммунистической партией положительно решен быть не может. В тот период лично мне казалось, что наилучшее разрешение национальный вопрос в Средней Азии получит в результате блока различных демократических организаций этих наций в противовес однопартийной системе»⁵⁵⁷.

Мысль, актуальная и поныне, почти семь десятилетий назад бродила в головах передовых представителей туркменской интеллигенции. Они искали пути для ее выражения. О создании какой-либо подпольной организации они, возможно, и мечтали, но, зная, чем это грозит, сначала собирались в своем клубе (он находился на квартире у Б.М.Кербабаева в Ашхабаде по улице Докторской дом 6), а затем с одобрения вышестоящих инстанций организовали Туркменское научно-литературное общество (ТНЛО), в заседаниях которого участвовал почти весь цвет тогдашней столичной туркменской интеллигенции. Круг поднимаемых вопросов был интересен и широк - от литературы и искусства, этнографии и быта до религии и политики.

Цель нового общества - возрождение, укрепление и развитие духовных, культурных, творческих, научных ценностей; пропаганда языка, культуры и традиций туркменского народа. Хотя создатели ТНЛО заявляли, что

⁵⁵⁵ Там же, л.377.

⁵⁵⁶ Там же, л.378-379.

⁵⁵⁷ Там же, т.12, л.98.

созданное ими общество не политическое, а национально-культурное, нередко вопросы, обсуждаемые на его заседаниях, выходили за рамки, очерченные официальными органами.

Например, видный ученый-лингвист Мухамед Гельдыев выступал против латинизации алфавита. В ту пору среди интеллигенции по этому вопросу шли жаркие споры, существовали разные мнения. Одни выступали за смену алфавита на латинский, другие, опасаясь, что это оторвет туркменский народ от исторического прошлого, призывали оставаться верными привычному алфавиту - арабскому. М.Гельдыев, осознавая нелепость предстоящего нововведения, заявлял: «Большевики, упраздняя арабский алфавит, намереваются вытеснить исламскую религию из сознания народов Туркестана»⁵⁵⁸. Таким образом, туркменские интеллектуалы прекрасно осознавали, что отказ от арабской графики отдалит туркмен, как и другие тюрко-язычные народы, от мусульманских ценностей.

ТНЛО вовлекало в свой круг учителей школ, преподавателей учебных заведений, работников науки и культуры. Национальная идея находила выход через общественность, приучая народ к мысли о необходимости национальной самостоятельности, создания независимого государства.

На заседаниях ТНЛО разгорались жаркие споры вокруг туркменского языка, который должен не только сохраниться, но и развиваться. Такие интеллектуалы как С.Овезбаев камнем преткновения на пути развития туркменской самобытной культуры и, в частности, языка считали политику партии и правительства. «Большевизм недолговечен, - полагал он, - туркменам не по пути с большевиками». Овезбаев и братья Бердыевы открыто заявляли об этом, зная, что подобное утверждение равносильно подписанию смертного приговора самим себе⁵⁵⁹.

Следователей ГПУ, видно, не устраивали общетеоретические рассуждения Бердыевых и Овезбаева, которые были извлечены из протоколов ТНЛО, и, чтобы заручиться более «солидными» фактами, следователь Левшин форсировал допрос в нужном ему направлении.

«Левшин: Вы забыли, что говорили, до 1927 года вы считали, что Туркмения оккупирована.

Бекки Бердыев: Я считал, что национальное размежевание практически ничего не сделало, а потому носил флаг, говорящий об оккупации страны.

Л.: Что страна оккупирована большевиками?

Б.: Да. Где вы нашли контрреволюционную организацию?

⁵⁵⁸ Там же, т.4, л.173.

⁵⁵⁹ Там же, т.12, л.98-99.

Л.: Она выросла из клуба и из ТНЛО.

Б.: Это я признаю, основоположником такой организации был я.

Л.: А вы не знаете, что она определенно выросла?

Б.: Она выросла в стенах ГПУ...»

Далее Левшин пытался доказать, что ТНЛО - это националистическая организация, а Бекки Бердыев категорически отрицал это. Следователь ссылаясь на показания Какаджана Бердыева, надеясь, что Бекки подтвердит связи «заговорщиков» с англичанами, однако тот ответил: «Не знаю, что говорил Какаджан, но отношения с англичанами - это дутая вещь» - «Не хотите говорить?» - «Я должен пускаться в шарж?» - «Для чего шаржировать, когда есть действительность?»

Но Бекки Бердыев твердо стоял на своем. «Подумайте еще, - в словах Левшина слышалась угроза. - Долго ли вы будете думать?» «Я в гостях», - отшучивался Бердыев. «Вы у себя», - цинично заявил следователь, снова переходя к неприкрытым угрозам⁵⁶⁰.

В то время даже в малейшем проявлении инакомыслия власти мерещилась антисоветская деятельность. Между тем для поэтов, ученых, литераторов и других работников творческого труда, разочарованных в фарисействе официальных органов, участие в деятельности ТНЛО становилось той отдушиной, где молодые люди могли высказать свои сомнения, вести споры об истории и литературе. Зачастую в пылу полемики участники дискуссии ввязывались в политические споры. Со временем подобные диспуты стали нормой. Однако те, кто стоял на страже большевистского тоталитаризма, эти разговоры считали подрывными, вражескими. В 1932 году Берды Кербабаев показал на следствии: «На первых порах мое и Бурунова поэтическое творчество было сильно подвержено влиянию этих разговоров. В своих стихах мы проводили мысль, что в стране беспартийным нет никуда дороги, всюду засилье европейцев, коммунистов»⁵⁶¹.

Б.Кербабаев, как и его единомышленник К.Бурунов, свои идейные «колебания» относили за счет влияния братьев Бердыевых, Овезбаева и других, которые «были более политически развиты, с большим кругозором». В конце следствия Берды Мурадовичу предъявили обвинение в том, что он в гражданскую войну служил у Эзиз-хана, а теперь, мол, собрав вокруг себя и редакции газеты «Туркменистан», где он работал, членов

⁵⁶⁰ Там же, т.1, л.301-304,379-380.

⁵⁶¹ Там же, л.302-303. Берды Кербабаев, 1894 года рождения, в КПСС вступил лишь в 1948 г. При жизни Берды Мурадовича поговаривали, что он был уверен в недолговечности Коммунистической партии и Советов и потому не спешил с вступлением в партию. Лишь победа Советского Союза в Великой Отечественной войне поколебала эту уверенность, и он на склоне лет стал коммунистом.

«контрреволюционной организации», намеревался свергнуть советскую власть и установить буржуазное государство⁵⁶².

Подобные обвинения были предъявлены всем 35 арестованным по «делу» «Туркмен Азатлыгы». Почти до середины 1958 года считалось, что все они, привлеченные к уголовной ответственности, «были осуждены правильно, меры наказания определены им в соответствии с содеянным»⁵⁶³.

После смерти Сталина правда все-таки восторжествовала. Расследование 1958 года доказало, что для осуждения людей по этому надуманному делу с точки зрения права не было никаких оснований. Обвинения основывались на личных признаниях, добытых путем физических и моральных истязаний.

К примеру, в показаниях турецко-поданного Шевки Бекторе, волею случая оказавшегося в Туркменистане, многие факты приводятся со слов покойного М.Гельдыева, умершего задолго до ареста обвиняемых по этому «делу». Недаром говорят: «Лжец приводит в свидетели покойников». На поверку все оказалось выдумкой. На допросе 12 апреля 1932 года Шевки Бекторе показал, что у него дома, а также на квартирах К.Бориева, Б.Перенглиева, Б.Назарова и в служебном кабинете Бориева спрятаны программа, протоколы и другие документы «Туркмен Азатлыгы». С завидной точностью он описал стол, диван, стул, в обшивках которых якобы хранятся названные документы. Были разобраны не один стол и распороты обивки не одного стула, не считая дивана, но документов, компрометирующих оговоренных людей, не нашли⁵⁶⁴.

Одним из самых тяжелых обвинений было обвинение в измене Родине и шпионаже. Всех арестованных по делу «Туркмен Азатлыгы» признали агентами английской разведки. В 1958 году, чтобы документально восстановить истину, следствие запросило органы госбезопасности и

⁵⁶² Там же, т.1, л.374; т.3, л.417.

⁵⁶³ Там же, т.12, л.546. Даже в 1970 г. И.Г.Иванченко в своей секретной докторской диссертации утверждал, что осенью 1932 г. органы госбезопасности разгромили на территории Туркменистана английскую шпионскую организацию и арестовали 23 шпионов, имевших явочные пункты в Ашхабаде, Ташкенте и других городах и находившихся в тесных связях с некоторыми басмаческими главарями (И.Г.Иванченко. Разгром басмачества в Туркменистане, с.53). Спрашивается, откуда взялись «23 шпиона»? Иванченко, пользуясь засекреченностью архивов КГБ, мягко говоря, недобросовестно использовал материалы сфабрикованного «дела», зачислил в «шпионы» большую часть из 35 осужденных по делу «Туркмен Азатлыгы». Полковник Иванченко, занимая пост начальника одного из ведущих отделов КГБ ТССР и имея беспрепятственный доступ к документам следствия, не мог не знать, что участников «Туркмен Азатлыгы» реабилитировали еще в 1958 году.

⁵⁶⁴ Архив КНБТ, д.ФП48577, т.14, л.11.

соответствующие государственные архивы СССР, но те никакими материалами об этих «английских шпионах» не располагали⁵⁶⁵.

Во всех изученных мною четырнадцати томах дела «Туркмен Азатлыгы» я не обнаружил ни одного вещественного доказательства - будь то «листочка» или «воззвание», «членский билет» или «значок» этой организации. Тогдашние слуги Фемиды даже не пытались создать убедительное прикрытие своего произвола.

Потребовалась четверть века, чтобы справедливость восторжествовала, чтобы в отношении всех несправедливо осужденных вынесли вердикт: «обвинение признать недоказанным, а репрессии их необоснованными. Дела о них прекратить за недоказанностью обвинения»⁵⁶⁶. Сколько слез, страданий, крови и надежд за этими неуклюжими, но долгожданнами строками.

Во введении приводилось высказывание О.Шихмурадова, скончавшегося в 2000 году в возрасте 89 лет, о том, что он верит в реальность существования «Туркмен Азатлыгы». Следуя логике бывшего чекиста, можно оправдать и суровые меры, принятые к «врагам народа», обелить кровавые злодеяния режима.

Ораза Оразовича, служившего в 30-х годах оперативным работником, а затем начальником следственного отдела республиканского НКВД, понять можно. До последних дней своей жизни сохранявший ясность ума он в своих полуоткровенных беседах не скрывал беззаконий, творившихся в стенах НКВД, в частности рассказывал о «конвейере», устраиваемом чекистами, которые ходили в «гости» друг к другу и по очереди истязали арестованных, обязанных находиться в одном положении: стоя на коленях или с поднятыми вверх руками. Упорствовавшим в отказе от даче показаний, необходимых следователю, оказывалась «привилегия»: они дожидались своих мучителей, сидя на окровавленном табурете с торчащими остриями гвоздями. Как свидетельствуют документы, хранящиеся в архиве КНБ Туркменистана, «конвейер» посещали все - от оперуполномоченного до наркома, даже некий Никитченко, числившийся по штату врачом внутренней тюрьмы. В его обязанности входило давать следователям профессиональные советы, типа «не бейте арестованных по спине, а бейте по конечностям»⁵⁶⁷. После неукоснительного соблюдения рекомендаций садиста в белом халате подследственный не мог ходить, но зато на его теле не были заметны следы

⁵⁶⁵ Там же.

⁵⁶⁶ Там же.

⁵⁶⁷ Там же, д.Ф110481, т.9, л.л.153,172.

пытков. Прогулки на «конвейер» совершал и сам нарком Монаков, который тоже лично участвовал в избиениях подсудимых⁵⁶⁸.

«А я никого не избивал, - отрекся всякий раз Ораз Шихмурадов, активно участвовавший в арестах и допросах «участников» якобы раскрытого чекистами антисоветского подполья. - Пальцем никого не тронул. Ей Богу!»

Обратное утверждал ветеран колхозного строительства, знатный хлопкороб Мухамметдурды Сахатмурадов, томившийся в застенках НКВД в 1938-1939 годах и чудом вырвавшийся оттуда.

«Следователи любой ценой выколачивали из арестованного признание, - рассказывал он. - Сутками не позволяли пить, спать, садиться, сажали на так называемый айтаковский стул, кромсавший задницу как отбивную. Видать, бедняга Айтаков Недирбай первым мучился на нем и потому так прозвали... Как тут на себя поклеп не возведешь? Лишь бы мучить перестали. Арестованные как огня боялись следователя Ораза Шихмурадова, отличавшегося крайней жестокостью. Молили Аллаха и всех Пророков, чтобы не попасть ему в лапы. А он был здоровый, с пудовыми кулаками, зубы выбивал, ребра ломал».

Утверждение о причастности Ораза Шихмурадова к пыткам доказано и специальным расследованием, проведенным комиссией ЦК КП Туркменистана, по результатам которого этот партийный орган 20 мая 1961 года вывел Ораза Шихмурадова из состава членов ЦК и исключил из рядов КПСС «за грубые нарушения революционной законности в период работы в органах НКВД в 1937-1938 гг.»⁵⁶⁹

Партийные органы, привлеченные к ответу Шихмурадова, не ограничились свидетельствами оставшихся в живых узников ГУЛАГа, они привели в качестве улик и архивные документы, неопровержимо подтверждающие справедливость возмездия. Не оправдывая Ораза Оразовича, скажу, что трудно поверить в то, что, живя в обществе, можно быть свободным от его законов и принятых норм морали. Хотя Шихмурадов пытался убедить в обратном не только меня, представляя себя чуть ли не оппозиционером.

14 февраля 1997 года на приеме представителей творческой интеллигенции Туркменистана президент Сапармурат Ниязов, предоставив слово для тоста тогдашнему вице-премьеру и министру иностранных дел Борису Шихмурадову, отрекомендовал его следующим образом: дескать, смотрите люди, какого работника я возле себя держу, а ведь он - сын такого кровожадного человека, прославившегося в советские времена своей

⁵⁶⁸ Там же, л.159.

⁵⁶⁹ Газета «Туркменская искра», 1961, 21 мая.

жестокостью. Вице-премьер, переминаясь у микрофона, то и дело повторял сталинскую фразу: «Сын за отца не отвечает...». А Ниязов то ли в шутку, то ли всерьез продолжал, что яблоко от яблони недалеко падает, сын достоин своего отца, и неожиданно предложил рассказать, как Борис Шихмурадов в начале своей «дипломатической» карьеры исполнял весьма щекотливые поручения КГБ СССР. Шихмурадов послушно и в подробностях поведал собравшимся историю советских времен, когда тайком кейсами отвозил в Дели крупные суммы долларов и вручал их там руководителю индийской компартии.

В Туркменистане до недавнего времени в живых оставались лишь два бывших чекиста, точно знавшие места массовых расстрелов и захоронений жертв сталинских репрессий. Одним из таких свидетелей был О.Шихмурадов. Весной 2000 года за несколько месяцев до кончины Ораза Оразовича я, скрипя сердцем, завязал с ним отнюдь не приятный для пожилого человека разговор. Несколькими годами ранее моя первая попытка разговорить его была неудачной. Старик не захотел вести речь на эту тему. И во второй раз он оставался таким же недоступным, хотя самую малость разговорился.

Словоохотливый, он мог рассуждать о чем угодно, возмущался массовыми арестами, беззаконием, жестокими действиями своих бывших сослуживцев-энкэвэдешников, но стоило задать ему вопрос о нем самом, он тут же умолкал или просил: «Не травмируйте меня...»

- Да, я помню те места, — неожиданно признался он. - Но не покажу, нет.

- Почему? - недоумевал я. — Ведь вам будут благодарны родственники тех, кто сгинул в тридцатые годы.

- Пойми, не могу, - доверительно произнес Шихмурадов. - Я же давал подписку о неразглашении тайны. Наконец, я присягал....

- Кому?! Та система развалилась, и вы не связаны ни подпиской, ни клятвой.

- Не покажу, нет! Не хочу! - ответил он, словно отрезал, нервно перебирая пальцами янтарные четки.

В тот момент я не мог найти объяснение его упорству.

Шихмурадов - тёртый калач. Бесславно завершившаяся карьера не обескуражила, не выбила его из колеи. Член-корреспондент Академии наук Туркменистана, выпускник Академии общественных наук при ЦК КПСС, он не хуже любого историка понимал, какими бесценными для науки, для торжества справедливости могут быть его откровения. Если рассуждать здраво, то какой резон утаивать правду о событиях более чем полувековой давности? Однако Ораз Оразович не сумел переступить через себя. Видимо, он, как и властвовавшие в те годы церберы тоталитаризма, надеялся, что

тайна преступлений будет похоронена навсегда, и никто о ней никогда не узнает.

Что означало для него приподнять завесу секретности над массовыми расстрелами? Признать себя причастным к гибели безвинных людей, подтвердить, что мифы о заговорах, подпольных организациях, в том числе о пресловутой «Туркмен Азатлыгы», родились в подвалах НКВД. Вместо того чтобы набраться мужества, раскаяться, очистить душу, этот «осколок» режима в последние годы своей жизни заигрывал с видными представителями интеллигенции, старался создать себе репутацию безвинной овечки, несправедливо пострадавшей в годы хрущевской «оттепели».

Начитанный, эрудированный, в совершенстве владевший как родным, так и русским языками, он старался сблизиться с писателями, поэтами, безвозмездно рецензировал их книги, статьи. Не упускал случая побывать на чьей-либо свадьбе, семейном торжестве, тем более он знал, что иные угодники, искавшие благорасположения его сына, старались заполучить «родовитого» папашу в качестве свадебного генерала. Бывший академик-общественник охотно ходил и на похороны, и на поминки, исполняя принятые мусульманские обряды.

Не зная истинной подоплеки такого поведения, к Оразу Оразовичу можно проникнуться симпатией и сочувствием, но его, по-видимому, сжигала одна страсть: оправдаться, обелить в людской памяти черные деяния давно минувших дней, в которых он принимал активное участие. Чувства сожаления о содеянном, видимо, так и не посетили его. Иначе, зачем надо было уносить с собой в могилу тайну тысяч и тысяч безвинно казненных?...

Одной из важных причин развязывания террора стала несовместимость нравственных норм предшествующих поколений с классовой моралью, навязываемой тоталитаризмом, чьей целью было насаждение всеобщего психоза против «классовых врагов» и «шпионов», якобы боровшихся против строительства «новой жизни». После Октябрьской революции устоявшиеся в сознании людей этические нормы сменились нормами политического воспитания. Поскольку новая мораль «была вполне подчинена интересам классовой борьбы пролетариата», значительно сузилось и понятие нравственности. Стремление к формированию новой «чисто классовой» морали нередко приводило к фактическому отрицанию нравственных ценностей предшествующих поколений⁵⁷⁰. Например, авторы одной из работ отмечают, что «в борьбе с басмачами... женщины помогали в обысках, указывали, где скрыто оружие. Был отмечен ряд случаев, когда дочь указывала на отца как на укрывателя оружия»⁵⁷¹.

⁵⁷⁰ Я.Оразклычев. Туркменское село: исторический опыт, проблемы. Ашхабад, 1994, с.109-110.

⁵⁷¹ На страже мирного труда, с.114.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За последние годы произошла переоценка нашего прошлого, особенно его советского периода. Расставляются новые акценты в оценке экономической, политической и культурной жизни страны. В обществе рождаются новые понятия, меняются воззрения людей, которые теперь подходят к нравственным ценностям как прошлого, так и настоящего с иных позиций. Восстанавливаются несправедливо забытые страницы истории, реабилитируется доброе имя ряда талантливых общественных деятелей, литераторов, историков, религиозных деятелей, подвергшихся в годы советской власти несправедливым нападкам и преследованиям.

Испытавшее до революции унижительное ярмо царского колониализма туркменское общество понесло немалые человеческие жертвы, но вновь попало под чужеземный диктат – большевизм, отличавшийся лишь другими знаменами и лозунгами. Революция вторглась в Туркменистан против воли его национальных лидеров и тем более дайханства - основы общества, не имевшего об этой величайшей напасти даже смутного представления.

О неприглядной стороне революции говорил и председатель Средазбюро ЦК ВКП/б/ И.А.Зеленский, выступивший в феврале 1925 г. с докладом на I съезде КП/б/ Туркменистана. Характеризуя социально-политическую ситуацию, сложившуюся в России к октябрю 1917 года как благоприятную для свершения революции, он отметил, что экономический уклад Туркменистана был далеким от российского и революционная обстановка здесь «не вызрела», поэтому рабочий класс и крестьянство не стремились к захвату власти, не проявляли «стремления и воли бороться за власть среди националов». Далее большевистский лидер сделал весьма примечательное признание о том, что во всем Туркестане не было «революционно зрелого» пролетариата и такого же «созревшего» для революции крестьянства⁵⁷². В Туркменистане не было и таких условий как развитые капиталистические отношения, экономический и политический кризис, революционная ситуация и т.д. В результате имела место экспортированная революция, оказавшаяся для региона инородным телом.

«Октябрьский переворот, захват власти, - справедливо констатировал Зеленский, - здесь был совершен рабочими-европейцами, тесно и кровно связанными с рабочим классом и крестьянством центральных областей, а не местной основной крестьянской национальной массой, и в тот момент, когда

⁵⁷² Следует признать, что автор этих строк в монографии «Большевистское подполье Закаспия» ошибочно утверждал, что дайханство в Туркменистане стало опорой большевистского движения.

еще среди основной массы националов не пробудилось ни национальное, ни классовое сознание...»⁵⁷³.

Навязанная извне и непонятная туркменскому обществу революция, свершенная к тому же пришлыми «рабочими-европейцами», естественно, вызвала сопротивление национальных кругов. В гражданской войне, развязанной отнюдь не местными жителями, национальные «верхи», поведшие за собой основную массу дайханства, оказались в оппозиции как к белогвардейским, так и к большевистским властям. Коренное население, познавшее «прелести» колонизаторской политики царской России, не доверяло и Советам, потому что большевизм, вобрав в себя все пороки русского колониализма, переродился в тоталитаризм, ставший кошмаром XX века.

В учебниках истории, а также во многих академических трудах, изданных в советское время, красной нитью проходит мысль о том, что в годы гражданской войны подавляющая масса коренного населения заняла по отношению к английским интервентам и белогвардейцам враждебную позицию и стихийно поднялась на борьбу за освобождение Туркменистана от внешних и внутренних врагов. Это не так, хотя туркменское население проявляло к интервентам и белогвардейцам, как и к большевикам, отнюдь не дружеские чувства.

С каждым годом владычества Советов эти чувства перерастали во враждебные. Наглядный пример этому - выступление Эзиз-хана, поддержанное широкими слоями населения Теджена, Мары, Серакса и части Ахала. Он и его сторонники с одинаковым ожесточением боролись с царской, а затем - русской белогвардейской администрацией, а когда убедились, что на их свободу покушаются большевики, дали решительный отпор и большевикам.

На базе стихийной борьбы дайханских масс, утверждала советская историография, в Туркменистане возникло партизанское движение, в частности партизанский отряд Аллаяра Курбанова, в рядах которого состояли сто туркмен и двадцать два русских крестьянина, создание партизанских частей началось также среди крупного туркменского племени иомудов⁵⁷⁴.

Однако архивные документы денкинского и советского командования свидетельствуют, что против пришельцев более или менее организованно

⁵⁷³ ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.3, л.161. На этот весьма интересный документ обратила мое внимание сотрудница архива Л.А.Лебедева. Судя по читательским записям, оставленным в формуляре дела, с ним ознакомилось немалое количество исследователей, но учитывая, что точка зрения Зеленского в корне расходилась с постулатами официальной советской исторической науки, никто не решился обнародовать эти бесценные материалы.

⁵⁷⁴ Р.Эсенов. Большевистское подполье Закаспия, с.180-201.

выступила лишь горстка дайхан из племени геркезов во главе с Аллаяр-ханом Курбановым, и это «партизанское движение» по сути оформилось и развилось при организующей роли командования советских войск»⁵⁷⁵. Такова природа «стихийных выступлений», возникших по мере приближения частей Красной Армии к Ашхабаду, когда стало ясно, что поражение белогвардейцев неизбежно.

В годы гражданской войны среди иомудских племен и родов действительно намечались ростки движения по созданию партизанских частей. Эта сила, успев проявить себя еще в 1916 году (на ее подавление царское правительство бросило карательный отряд генерала Мадритова), выплеснулась в 1924-1926 годах в Гюргенское восстание туркмен и курдов и, наконец, в крупное вооруженное выступление скотоводов и дайхан Западного и Северного Туркменистана осенью 1931 года, потопленное в крови советской властью.

Туркмены выступали против Советов большей частью под воздействием внутренних причин. Вряд ли имели прямое отношение к вооруженным выступлениям Ходжакули-хана, Джунаид-хана, Ата Мянэли и других лидеров национального сопротивления и повстанческого движения какие-либо внешние силы, как пытались убедить нас в советское время. Весьма сомнительно, что «басмаческое» движение в Туркменистане инспирировалось британскими или какими-либо другими зарубежными спецслужбами, хотя их интерес к этому региону нельзя полностью сбрасывать со счетов. Тем не менее тезис о причастности англичан к «басмачеству» кочует из книги в книгу, из статьи в статью, хотя не подтверждается какими-либо убедительными архивными документами.

Британские войска, оккупировав Туркменистан в 1918-1920 годах, разумеется, были не прочь завладеть его нефтью и другими богатствами. Но вскоре англичане убедились, что большевики не думают никому уступать Среднюю Азию и, вторгнувшись в нее, намерены утвердиться на этих землях навсегда.

Не стоит повторять уже приведенные цифры и факты о чудовищном по своим формам и размаху геноциде туркменского народа. В то же время несправедливо закрывать глаза на позитивные сдвиги, происшедшие за семь с лишним десятилетий советской власти. За короткий исторический отрезок

⁵⁷⁵ Там же, с.199-200. Не исключено, что Реввоенсовет и Политотдел Закаспийского фронта, руководившие партизанским движением, играли на честолюбии анархически настроенного родового вождя Аллаяра Курбанова, видевшего себя не только геркезским ханом. Большевики потворствовали его авантюристическим амбициям, в частности делали вид, что не заметили участия председателя Геркезского сельсовета Аллаяра Курбанова со своими соплеменниками в Гюргенском восстании иомудов и курдов на территории соседнего Ирана.

времени была модернизирована не только экономика бывших колониальных окраин царской России, но и изменен феодально-патриархальный уклад жизни целых народов, в том числе туркменского.

Не будем ставить крест и на духовной жизни общества при большевиках. Коммунисты, ошибочно узрев в религии антипод своей идеологии, наложили на нее унизительные запреты, но понесенный ущерб постарались восполнить культом русской и мировой литературы, а в национальных республиках - возрождением литературы, фольклора коренных народов, ставшими основой духовного развития общества в годы культурной революции в СССР в 20-30-е годы. Духовное обогащение общества происходило также и за счет высокого теоретического уровня преподавания общественных наук (правда, несколько однобокого, заидеологизированного) в школах, техникумах и высших учебных заведениях.

Если задуматься над многочисленными фактами и примерами, подтвержденными документами, со всей определенностью можно сказать, что в гибели миллионов и миллионов жертв политических репрессий ни один народ не виновен. В этом вина тоталитарной системы.

Как ни парадоксально, своей государственной политикой тоталитарный режим создавал предпосылки для зарождения духовной оппозиции, массового недовольства советской властью.

Тоталитарная система методично и отнюдь не случайно преследовала всех европейски образованных, демократически настроенных туркменских интеллектуалов. Трагически сложилась судьба даже тех, кого тоталитарная система сама выдвинула и воспитала. Среди них - Б.Кербабаев, К.Бориев, О.Абдалов, Н.Мурадов, Г.Непесов, О.Кулиев, Б.Каррыев, М.Косаев и многие другие.

Помню, как в 1974 году сразу после смерти Б.Кербабаева чекисты интересовались личным архивом писателя. Тогдашний председатель КГБ республики генерал Я.П.Киселев просил меня, председателя правления Союза писателей Туркменистана, предоставить возможность просмотреть личную библиотеку покойного Берды Мурадовича. На мой вопрос «Зачем?» он ответил: «На полях прочитанных писателем книг наверняка есть собственноручные пометки, записи. Они могут дать нам пищу для размышлений, а то и выведут на кое-кого. В нашей практике такой прецедент был в одной из республик Прибалтики, когда умер их видный писатель».

Республика, формально считавшаяся самостоятельной, фактически зависела от Госплана, ЦК КПСС, Совета Министров СССР, союзных министерств и ведомств, не имела нормальной экономической инфраструктуры, отраслей обрабатывающей промышленности. Туркменская ССР по сути не распоряжалась своими богатствами. Перспективы ее

дальнейшего развития определял Центр, планы спускались сверху, даже колхозы не имели права распоряжаться собственными средствами.

Помню приезд в Туркменскую ССР осенью 1963 года Н.С.Хрущева. Туркменские руководители попросили у него продолжить строительство Каракумского канала на запад, и, учитывая тяжелые климатические условия республики, особенно в летнее время, продлить трудящимся отпуска, увеличить надбавки к зарплате и т.д. Завершая поездку, советский лидер выступил на стадионе Ашхабада и здесь дал своеобразный ответ на прозвучавшие просьбы. «Нет у меня денег, откуда они у меня? - с этими словами Никита Сергеевич демонстративно вывернул карманы брюк. - Смотрите, у меня вошь в кармане да блоха на аркане». А о том, куда шла прибыль от реализации 70 миллиардов кубометров газа, добываемых ежегодно из недр туркменской земли, 15 миллионов тонн нефти, свыше полумиллиона тонн хлопка, 100 тысяч каракумских шкур, серы, природных минералов Гаурдака, Карабогаза, Челекена, экспортируемых за рубеж – об этом Никита Сергеевич почему-то умолчал.

Памятна встреча в январе 1991 года делегации Туркменской ССР с советским послом в Иране. Когда речь зашла об экономической политике Туркменистана, принявшем Декларацию о государственном суверенитете, министр иностранных дел Абды Кулиев, возглавлявший делегацию, заявил, что республика ищет выход на мировые газовые рынки, намерена подписать соглашения о поставках газа в страны Европы, а в соседний Иран планирует проложить 140-километровый газопровод, по которому будет подавать миллиарды кубометров газа. Подобное заявление советскому послу пришлось не по вкусу. Он стал отговаривать Кулиева, заявляя, что, дескать, строительство нового газопровода, транспортировка газа в дальние страны дорого обойдутся, не лучше ли поставлять газ, как и прежде, в Россию.

«Наш газ вы берете за бесценок, - ответил А. Кулиев. - Так дальше продолжаться не может. Мы намерены строить наши отношения со всеми государствами без исключения на основе справедливых экономических отношений, на эквивалентном обмене в соответствии со складывающимися мировыми ценами».

Посол был явно недоволен, но туркменский министр твердо стоял на своем. Сейчас очевидно, кто был прав в этом споре.

Обращаясь к истории нашего народа, вспомним его прогрессивных деятелей, которые еще на заре зарождения демократической мысли в Туркестане предлагали осуществлять законодательную власть через Думу, ввести в стране демократическое правление. За эти преобразования голосовала кадетская партия (конституционные демократы). Сейчас мало кто знает, что Эмир Хаджи Бердыев, являясь чиновником Русско-Азиатского

банка, входил в национальную группу при мусульманской фракции Госдумы⁵⁷⁶, которая пользовалась сочувствием и поддержкой среди зарождающейся туркменской интеллигенции. Казахско-киргизскую группу Госдумы, объединявшую всех представителей среднеазиатских национальностей, возглавлял Мустафа Чокаев, студент Петербургского университета. Он близко общался со своим единомышленником и сокурником Какаджаном Бердыевым, который был его помощником по фракции. К.Бердыев поддерживал связь также с членом Госдумы Садри Максудовым⁵⁷⁷.

Группа молодых туркменских демократов во главе с социал-демократом Тячэйтином действовала в Теджене. Она распространяла через группы агитаторов националистические идеи, а также нелегальную литературу и пантюркистские газеты из Баку. Подобная группа действовала и в Мерве, но была раскрыта и выдана царской охранке проникшим в ее ряды провокатором⁵⁷⁸.

В свое время в партии кадетов состояли Бекки и Баппы Бердыевы, Сеидмурад Овезбаев, заочно избранный военным министром «Кокандской автономии». Идея автономии Туркестана родилась еще до Октября и была популярна не только среди исламских фундаменталистов и национальной буржуазии, но и среди части демократически настроенной национальной интеллигенции, а также рядового дайханства, входившего в небезызвестную организацию «Иттифак»⁵⁷⁹.

На работе съезда, провозгласившего «Кокандскую автономию», участвовали К.Бориев и его наставник С.Ходжанов, а также братья Какаджан и Бекки Бердыевы, два офицера из Текинского конного полка, выдвинувшие в правительство кандидатуру С.Овезбаева. Позже они были одними из организаторов демонстрации местного населения в защиту «Кокандской автономии». Тем временем Бекки Бердыев и Абдурахман Оразмухамедов закупили в Ташкенте оружие и в сундуках с двойным дном отправляли в Мерв. В 1918 году это оружие было обращено против Советов⁵⁸⁰.

Члены партии кадетов братья Какаджан и Бекки Бердыевы (Бекки к тому же являлся членом Комитета по созыву Туркестанского Учредительного

⁵⁷⁶ Архив КНБТ, д.48577, т.1, л.312,315. В 20-х годах во время первого ареста Э.Х.Бердыева и его ссылки на север страны, а затем во время второго ареста в начале 30-х годов факт его участия в деятельности Госдумы был поставлен ему в вину как «контрреволюционная деятельность».

⁵⁷⁷ Там же, л.313.

⁵⁷⁸ Там же.

⁵⁷⁹ Там же, т.2, л.67; т.8, л.209; Журнал «Общественные науки в Узбекистане», 1989, №12, с.51.

⁵⁸⁰ Архив КНБТ, д.П48577, т.8, л.8-9. Есть основания предполагать, что в этой акции с оружием активное участие принимал и Баппы Бердыев, третий сын Э.Х.Бердыева, больше занимавшийся подобного рода коммерцией, нежели чисто политической деятельностью.

Собрания) даже при советской власти в 1922-1923 годах, несмотря на преследования, не прекращали опасную работу. По вызову члена того же Комитета Сеида Насыра Мирджанова они ездили в Ташкент, где нелегально встречались с Заки Валидовым, объявленным Советами вне закона, чтобы обсудить с казахскими и узбекскими интеллектуалами вопрос о создании общей организации, ее программы и тактики⁵⁸¹. Как считает узбекский ученый Р.М.Абдуллаев, вполне правомерно подходить с новых позиций и к оценке партии кадетов как наиболее крупной буржуазной партии, имевшей после первой русской революции свои филиалы в Коканде, Фергане, Ташкенте, Самарканде и других городах края. Необходим глубокий и объективный анализ идеологии партии, на членов которой в советское время навесили ярлык националистов⁵⁸².

Засилье тоталитарной системы было настолько невыносимо, что в самой правящей коммунистической партии и в государственных структурах образовывались внутрипартийные группы и группировки, что по сути являлось одной из форм протеста против диктата Центра, не желавшего уступать свое лидерство в стране.

У отдельных руководителей республики сочувствие встретил программный документ туркменской внутрипартийной оппозиции «Что даст платформа оппозиции для Туркмении?». Но впоследствии, вероятно, в силу трагической иронии судьбы, те же республиканские лидеры, первоначально поддерживавшие М.Тумаилова и его «Платформу», в решающий момент смалодушничили и даже выступили против того, с чем они тайно соглашались и чему обещали поддержку. Они, вероятно, опасались, что внутрипартийная оппозиция может стать центром оппозиционного движения, объединить дайханские массы, антисоветское сопротивление антибольшевистскими идеями, поднять их против Советов.

В «Платформе» содержалось много рациональных зерен, в которых режим узрел «крамолу», претензию на власть. Находившиеся у власти партийные и государственные деятели не хотели уступать лидерство оппозиции, чья программа, по существу, не была столь догматичной и ортодоксальной. Оппозиционеры, открыто выступая против мелочной опеки, засилья Центра, считали, что среднеазиатские органы (Средазбюро, Средазэко и др.) созданы из-за недоверия к национальным республикам и областям. М.Тумаилов требовал роспуска Средазбюро ЦК ВКП/б/, созданного для контроля национальных ЦК компартий.⁵⁸³ Он же, характеризуя деятельность карательных органов, заявил, что ГПУ республики борется не с

⁵⁸¹ Там же, т.2, л.67-70.

⁵⁸² Журнал «Общественные науки в Узбекистане», 1989, №12, с.47.

⁵⁸³ ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.50, л.21.

контрреволюцией, а с честными, безвинными рабочими, а власть не заинтересована в коренизации государственного, партийного аппарата и вместо национальной политики проводит шовинистическую, колонизаторскую линию⁵⁸⁴.

Туркменская оппозиция требовала также повысить заработную плату рабочим. В своих выступлениях, анализируя состояние торговли, Тумаилов предлагал, чтобы республика торговала с приграничной иранской провинцией Хорасан напрямую, а не через общесреднеазиатские организации⁵⁸⁵. Еще тогда туркменские оппозиционеры смотрели в будущее, сумели разглядеть преимущества рыночной демократии перед тоталитарным социализмом.

И наконец, о повстанческом движении, которым Туркменистан был охвачен с первых дней советской власти и вплоть до окончания Великой Отечественной войны. Насильственная коллективизация конца 1920-х - начала 1930-х годов, как уже отмечалось, представляла собой по сути сталинскую войну против крестьянства. Это почувствовали на себе и туркменские дайхане. Советская власть жестоко расправилась с восставшими скотоводами и дайханами Западного Туркменистана, выступившими осенью 1931 года, с восставшими дайханами, действовавшими под руководством Джунаид-хана, Ходжакули-хана, Ата Мянели, других лидеров национально-освободительного движения. Это отнюдь не басмаческое, а повстанческое движение, вооруженное выступление оппозиции, избравшей крайнюю форму протеста против тоталитарной системы.

В советской историографии утвердилась точка зрения, что среднеазиатское «басмачество» зародилось в Узбекистане и даже называют точную дату – 1918 год. Некоторые связывают его с «Кокандской автономией», вызвавшей мощное народное движение, охватившее на какое-то время довольно широкие слои коренного населения, и в котором приняли участие представители туркменской интеллигенции и дайханства.

Если согласиться с этой точкой зрения, то как быть с вооруженными выступлениями крестьян под руководством Эзиз-хана и Джунаид-хана, которые подняли знамя борьбы против колониальной политики царизма еще до Октября. Именно поэтому вначале советская историография возвела их в ранг лидеров национально-освободительного движения, но стоило им взяться за оружие против Советов, как их превратили в «бандитов», а возглавляемое ими повстанческое движение окрестили «басмаческим». Эзиз-хана, не признававшего ни белых, ни красных, белогвардейские власти судили как «разбойника» и расстреляли.

⁵⁸⁴ Там же, д.49, л.77; д.41-11, л.122.

⁵⁸⁵ Там же, л.58.

Режим продуманно создал систему «подбора и расстановки кадров» партийной и государственной номенклатуры. Судьбу целых племен и народов решали отдельные личности, наделенные неограниченными, диктаторскими правами, пришельцы, далекие от жизненных интересов местного населения, для которых были чужды его традиции, быт, история, язык. Среди них, к сожалению, было немало авантюристов, проходимцев, карьеристов, съехавшихся на «ловлю счастья и чинов». Они с легкостью и без угрызения совести бросили против мирных скотоводов Каракумов регулярные части Красной Армии - кавалерийские полки, пулеметные роты, батареи тяжелых орудий, танкетки, аэропланы, поливали огнем с моря, земли и воздуха, забрасывали бомбами и снарядами женщин, детей, стариков, прятавшихся среди голых барханов и безлесных урочищ.

Тоталитаризм, причинивший туркменскому народу непоправимый ущерб, не довольствовался арестами и расстрелами повстанцев, депортацией их семей и родственников. Большевицкая власть умышленно инспирировала различные «заговоры», выдумывала «подпольные организации», подобные мифической «Туркмен Азатлыгы», избрав это как одну из форм борьбы с духовной оппозицией.

Политика уничтожения людей подогревалась Центром. Если Я.М.Каганович в январе 1933 года на Объединенном пленуме ЦК и ЦК ВКП/б/ сокрушался: «Мало мы, товарищи, расстреливаем!», то секретарь ЦК КП/б/Туркменистана С.Сахатмурадов на одном из очередных партийных пленумов хвастался тем, что, расстреливая «врагов народа» вместе с Чары Веллековым, был особенно беспощаден к «байским и духовным элементам». Он упрекал «пассивного» в этом плане Г.Атабаева и призывал своих однопартийцев быть «решительными» и, не церемонясь, «подписывать списки подлежащих расстрелу баев и их пособников»⁵⁸⁶. Если Каганович, сам будучи евреем, ненавидел евреев, устраивал на них гонения, то туркмен Сахатмурадов и ему подобные точно также не щадили туркмен, расстреливая их сотнями и тысячами.

Сегодня нравственный долг историка, философа и литератора восстановить истину о прошлом, поведать о ней людям объективно, беспристрастно, одну лишь правду и только правду. Миллионы невинных жертв вызывают к нашей памяти, требуя, чтобы мы осознали, почему все так сложно, порою необъяснимо даже в нашей новой жизни, почему так трудно строить независимое государство.... Это важно знать не только современникам, но и грядущим поколениям. Это важно помнить, чтобы избежать повторения трагических ошибок истории, оборачивающихся для народа и страны новыми бедами и страданиями.

⁵⁸⁶ В. Успенский. Тайный советник вождя. – «Роман-газета», 1992, №8-9, с.30-31; ЦГАПДТ, ф.1, оп.1/1, д.74, л.70-71.

ВВЕДЕНИЕ.....	2
ГЛАВА I.	21
ПОЗИЦИЯ ТУРКМЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В ТУРМЕНИСТАНЕ (1917 – 1920 ГГ.).....	21
§ 1 ТУРКМЕНСКОЕ ОБЩЕСТВО И КОЛОНИЗАТОРСКАЯ ПОЛИТИКА РУССКОГО ЦАРИЗМА.....	21
§ 2 ТУРКМЕНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ И ЕЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ КОЛОНИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ ЦАРСКОЙ РОССИИ.....	26
§3. СОПРОТИВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ КРУГОВ БОЛЬШЕВИСТКОМУ ВТОРЖЕНИЮ В ТУРКМЕНИСТАН.....	39
§4. ПОЗИЦИЯ ТУРКМЕНСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ КРУГОВ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ.....	49
ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ.....	62
§ 1. ЭЗИЗ-ХАН – КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОЖДЬ, ВЫРАЗИТЕЛЬ ИНТЕРЕСОВ ТУРКМЕНСКОГО ДАЙХАНСТВА.....	63
§ 2. ЗАРОЖДЕНИЕ ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ.....	69
§ 3. ЛИДЕРЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ И ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ТУРКМЕНИСТАНЕ.....	76
§ 4. ГОСУДАРСТВАННЫЙ ТЕРРОР – ОРУДИЕ ТОТАЛИТАРИЗМА В ПОДАВЛЕНИИ ОППОЗИЦИИ.....	91
ГЛАВА III. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ЗАРОЖДЕНИЯ ДУХОВНОЙ ОППОЗИЦИИ.....	101
§ 1. РЕАКЦИЯ ТУРКМЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА МЕРОПРИЯТИЯ БОЛЬШЕВИКОВ. НАСИЛЬСТВЕННАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ - КРИТИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ В ОТНОШЕНИИ ДАЙХАНСТВА К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ.....	101
§ 2. ЭМИГРАЦИЯ И ЕЕ ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	107
§ 3. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ДИСКРИМИНАЦИИ ДУХОВНОГО НАСЛЕДИЯ ТУРКМЕНСКОГО НАРОДА.....	110
§ 4. ЛИТЕРАТУРА ПРОТЕСТА – ВЫРАЖЕНИЕ ОППОЗИЦИОННОСТИ ТУРКМЕНСКОГО ОБЩЕСТВА.....	124
ГЛАВА IV. ОППОЗИЦИОННАЯ БОРЬБА В ТУРКМЕНИСТАНЕ ПРОТИВ ТОТАЛИТАРНОГО РЕЖИМА.....	133
§ 1. УЧАСТИЕ ТУРКМЕНСКИХ ОППОЗИЦИОНЕРОВ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОЙ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ.....	133
§ 2. ВЫСТУПЛЕНИЕ ВНУТРИПАРТИЙНОЙ ОППОЗИЦИИ В ТУРКМЕНИСТАНЕ КАК ВЫРАЖЕНИЕ ПРОТЕСТА ПРОТИВ ЗАСИЛЬЯ ЦЕНТРА. ОППОЗИЦИОННАЯ ПЛАТФОРМА ТУМАИЛОВА.....	137
§ 3. БОРЬБА С «УКЛОНАМИ» КАК МЕТОД ПОДАВЛЕНИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ.....	153

§ 4. ОБРАЗОВАНИЕ ВНУТРИПАРТИЙНЫХ ГРУПП И ГРУППИРОВОК - ОДНО ИЗ ПРОЯВЛЕНИЙ БОРЬБЫ ЗА ЛИДЕРСТВО В ПАРТИИ.....	158
ГЛАВА V. ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ 1931 ГОДА - БОРЬБА ВООРУЖЕННОЙ ОППОЗИЦИИ ПРОТИВ ПОЛИТИКИ ТОТАЛИТАРИЗМА.....	170
§ 1. СОВЕТИЗАЦИЯ - ОРУДИЕ ПОДАВЛЕНИЯ ИНАКОМЫСЛИЯ И СТРЕМЛЕНИЯ К НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ	170
§ 2. ВОССТАНИЕ СКОТОВОДОВ И ДАЙХАН ЗАПАДНОГО ТУРКМЕНИСТАНА И СЕВЕРНЫХ КАРАКУМОВ.....	177
§ 3. ФАБРИКАЦИЯ ДЕЛА МИФИЧЕСКОЙ АНТИСОВЕТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ТУРКМЕН АЗАТЛЫГЫ» - ФОРМА БОРЬБЫ РЕЖИМА С ДУХОВНОЙ ОППОЗИЦИЕЙ.....	188
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	201